

Юрий Теплов

Капкан

Роман о том, кто мы есть и как появились

Юрий Теплов

**Капкан. Роман о том, кто
мы есть и как появились**

«Издательские решения»

Теплов Ю. Д.

Капкан. Роман о том, кто мы есть и как появились /
Ю. Д. Теплов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960157-5

В романе переплетаются современность, основанная на фактическом материале, и не столь давняя история. Детективная линия соседствует с фантастикой, опирающейся на «Евангелие», а также другие канонические и апокрифические издания религиозной литературы. Тема — одна из версий о зарождении жизни на Земле. Древнейшая цивилизация, переселившаяся на другую планету, пытается образумить жителей Земли, ибо не исключает вариант, что люди сами погубят свою планету... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960157-5

© Теплов Ю. Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая.	6
Остров	6
Командировка на Иссык-куль	30
Покушение	39
Финансовая соседка	44
...А следы остаются	55
Операция «Дуст»	66
Одиссея Игоря Рысева	80
Кто кого?	90
Беглец	95
Снова слежка	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Капкан

Роман о том, кто мы есть и как появились

Юрий Дмитриевич Теплов

© Юрий Дмитриевич Теплов, 2018

ISBN 978-5-4496-0157-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Воскресший утопленник

Остров

1

Алексей проснулся от холода и от ощущения, что проспал. Хотя рассвет лишь пробивался в палатку, и полновесная рыбацкая заря была впереди. И все же что-то было не так. Он нащупал у входа болотные сапоги, стал их натягивать. Они не лезли, будто усохли за ночь на три размера. Включил фонарик и обнаружил, что и штаны усохли: не доходят даже до щиколоток. Еще раз попытался натянуть сапоги – не получилось.

Вчера после полудня он прибрел к этой островной заводи на Оке, укрытой от чужих глаз ивняком и камышом, затаборился и успел дотемна поймать четырех лещей. И штаны вчера были до самых пят, и сапоги впору. И ночь обещала быть теплой, а вон как похолодало. Да и себя Алексей ощущал непривычно, ровно бы видел со стороны.

Он достал из палаточного кармана кнопочный нож. Откинул острое лезвие и без колебаний отчекрыжил длинные резиновые голенища. Получились галоши. Но и они не налезали, пока не убрал фетровые стельки и не разрезал задники. Он проделал эту операцию, не задумываясь и не пытаясь объяснить себе, что же такое сотворилось с его рыбацкими шмотками.

Над рекой лоскутно шевелился туман. Было зябко. Три заброшенные на ночь закидушки стояли с обвисшими колокольчиками. Алексей снял с рогули ближнее удилище, попытался вытянуть лесу. Не тут-то было – зацеп! Две другие закидушки тоже не поддались подмотке – намертво сидели в реке, хотя дно в заводи было чистое. Чтобы освободить зацепы, надо лезть в воду. Процедура не из приятных: без ста граммов и костра не обойтись.

Сушняк, заготовленный с вечера, оказался весь пропитан влагой. Дождя между тем ночью не было. А может, был?.. Алексей извел полкоробка спичек, пока заставил сырье загореться. Поискал в рюкзаке бутылку – она исчезла. Не может быть, чтобы вчера выпил и запомнил. Или дома забыл?.. Решил сварить уху, чтобы горячего хлебнуть. Вытянул садок из воды. Вместо лещей в нем болтались четыре рыбьих скелета.

Что-то все же ночью произошло. Но что? Землетрясение?.. Откуда ему взяться под Москвой?.. Сапоги ужались, штаны съежились, бутылка пропала, рыбу какая-то сволочь до костей обглодала. В общем, надо сматывать удочки. Однако все равно придется ждать ночи. Не маячить же на людях в коротких штанишках и резиновых опорках!

Была почти полночь, когда Алексей добрался до своего дома в Лефортово.

Но в подъезд попасть не смог, вход перекрывала новая металлическая дверь с кодовым замком. Вчера этой двери не было. Поставили видно сегодня, не предупредив жильцов. Жилые квартиры начинались со второго этажа, никому в окошко не постучишь, чтобы узнать код. Не меньше полчаса топтался Алексей перед дверью, пока из подъезда не выпорхнула припозднившаяся парочка.

Лифт не работал. На пятый этаж он взобрался, шагая через две ступеньки. И не вспомнил об одышке, одолевавшей его последние два года. Уже возле своей двери обнаружил пропажу: ключей в кармане не оказалось. Дверной звонок неделю назад вышел из строя, пришлось стучать. Сперва тихонько, затем сильнее.

Никто не отозвался. Не могло быть, чтобы дома никого не было: у жены учительские каникулы, уехать никуда не могла, да и сыну завтра на работу. На всякий случай вдавил кнопку звонка и услышал незнакомую трель. Позвонил еще раз. Скрипнула дверь спальни. Сонный голос жены спросил:

– Кто там?

– Я, – откликнулся он.

– Кто вы?

Это не лезло ни в какие ворота.

– Мужа не узнаешь?

За дверью повисла странная тишина. Наконец, прервалась еле слышным:

– Кто там?

– Открывай, черт возьми!

С той стороны раздался тонкий заячий вскрик. Затем что-то глухо стукнуло. Алексей заколотил в дверь.

– Чего барабаните? – услышал он голос сына.

– Олег, это я, – сказал Алексей. – Открой.

– Папа? – неуверенно и с заминкой переспросил тот.

– Кто же еще! Что у вас происходит?

– Подожди. С мамой плохо. Я ее в кресло усажу.

Ждать пришлось долго. Сначала из-за двери доносились лишь шевеление и бубнящий голос Олега. Потом он уставился в глазок.

– Открывай, Олег! – приказал Алексей.

Ключ дважды повернулся в замке. Дверь открылась. Жена сидела в кресле и с жутью глядела на Алексея. Сын стоял с молотком в руках и пытался загородить ее. Лицо его было бледным и даже испуганным.

Сбрасывая рюкзак, Алексей шагнул через порог.

– Не подходи, – хрипло произнес Олег.

– Ты что, с ума сошел?

– Перекрестись!

Алексей изумленно поглядел на сына.

Мелькнула и пропала мысль, что тот стал ниже ростом. Перевел взгляд на жену: она медленно сползала с кресла.

– Перекрестись! – закричал сын.

В растерянности Алексей неумело перекрестился. Молоток выпал из рук Олега. Он опустился перед матерью на колени, стал похлопывать по щекам. Она приоткрыла глаза. Скользнула испуганным взглядом по все еще стоявшему в дверях Алексею.

– Может, ты все же объяснишь, что случилось, Олег! – потребовал Алексей.

– Что-что!.. Похоронили мы тебя – вот что. Еще в июне похоронили!

Олег дал матери успокоительные таблетки и отвел ее в спальню. Затем прошел вслед за отцом на кухню.

– Садись и рассказывай по порядку, – велел ему Алексей.

– Дай в себя прийти, отец.

– Валяй. Борщ есть в доме?

Олег достал из холодильника кастрюлю, поставил на газ. Выудил из нижнего отсека поллитровку, хлеб, помидоры. Налил по полстакана. Дернулся чокнуться, но передумал. Выпил залпом. Алексей поднес стакан к губам и почувствовал непривычное отвращение.

– Ну, рассказывай, – напомнил.

– Ты бы лучше сам рассказал, где был.

– На рыбалке.

- Два с лишним месяца на рыбалке?
- Не городи чушь, Олег.
- Какая чушь! На Котляковском кладбище твоя могила. И крест с фамилией. Твой друг

Рязанцев памятник заказал.

- Ты это серьезно?
- Серьезней некуда.
- Какой сейчас месяц, Олег?
- Сентябрь.
- Не может быть!
- Вон календарь, посмотри. Да и видал, наверно, деревья желтеют.
- Кого вы хоронили-то?
- Откуда я знаю!

Сын снова плеснул в свой стакан. Глянул вопросительно на отца и его нетронутую водку. Тот отрицательно качнул головой. Но пригубил, опять почувствовав отвращение.

– Мы тебя трое суток с рыбалки ждали. Потом заявили в милицию. Объяснили, что ты на Оку рыбачить поехал. Через неделю меня вызвали на опознание: выловили утопленника. Распухший, разбухший, пол-лица нет, разве опознаешь? А лодку твою нашли возле Белоомута. Ее не спутаешь, она с красными заплатками и веревками из парашютных строп. В лодке была твоя панама. И даже пустая бутылка из-под старки.

- Разве я брал с собой лодку?
- Меня не было, когда ты уходил. А как старку в рюкзачный карман затолкал – видал.
- Дома нет лодки?

– Нет. Не могла же она сама испариться. Между прочим, исчез и твой трофейный браунинг с патронами. Ты его из первой афганской командировки привез. Ментам я не сказал про него.

Дамский браунинг Алексею подарил командир отряда «Каскад». Тогда каскадовцы только вернулись с реализации. Так назывались их рейды через пакистанскую границу. Они приволокли с собой полные карманы афганских бумажных денег и голову погибшего старлея. Тело утащить не смогли – уходили по горам с боем. А голова – доказательство, что человек не в плену, а погиб при исполнении. Значит, похороны с почетом, а семье – пенсия и льготы... На поминки по старшему лейтенанту и попал Алексей. Пили контрабандную водку. Она отдавала бензином, потому что бутылки из Союза перевозились в емкостях с горючим. В тот вечер расслабившийся командир и подарил Алексею дамский браунинг...

Куда же он мог деться из ящика письменного стола? Перед рыбалкой был на месте, это точно. Алексей вытаскивал его, перебирал патроны. А что потом? Зачем-то дамская пушечка ему понадобилась. Но вот зачем?..

- А дальше? – спросил он сына.
- Тебе лучше знать, что дальше.
- Я ничего не знаю, Олег. Вечером залез в палатку, утром проснулся.

Сын полоснул его недоверчивым взглядом и потянулся за бутылкой.

– Понимаю, Олег. Трудно поверить, что человек проспал, чуть ли не все лето. Но так получается... Думаешь, что я загулял?

- Кто тебя знает... Ты хоть видел себя в зеркале?
- Нет. А что?

– Ты же седой был и лысоватый. А сейчас ни одной сединки и кучерявый. И выше стал, меня перерос. Да и помолодел. Мистика, б-блин! Пойди, поглядишь.

Из зеркала на Алексея глянул русоволосый мужик под сорок, хотя свои полвека он уже разменял. А выглядел перед рыбалкой и того старше. Исчезли темные подглазья, разгладились морщины. И действительно, вытянулся...

Вдруг ему показалось, что, кроме своей резко помолодевшей физиономии, он видит в зеркале что-то еще, там, позади себя. Услышал слабый щелчок, ровно бы щелкнули выключателем...

Он лежал совершенно голый, опутанный незаметными проводками. В голове было пусто и гулко, как в новой, приготовленной к заселению квартире. Рядом с ним сидела женщина в переливающейся голубоватой одежде. У нее была слегка вытянутая к затылку голова с волнами зеленоватых волос, и смуглое лицо, на котором выделялись большие глаза с кошачьим разрезом. На лбу темнело пятнышко, как у индийской танцовщицы.

Женщина незаметно переместилась к плоскому пульта. Беззвучно проиhsась пальцами по невидимым клавишам. Пустая квартира ожила, в нее ввалились деловые новоселы. Голова Алексея стала заполняться звуками, они накатывались и откатывались, пока не обрушились девятым валом, и все потонуло в грохоте...

Видение помутнело и исчезло. Из зеркала на Алексея смотрел моложавый сорокалетний мужчина.

– Убедился? – спросил Олег.

– Н-да, – произнес Алексей. – Чертовщина!

– Ты пока в спальню не ходи. Я сначала сам поговорю с мамой, пускай приучается, что ты жив.

– Ладно. Мне еще ополоснуться надо...

Жена лежала тихо, как мышка, отодвинувшись к самому краю семейной кровати. Делала вид, что спала. Алексей тихо разделся и лег с другого края. Смотрел в белеющий потолок и силился вспомнить, что же такое ему привиделось там, в зеркале. Что-то зеленое, связанное с его любимым островом. Он часто рыбачил на нем. С берега к нему вела почти незаметная песчано-галечная подводная коса. Летом по ней можно было спокойно пройти к острову в сапогах или засучив до колен штанины. Он и выбирался с него сегодня, разувшись... Что же там произошло? Как его лодка оказалась возле Белого омута? И кто, наконец, спёр браунинг?..

– Может, ты мне объяснишь свои фокусы? – услышал он голос жены.

Напрасно Олег беспокоился, что мать будет бояться несостоявшегося покойника. Судя по голосу, она уже пришла в себя. Спросила требовательно, как и положено школьному завучу.

– Фокус в том, что я ничего не знаю, – ответил Алексей.

– Так я и поверила!

– Твое дело.

Она обиженно замолчала. Он обвел взглядом сумеречную спальню. Она показалась ему гостиничным номером, давшим приют командированному человеку. До них в этой квартире с высоченными потолками и просторными комнатами жил тыловой генерал. Алексей ненавидел это паркетно-кафельное жилье. Семейные радости остались в гарнизонных общагах, там, куда забрасывала его служба. Тогда у них и гости не переводились, и сами по гостям шастали – пели, плясали без загляда в завтрашний день. А здесь – как сычи: гости, видишь ли, натопчут, напакосят. Здесь даже стены веют холодом.

Эти хоромы ему выделили незадолго до увольнения в запас. Тогда вышла в свет его книга о войне в Афганистане. Вместе с премией министерства обороны он приобрел прозвище «генштабовский скворец». Малость пообижался, да и плюнул, успокоенный новыми хормами. В запас ушел с уверенностью, что прокормится своими книжками. И прокормился бы, если б не меченый генсек с уголовной перестройкой, а потом еще и беловежский разрушитель на танке у Верховного Совета...

– Чего молчишь? – спросила жена.

Он не ответил.

– Что же теперь нам делать? – не успокаивалась она.

– А что мы должны делать?

– Паспорт твой я сдала. В военкомате с учета и пенсии сняли. Из жильцов тебя вычеркнули. Тебя вообще нет!

– Я – вот он.

– А вдруг и не ты вовсе? Не может человек вдруг помолодеть на двадцать лет. Да еще и вырасти!.. Может, ты младший брат моего мужа?

– Ты что? Рехнулась?

– Сам ты рехнулся.

Алексеем захотелось сплунуть. Заснуть и выкинуть все из головы. Но сон заплутался в островном ивняке, где он дрых два с половиной месяца. Другого объяснения случившемуся придумать не мог. А лодку смыло и унесло течением.

Мысли его были, хоть и четкими, но раздерганными. Кино из собственной жизни он смотрел бессистемно, выхватывая кадры из прошлого и настоящего. В них вплеталось то, чего и не было вовсе. Это вызывало беспокойство и желание вспомнить что-то важное. Но оно ускользало, как туман над рекой.

Алексей слышал, как заворочалась жена. И почувствовал, что сейчас она переберется на его половину. Так было всегда: супружеский секс определялся ее хотением.

Она подлезла, обняла со спины.

– Чего отвернулся?

Он вознамерился не реагировать. Но долгое воздержание дало себя знать. Повернулся к ней. Впился губами в ее губы. Она охнула. Правой рукой он обхватил ее между ног, чего прежде не делал.левой грубо сдвинул грудь. Она начала постанывать. Это было знакомо. Повинуясь наитию, он вдруг забросил ее ноги себе на плечи, чего опять же никогда не делал. Она готовно пошла на это: «Д-да-а!».

Такого в их семейной постели еще не случалось. И никогда жена так самозабвенно не извивалась.

– Геночка! – услышал он вдруг, хотя рот ее был запечатан его губами.

Сначала не сообразил, продолжая свое мужское дело. Но мгновением позже увидел жену и себя не в спальне, а совсем в другой комнате, на богатом белом ковре, устилающем пол. И жена, точно так же задрала ноги, вопила:

– Геночка!

Стоп! Он видел когда-то и ту комнату, и толстый белый ковер на полу. В той квартире жила ее подруга, бывшая школьная учительница с мужем-адвокатом по имени Геннадий. Вот он откуда взялся, Геночка!

Алексей перестал раскачиваться. Жене это не понравилось. Она охватила его бедра, заставляя двигаться. И он, зверея, откликнулся на подталкивания. Но теперь сознание фиксировало каждый жест, каждое движение. Глядел на ее лицо с распахнутыми губами, как на врага революции в момент переговоров.

Наконец, рот ее искривился. Прежде он всегда угадывал этот миг, подстраивался под него, чтобы кончить вместе. Но в этот раз сдержался. Она сделала попытку высвободиться из-под него. Он не позволил. Скрутил ее руки, прижал к подушке.

– Хватит, – проговорила она, – ну, хватит.

Он продолжал с ожесточением втискиваться в нее. Ждал, когда она запросит пощады. Но вместо этого ощутил, что жена снова задвигалась. Закрыла глаза и стала подвывать. На этот раз он не стал искусственно сдерживать себя, когда рот ее искривился в немом крике:

– Ген-на!

Еще не отвалившись от нее, он произнес:

– Я не Гена.

Она открыла глаза, в них плясал испуг.

– Гена – муж твоей подружки, адвокат из гильдии Уханова. Я – не Гена.

– Глупости, – неуверенно проговорила она, переползая на свою половину кровати.

Он дождался, пока она уляжется и притихнет. Спросил зло:

– И давно это у вас?

– Как тебе не стыдно? Такое – про жену! Чтобы я, с кем-то...

– С адвокатом Генной. На белом ковре!

В голове у него шелкнуло. Спальню заполнил мрак.

Он недвижимо лежал в полной темноте, ощущая на висках присоски. Механический голос звучал тихо и размеренно:

– Формула триедина:

Не упрекай! Упрек делает человека виноватым.

Не осуждай! Осуждение вызывает злобу.

Не угнетай! Угнетение порабощает и рождает ненависть...

Алексей молчал. В незашторенное окно подглядывала луна. Тишина звенела, как перед выстрелом.

Откуда всплыл механический голос? Где он его слышал? Что это такое – предупреждение, знак свыше?... Что вообще происходит?

Жена съезжилась под одеялом. Недаром говорят: маленькая собачка до старости щенок. В свои пятьдесят три она смотрелась на сорок – такая статуэтка, которую он подобрал в рыбацьем поселке на Арале... О чем она сейчас думает? Алексей мог ответить на это с абсолютной точностью.

«Неужели я вслух произнесла имя Геннадия? Не может быть! Я же приучила себя ни слова не говорить в постели. Откуда же муж узнал? Даже про белый ковер?... Значит, проговорила. Что же теперь будет? Только не развод! Буду все отрицать. Скажу: „Тебе показалось“. А как отрицать белый ковер?... Упаду на колени, попрошу прощения...».

– Не стоит ни отрицать, ни просить прощения, – произнес Алексей.

«Боже мой! Неужели я опять думала вслух?»

Она вползла под одеяло с головой, будто оно могло оградить ее. А Алексей ошеломленно уставился в потолок. Выходит, он изменился не только внешне. Но и обрел способность слышать мысли. Где-то он уже сталкивался с чем-то похожим. Люди разговаривали, не открывая рта. Иногда он их понимал, чаще – нет. Где это было? Когда? Или сон привиделся? Может, на острове?... Да, ситуация...

Жена, конечно, паскудница. А сам он? Сколько баб у него было после женитьбы? Сосчитать – пальцев рук не хватит. Даже в Афгане была медсестра Света. Всего одну ночь, даже полночи. То была отдушина в дымно-кровавом коридоре.

Тогда их колонну подстерегли духи. Было двое убитых и пятеро раненых. Ранило и Ильяса-водителя, с ним он ехал от самого Кабула. Ильяс прикрыл его, когда они вывалились из горящей машины и поползли по голой обочине к бэтэру.

Подошедшая с блок-поста бронегруппа развалила дувал, оставив от духов месиво. Вертушки из Кундуза забрали убитых и раненых.

На другой день Алексей отыскал Ильяса в медсанбате. Он ждал отправки в ташкентский госпиталь. Увидев Алексея, ощерил в улыбке щербатый рот. Сказал:

– Дембель светит. Невеста ждет. Мать к себе ее забрала. Слабо на свадьбу в Стерлитамак, а? Адресок продиктую...

Медсестра приоткрыла одеяло, и Алексей увидел стянутые бинтами ноги и низ живота. Когда вышли из палаты, она, кусая губы, пробормотала:

- Лучше бы его убили.
- Вы в своем уме? – оторопел Алексей.
- Не будет у него ни невесты, ни жены. Все оторвало. Начисто...

Потом они глушили с хирургом в ординаторской спирт. Медсестра Света тоже пила и плакала. Хирург сказал:

- Вторые сутки не сплю, – и ушел.
- Алексей и Света остались на узком санитарном топчане...

Так сколько же их было у него – постельных попутчиц? Алексей стал вспоминать их по именам. Но что-то мешало, тормозило память, потому что он не мог поймать чего-то очень важного. Даже не из того, что произошло с ним на острове.

Алексеем вдруг привиделся странный неземной пейзаж: круглое озерцо, сочная шелковистая трава по берегам и деревья с зеленоватой корой и общей шаровидной кроной. Он ощутил приятную расслабленность и мгновенно провалился в безмятежный сон.

Алексей проснулся, когда жена тихо встала с постели и молча начала одеваться. Он чувствовал себя, будто выздоровел после изнурительной болезни. Глянул на жену, однако встречаться с ним взглядом она избегала. Судя по всему, Олег уже смотался в свою контору, так что разрядить обстановку было некому. Жена торопливо прошла на кухню, пошебуршилась там. Он встал, долго полоскался в ванной. Услышал, как хлопнула входная дверь. Она ушла, даже не позавтракав. Лишь оставила на кухонном столе записку с номером подъездного кода.

Алексей сразу же позвонил давнему другу Рязанцеву. До перестройки они вместе работали в центральной военной газете, и оба в одночасье сняли погоны. Теперь Рязанцев трудился спецкором в юридическом журнале.

- Услышав голос Алексея, он сначала икнул, потом строго сказал:
- Не надо сволочных шуточек. Хоть и похож, но голос не его. Кто говорит?
 - Да ты что, Валер? Это же я, Алексей.

На том конце провода повисло молчание, затем короткие гудки сообщили, что связь прервана. Алексей плюхнулся в кресло, зная, что сомнения начали грызть приятеля, и он уже набирает номер телефона. Услышав звонок, снял трубку, ответил, как прежде:

- Слушаю, Валера.
- Э-э, – протянул Рязанцев и неуверенно спросил: – Алексей?
- Он самый. С того света. Только не пугайся.
- Я – что? Схожу с ума?
- Сходишь, если кого-то вместо меня закопал. А я, как видишь, живой.
- Ну, дела! – проговорил Рязанцев через паузу. – Я сейчас в контору, потом встречусь с одной стриптизершей – и сразу к тебе. Не исчезнешь?
- Не исчезну. Только звякни предварительно. Мне еще юридически оживеть надо...

Выходить в город без копейки в кармане не имело смысла. Алексей знал, где у жены хранится заначка. Пошарил под бельем в шкафу и обнаружил триста рублей. Бедненько по нынешнему времени, но на метро хватит.

Во-первых, ему нужны были паспорт и пенсионное удостоверение, которые жена сдала при получении пособия на похороны. Лучше бы он забрал документы с собой, когда отправлялся на рыбалку. Теперь же придется стоять в очередях на прием к чинушам. А если потребуют вернуть похоронное пособие – совсем труба.

В первую очередь Алексей решил поехать в военкомат. Напялил свою любимую афганку безрукавку с множеством карманов. Прошел через засаженный тополями двор. Деревья уже прощались с летом, стояли унылые и едва шевелили поредевшей листвой.

Он дошел до метро «Авиамоторная». Направился по привычке мимо дежурной, где всегда проходил по пенсионному удостоверению. Стараниями московского мэра старики перемещались по городу бесплатно. Иногда Алексей даже не предъявлял свою пенсионную книжцу: немолодая физиономия красноречиво свидетельствовала о его возрасте.

Но в этот раз полнотелая дежурная загородила проход.

– Документ! – непререкаемо потребовала она.

Алексей растерянно похлопал себя по карманам и прошёл к кассовому окошку. Его неприятно удивило, что за билет, стоивший недавно шесть рублей, пришлось выложить в три раза больше. Когда он проходил через турникет, дежурная проводила его тяжелым подозрительным взглядом. И нажала на пульте кнопку.

Он уже спустился с эскалатора, когда почувствовал на плече уверенную руку. Обернулся. Рядом с ним стоял красноносый и губастый милицкий сержант с блеклыми рыбьими глазками.

– Ваши документы, гражданин!

Алексей пробежался взглядом по его лицу. «Одет прилично, – прочитал он тугие мысли сержанта, – если документов нет, пускай две сотни гонит. Жалко, что не кавказец, выложил бы по таксе – полштуки».

Глядя блюстителю закона в глаза, Алексей размеренно отчеканил:

– Ни полштуки, ни две сотни ты, красноносый, не получишь. Сколько за дежурство набрал?

Лицо сержанта мгновенно стало под цвет носу. Алексей услышал, как закрипели и замесались по извилинам его мысли. «Кажись, влип! Нарвался на внутреннюю безопасность... Подполковник, никак не меньше... А где у него доказательства?.. Деньги – из дома взял...».

– Да как вы смеете... – попытался изобразить возмущение, но Алексей осек его:

– Сколько в левом нагрудном кармане?

«Следили! – запаниковал блюститель. – На камеру взяли! Как пить дать, дело пришьют. А начальник опять отвертится...»

– Сколько? – повторил Алексей.

– Д-две сто, – дрожащим голосом произнес блюститель.

– Давай две сюда!

«Пронесло! – возликовали мысли. – Свой брат, только покруче. Да и потеря невелика – две штуки... А этой курве, что натравила на меня подсадного, ноги повыдергаю!.. Надо предупредить корешей, что на линии шмон...»

– Не надо предупреждать, – сказал Алексей, небрежно приняв из дрожащих рук блюстителя четыре пятачки. – Выдерживать ноги у дежурной тоже не советую. И начальнику больше не отстегивай, предупреди его, что он под колпаком.

Мысли сержанта окаменели, а сам он превратился в статую с разинутым ртом. Даже взглядом не проводил скрывшегося в вагоне электропоезда страшного пассажира.

Вспоминая стража порядка, Алексей грустно усмехался. Похоже, с деньгами теперь проблем не будет... Может, попытаться заодно получить должок и с Бычка? Такое прозвание имел бывший главпуровский комсомолец Антон Бычевский, ставший каким-то образом хозяином весьма доходного издательства... Он и на самом деле напоминал ласкового блудливого бычка: всегда обходительный, вечно улыбчивый, с влажными шухарными глазами. Военкомат вполне может подождать, а с этим мошенником стоит, пожалуй, встретиться.

Алексей доехал до «Третьяковской», конечной станции на этой ветке, и потопал в «Светоч». Так назвал Бычевский свое бумажное предприятие, намекая на то, что оно несет народу свет знаний. После распада Советского Союза он предложил безработному Алексею написать капитальное пособие для рыболовов-любителей. Алексей, которого уже давно перестали пуб-

ликовать, ухватился за это предложение, тем более что заказчик обещал заплатить очень приличный гонорар – полторы тысячи долларов.

Два месяца он корпел над рукописью. Тема была знакома до мелочей, фактура сама вываливалась из памяти. Писал с удовольствием и одержимостью. В срок вручил ласковому Бычку рукопись. Однако предполагал, что за гонораром еще придется походить и поклоняться.

Но кланяться не пришлось. Бывший комсомольский вожак полистал рукопись, сказал: «То, что надо», и Алексей, минуя бухгалтерию, получил из рук в руки обещанный гонорар. И заверение, что через месяц вручит ему пять экземпляров книги из десятитысячного тиража. А если она пойдет хорошо, то автор может рассчитывать на половинный гонорар с каждого следующего издания.

Насчет срока у Алексея возникли сомнения.

Его первую книгу Воениздат мариновал два года. Тем не менее, ровно через месяц он держал в руках пахнувшие типографской краской книги с интригующим названием «Тайны русской рыбалки». Не его это было название, издатели придумали.

Ему было любопытно, как книга расходуется. Не удержался и заглянул в «Глобус», книжный магазин в центре Москвы. Рыбацкие тайны шли нарасхват. Та же картина наблюдалась и через неделю, и через месяц... А тут еще один за другим позвонили из Хабаровска, Минска и Усть-Каменогорска старые сослуживцы. Поздравили и сообщили, что его книга уходит с прилавков влет.

Размах продаж явно зашкаливал за десять тысяч, обозначенных в книге. Алексей позвонил Бычевскому и поинтересовался дополнительными тиражами.

– Какие тиражи, дорогуша! – воскликнул тот. – Убыток терплю!

Алексей понимал, что он врет. Он тогда лишь сказал:

– Жулик ты, Антон!

– Не жулик, а коммерсант, который заплатил тебе, дорогуша, приличные бабки...

Вот и пришла пора разобраться с коммерсантом.

В приемной Алексея встретила незнакомая цыпочка с ледяным лицом. Девушки менялись тут раза три в год, но каждая была длинноногой и с этикеточной мордашкой. Такой уж вкус был у ласкового Бычка.

– По какому вопросу? – спросила она.

Алексей, не отвечая, шагнул к обитой рубчатой кожей двери. Отмахнулся от вцепившейся в рукав цыпочки и объявился в обставленных черной офисной мебелью апартаментах. Хозяин, восседавший за огромным столом, словно вырезанным по лекалу, изумленно вытаращился на Алексея. Но через мгновение широкая улыбка смыла изумление. Вылез из-за стола радушным бычком, протянул Алексею обе руки.

– А говорили, ты утоп, дорогуша! Что только не наболтают люди! Рад, рад! Где скрывался?

– В Тибете, – не задумываясь, ляпнул Алексей.

– Курс омоложения проходил? Здорово они тебя отремонтировали. Даже ввысь вытянули. Волосы покрасил?

– Нет.

– Неужели свои восстановились? Сколько заплатил, если не секрет?

– Секрет.

– Может, откроешь старому другу? Я бы тоже не отказался помолодеть.

– Ты и так молодой, Антон, раз такая куколка в приемной.

– Чувырл не держим... Коньячку выпьешь? – его влажные глаза так и лучились.

– Завязал.

– Неужели табу в Тибете наложили?

– Наложили.

– А по капелюшечке?

– Я должок пришел получить, Антон. За тиражи свыше десяти тысяч.

– Не понял. Разве я тебе что-то должен?

– Давай посчитаем, – спокойно ответил Алексей и прислушался к мыслям, порхающим в голове бывшего комсомольца.

«Вот лох! Как же ты можешь посчитать?.. Минские полмиллиона проскочили без следов... В Екатеринбург двести тысяч вывезли, там все ушло подчистую... Средняя Азия – вообще дыра... На понт берет Скворец!»

– Ну, считай! – беззаботно предложил Бычок.

– Минская типография выгнала пятьсот тысяч экземпляров. Разошлись в Белоруссии, на Украине и даже в Германии среди эмигрантов. На Урал ты отправил двести тысяч. И все мимо налогов... Продолжать?

«Кто продал? – заметалось в голове у Бычка. – Какая сука завелась в доме?».

– Продолжать? – переспросил Алексей.

«Неужто знает про Омск, Хабаровск, Бишкек? Сколько там на круг? Полмиллиона, не меньше...».

– Не забывай, Антон, про Омск и Хабаровск. А заодно и про Среднюю Азию.

Широкая улыбка сползла с лица издателя. «Продали!.. Кто?.. Только без паники!.. Главное – выбраться с минимальными потерями». Улыбка снова приклеилась к лицу Бычка. Он положил руку на плечо Алексея и проникновенно предложил:

– Садись, дорогуша. Извини, считал тебя совком... Поговорим, как деловые люди.

Алексей прошел к приставному столу и опустился в кресло. Не мигая, уставился на издателя. В глазах вдруг появился зеленоватый туман, и он услышал щелчок.

Колючая плетенка из травы слегка царапала голую спину. Рядом с Алексеем сидела молчаливая женщина в голубой одежде. По плечам струились зеленоватые локоны, пятнышко на лбу светилось, глаза смотрели на него с грустной ласковостью.

Воздух был напоен звуками, похожими на птичий щебет. Сквозь него прорывался неторопливый стук дятла. Этот стук имел конкретный смысл, будто закодированное сообщение передавал азбукой Морзе зашифрованное сообщение.

Не угнетай...

Не упрекай...

Границу света и тьмы будто провел умелый чертежник. Женщина была освещена солнцем. Она ждала, что он переместится из тени в свет, и каким-то образом подталкивала его. Он сделал над собой усилие, пытаясь переместиться к свету, но тело одеревенело. Женщина потиралила его. Он сделал еще одну бесполезную попытку подвинуться. Грань между светом и тенью стала таять. И в тот момент, когда его лицо залило нестерпимым сиянием, он почувствовал такую легкость, что готов был взлететь...

– Согласен? – услышал он ровно бы издали голос ласкового Бычка.

Однако в облике издателя уже не было ни веселости, ни лукавства. Глаза его стали жесткими и пытливыми.

– Повтори! – не сказал, а приказал Алексей.

– Я выплачиваю тебе твою долю, а ты называешь засланным ко мне казачка.

– Моя доля – сколько?

– При мне только штука баксов. Потом я все подсчитаю.

– В сейфе у тебя не штука, а четыре.

Мысли хозяина апартаментов панически метнулись к цыпочке из приемной. «Неужели она? Завтра же поменяю!». Алексею надоела эта игра, он чувствовал усталость. Сказал почти равнодушно:

– Давай четыре, и мы в расчете.

– А информатора?

– Пока тебе ничего не угрожает. Налоговая не тронет.

– Откуда знаешь?

– Не спрашивай... Но из тени свой бизнес выводил. Не обеднеешь. Твоей заначки на островах на жизнь хватит.

Лицо издателя искривилось. Открыл рот, намереваясь что-то сказать, но раздумал. Алексей услышал его еще до того, как разомкнулись ясные уста Ласкового Бычка: «Со спецслужбами связался Скворец! Ссориться с ним никак нельзя, дружить надо».

Затем молча, отдернул стенную шторку, открыл дверцу вмурованного в бетон железного ящика. Вытянул долларовую пачку, двинул ее по столу к Алексею.

– Здесь четыре.

Алексей автоматически отделил половину, затолкал в потайной карман афганки. Нет, не для заначки. Вроде бы эти две тысячи нужны ему были для особой надобности. Вот только какой надобности – он и сам пока не понимал. Но то, что она есть, было для него бесспорным. Другую половину небрежно сунул под нагрудную липучку и поднялся.

Бычок сказал на прощанье:

– Главное в конфликте – глицерин. Будем дружить?

– Посмотрим...

Он шагал по улице с неясной тяжестью в душе. Только теперь он с пронзительностью заметил, что наступила осень. Было еще тепло и сухо, но листья уже облетали, покрывая тротуары желто-красными подвижными пятнами. В последние годы Алексей полюбил осень, хотя раньше по душе ему было буйное весеннее половодье. Теперь в листопад он чувствовал умиротворение, на все остальное ему было наплевать.

Но в этот раз умиротворение цедилося каплями. Даже толики довольства не появилось из-за того, что он без проблем содрал с Бычка должок. О валюте он вспомнил, когда заметил возле метро салон сотовой связи. Раньше он с раздражением и завистью наблюдал, как неоперившиеся юнцы болтали на ходу по мобильным телефонам. Купить такой Алексею не позволяли финансы. Он зашел в салон. Выбрал модель за триста с лишним долларов. Полез в карман под липучкой и вместе с долларами вытянул пятисотки мента – вымогателя, о которых совсем забыл. Сунул их в брюшной карман. Расплатился за телефон зеленой валютой, получив сдачу рублями. И нырнул в метро.

На перроне он увидел колясочника-попрошайку без ноги. В камуфляже и десантном берете, намекавшими на боевое прошлое, он истово и с поклонами крестился. Народ не оставался равнодушным. Мелочь так и сыпалась в большую картонную коробку.

Алексей остановился подле него. Достал отобранные у мента пятисотки. Вознамерился бросить все четыре купюры в коробку. Калека встрепенулся, муть в его глазах поредела. Рука Алексея застыла на полпути, будто кто ее притормозил. Он глянул на колясочника внимательнее: грязная тельняшка, нос в красных прожилках, присосавшиеся к купюрам глаза с желтыми белками.

– Где воевал? – спросил Алексей, уже понимая, что нигде тот не воевал, что нарядила его и посадила здесь за дозу и за кормежку мафиозная бригада.

Тот не ответил, обиженно скривился. Помешкав, снова с поклонами закрестился. Алексей затолкал деньги в карман и в тот же миг ощутил на себе чей-то недобрый взгляд со стороны.

Спину сверлила даже не одна пара глаз, а две. Он пошарил взглядом по перрону, но никого не обнаружил. Хотя точно знал, что их обладатели где-то поблизости.

Алексей засек парочку, когда вошел в вагон. Два коротко стриженных качка с золотыми цепками на толстых шеях пристроились по соседству. Они отличались лишь носами. У одного – нос свернут набок, у другого – приплюснутый, с ноздрями наружу. «Пускай пасут!» – внутренне усмехнулся Алексей.

Чтобы подразнить их, достал купленный мобильник и набрал свой домашний номер. К его удивлению, жена оказалась дома. Не ответив на ее «Алё-о!», отключился. И ехал до «Авиамоторной», не обращая на качков внимания.

На выходе они затерялись в толпе, но Алексей был уверен, что они никуда не делись. Решил помочь им. Свернул в скверик, тянувшийся вдоль железной дороги. И тут же обнаружил преследователей. Они остановились на ступенях, ведущих с тротуара в сквер. Пинали осыпавшиеся кленовые листья и наблюдали за ним. Он направился в самый глухой уголок сквера, вроде бы приспичило отлить. Заметил, как разноносые качки скользнули следом. Он не обеспокоился. Почему-то был уверен, что легко справится с обоими, хотя драчливостью не отличался, и боксом занимался лишь в далекой юности.

Они настигли его, когда он остановился возле толстого свежего пня. Ноздрястый достал нож, выщелкнул лезвие. Скомандовал неожиданным фальцетом:

– Мобилу и бабки!

– Может, и ключ от квартиры, где деньги лежат? – спокойно спросил Алексей.

У фальцетового качка слегка отвисла челюсть, и на лбу нарисовались морщины.

– Сколь денег? – наконец, вытолкнул он.

– Понтует козел! – вмешался кривоносый. – Выворачивай карманы и канай по холодку!

Подстегнутый напарником, Ноздрястый сделал шаг и оказался всего в полутора метрах. Все произошло, ровно бы кто Алексея запрограммировал. В прыжке он выбил ногой нож и, приземляясь, обрушил ребро ладони на загривок качку. Тот рухнул, не успев застонать. Второй, уже бросившийся с кастетом на подмогу, будто наткнулся на препятствие. Стал пятиться и вдруг скакнул в сторону. Но Алексей настиг его, ухватил за ворот кожанки.

– Брось кастет!

Кривоносый послушно выполнил команду, а мысли его скользнули к внутреннему карману, где был припрятан скальпель.

– Достань скальпель! – велел Алексей.

Тот с испугом мазнул его взглядом. Торопливо зашарил в кармане и швырнул наземь хирургическое лезвие.

– Подними!.. Подойди к приятелю, срежь пуговицы с брюк и выдерни ремень.

– З-зачем?

– Хочешь, чтобы я тебе ноги выдернул?

Тот не хотел. Подсеменил к Ноздрястому и шустро стал обрезать пуговицы. Затем вытянул из джинсов ремень, уставился вопросительно на Алексея.

– Теперь у себя срежь!

Кривоносый тоскливо подчинился. Алексей подобрал нож и кастет. Ждал конца портяжной экзекуции. Ноздрястый с трудом принял сидячее положение. Тупо глядел на подельника, явно не соображая, что тот вытворяет.

– Ремни и скальпель кинь сюда! – скомандовал Алексей, когда штаны сползли с Кривоногого...

На выходе из сквера он бросил в урну кастет, скальпель и ремни. Нож оставил себе на память. Оглянулся. Оба незадачливых грабителя еще стояли у пня, поддерживая штаны.

Алексей, не торопясь, двинулся мимо Лефортовского рынка в сторону дома. С востока на небо наползала хмурь, предвестница скорого дождя. Ветер раздевал деревья, гонял по тро-

туару листву и хоронил ее в укромных уголках. В таком уголке Алексей и заметил чистенькую пожилую тетку, торговавшую ранетками. С рынка ее, похоже, турнули азербайджанцы, распорядившиеся на нем, как в своей вотчине. На отшибе, где она пристроилась, покупателей кот наплакал. Алексей сбавил ход, даже приостановился, улавливая ее думы. Они были обыденными и убогими, как вся жизнь вокруг. Ранетчица надеялась расторгнуться и купить девочкам творогу и двести граммов колбасы. Мелькнули в ее думах непутевый сын, залетевший в места отдаленные, и сгинувшая невеста куда гулена-невестка. Мелькнули и исчезли, опять уступив место внучкам-погодкам.

Неведомые внучки-погодки вызвали у Алексея мучительное желание что-то вспомнить. Память заметалась в поисках нужной клавиши. Вот-вот, казалось, возникнет чей-то забытый образ или проплывет важный кусок жизни. Но вместо этого в голову буйным потоком хлынуло лето.

Маленькая женщина с зеленоватыми распушенными локонами гладила его виски. Рта она не раскрывала, но он слышал ее речь.

– Вы утратили и продолжаете бездумно тратить дарованное. Поселенцы сами убивают мироздание.

– Кто такие поселенцы?

– Жители Земли, зоны. Перед тем, как покинуть вашу планету, мудрецы заселили ее клонами. Поселенцы не понимают, что планета – живой организм. Ему больно от бесконечных ран. Он долго терпел и теперь начинает мстить...

Женщина взяла его руку в свою, стала рассматривать ладонь, пальцы. Опечаленно вздохнула:

– Твой безымянный палец много длиннее указательного.

– И что из того?

– Это знак силы и энергии семени...

Опекунша девочек-погодков отставила свои ведра с ранетками. Подошла к нему, потеребила за рукав.

– Вам плохо?

– Нет, нет, – очнулся Алексей, – извините!

Торопливо достал из кармана многострадальные пятисотки, вложил их ей в руку.

– Для внучек, – и, не желая слышать слов благодарности, стал переходить улицу. Вслед ему донеслось:

– Кто вы?..

Жена была дома. Спросила, не глядя в глаза:

– Есть будешь?

– Буду, – буркнул Алексей

Она поставила на стол тарелку с борщом, хлебницу и собралась исчезнуть с глаз.

– погоди! – остановил он ее.

Она будто споткнулась.

Повернулась к нему, пересиливая себя и не поднимая глаз. Он услышал: «Если скажет про развод, упаду на колени, попрошу прощения. Геныч все равно свою не бросит...».

– К Геннадии больше не ходи! – жестко сказал он. – Будем считать, что ничего не было... Где Олег?

– Он у девушки сегодня ночует.

– Ночует, и она все еще девушка?

– Не знаю.

– Жениться, что ли собрался? Кто она?

– Не знаю.

– А что ты вообще знаешь?

Она промолчала.

– Как у тебя с деньгами?

– Триста рублей было. Ты случайно не брал?

– Случайно брал. Сядь! – приказал он ей.

Жена присела на табурет. Он прошел в свой кабинет, где оставил афганку-безрукавку. Отсчитал тысячу долларов. У него осталось около семисот, не считая тех двух тысяч, что отложил с непонятной целью как НЗ. Вернулся на кухню. Положил деньги перед женой:

– На расходы. И не жадничай.

– Откуда столько?

Он не ответил, и она больше не допытывалась. Сидела, сложив руки на коленях. Наконец, не выдержала, спросила, как школьница:

– Я могу уйти?

– Как хочешь.

Осторожно собрав со стола валюту, скрылась в спальне.

2.

Алексей лежал в своем кабинете на узком топчане, который стал ему теперь коротковат, и пытался разобраться, что же с ним произошло на острове. Вопросов – пруд пруди, а ответов – кот наплакал, включая исчезновение трофейного браунинга. Потому он отбросил все вопросы в надежде, что все когда-нибудь разъяснится само собой. Оставил лишь то, что было фактом, хотя и не находило объяснения. Во-первых, он каким-то образом подрос, заметно помолодел и вылечил все свои болячки. Во-вторых, и это самое главное, приобрел способности, несовместимые с нормальной психикой. Они-то и беспокоили его больше всего.

Чужие секреты, как лишний груз в рюкзаке, тянут, а выбросить жалко. Однако бывает, что груз оказывается совсем не лишним, выручает в особых обстоятельствах. Как бы то ни было, но умением заглядывать в чужие мозги стоит распорядиться разумно. А в чем она, разумность? В добывании капитала?.. Большие деньги Алексея не интересовали, лишь бы не нищенствовать... Стать секретным агентом, чтобы отлавливать шпионов?.. Бессмысленно, потому что никаких державных секретов не осталось. Их давно распродала оптом и в розницу кодла последнего союзного генсека и первого российского президента... Бороться против казнокрадства и вообще против любого сволочизма? А можно ли бороться одному, если сволочизм окутал, как туман, всю страну? Если кучка подонков безразмерно богатеет, а остальные с большими потугами выживают?..

Алексей вспомнил свою безмужнюю двоюродную сестру – доярку, живущую в деревне с двумя пацанами-сорванцами. Она полтора года не получала зарплаты, но ни одной дойки не пропустила. Как ухитрилась не уморить детей – одному Богу известно... А хахаль жены адвокат Гена гребет бабки со своих подзащитных уголовничков в костюмах от Кардена. Приобрел двухуровневую квартиру на Краснопресненской набережной, купил у вдовы писателя-классика дачу и превратил ее в боярский терем.

Так с кем бороться? С адвокатом? С теми, кого он уводит от праведного суда? С прокурорами и судьями? Или замахнуться еще выше?..

Он считал себя прагматиком, в чудеса не верил. Но то, что с ним произошло, не поддавалось реальности. В том был сокрыт непонятный ему смысл, до которого он просто обязан докопаться.

Он приподнялся, затем сел на своем топчане. Взгляд его упал на книжную полку с множеством папок, в которые он складывал все свои публикации. Они показались ему такими ничтожными, что он тут же встал и начал швырять их на пол. На одной из полок обнаружил пачку мягкой «Явы» и бензиновую зажигалку, подаренную ему когда-то Рязанцевым. Алексей так и не выбрал время, чтобы встретиться с другом.

Он бессмысленно крутил сигаретную пачку и вдруг понял, что не выкурил после возвращения с Острова ни одной сигареты. И удивился тому, потому что прежде смолил по две пачки в день.

Сунув находку в карман и нагрузившись папками, он вышел к мусоропроводу на лестничной площадке и спустил вниз свой бесценный архив. Сунул в рот сигарету, поджёг и попробовал затянуться. В центр левой ладони будто ткнул кто раскаленной иглой, и организм мгновенно заполнила тошнота. Алексей отправил курево вслед за своими литературными трудами в мусоропровод. И лишь тут обратил внимание на голоса сверху. Визгливый девчачий требовал:

– Димон, блин! Не жмись! Лей, как себе!

Заржали ломкие баски, и голос взрослого произнес:

– Накапай ей до краев, Димон! Не хватит – смотаешься к Алику.

Алексей поднялся на один лестничный пролет. Оглядел теплую компанию. На заплыванных ступеньках сидели трое стриженных наголо пацанов и рыжая девица лет четырнадцати с наполненным стаканом в руке. Выше, облокотившись о перила, стоял парень в замшевом пиджаке и чавкал жвачкой.

Алексей шагнул к девице, отобрал у нее стакан и выплеснул водку в лестничный пролет.

– Блин! – взвизгнула она. – Охренел? – повернулась к замшевому: – Климыч, он что – с катушек съехал?

Пацаны тоже уставились на парня, и Алексей без труда уловил их немое негодование. «Откуда этот хмырь нарисовался? Дай ему, Климыч!»

Тот выплюнул жвачку и поманил непрошеного пришельца пальцем. Алексей не шевельнулся, продолжал спокойно разглядывать замшевого. Угол рта у того был слегка искривлен, от уха к шее шел бледный, но все же заметный шрам.

– Кому сказал! – рыкнул парень и медленно стал спускаться по ступенькам.

– Не маячь, Клим! – предостерег его Алексей, и тот, будто споткнувшись, притормозил подле малолеток. – Я сейчас уйду, Клим, и выйду через пять минут. Чтобы ни тебя, ни мелкой шоблы здесь не было. Про этот подъезд забудь!

Шрам возле уха парня слегка побагровел. По его извилинам проскакала одинокая мысль: «Никак из наших... Бригадир что ли? Надо узнать у Юсупа...»

– Если не понятно, передай мои слова Юсупу, – сказал Алексей и, не спеша, потопал к своей двери.

Вся следующая неделя прошла для Алексея в хлопотах. Он так и не смог выкроить время для встречи с Рязанцевым. Да и тот не давал о себе знать: не звонил, не объявлялся, чтобы глянуть на воскресшего друга.

Дни уходили на то, чтобы восстановиться в правах нормального живого гражданина. Он уже не сомневался, что все сделает быстро, без долгих стояний в очередях и без чиновничьей волокиты. Так и получилось.

Майор-паспортист, похожий на Виннипуха, долго не мог взять в толк, чего Алексей добивается. Стриг его прищуренными глазами, словно хотел разглядеть ценник. И в голове шелестели ценники. Пришлось намекнуть ему на махинации с регистрацией бывших братских граждан, ставших иностранцами. А когда тот демонстративно возмутился, Алексей упомянул про

институтское общежитие, где живут таджики с фальшивой регистрацией, а хозяйка общежития носит ему каждый месяц по триста долларов.

Перестав шуриться, Виннипук тут же предложил ему заполнить анкеты, объяснил, где находится моментальная фотография, и подсказал, кому надо срочно сдать две фотокарточки, чтобы успеть оформить документы к завтрашнему дню.

Когда Алексей появился наутро в его кабинете, тот самолично вручил ему паспорт и даже поздравил с возвращением из покойников.

В военкомате сначала он попал в кабинет, где одряхлевших пенсионеров министерства обороны принимала намакияженная дама с пирамидальной прической.

– Меня ошибочно похоронили, – сказал Алексей.

– Понятно, – заявила она электронным голосом ведущей из телевизионного «Слабого звена». – Принесите из милиции справку, что вы живой и вместо вас похоронен другой человек.

– Но вот паспорт, который мне выдали только вчера. Здесь указан год рождения и адрес, по которому я прописан.

– Откуда я знаю, что вы – это вы? У меня документ, что вас похоронили. И ведомость, по которой вы получили свои смертные.

– Как же я их мог получить, если умер?

– Это ваше личное дело. В ведомости ваша фамилия. И вот роспись. Несите справку, что вы живой.

Алексей не сдержался:

– Вы же не идиотка – требовать такие справки?

– От идиота слышу, – с достоинством произнесла та и демонстративно уткнулась в бумаги на столе.

Алексей и до того подумывал, не обратиться ли ему сразу к военному комиссару. Но привычка к порядку толкнула его в низший чиновничий кабинет. В мозгах его хозяйки не было ни одной мысли, за которую можно было бы ухватиться. Возможно, она вообще была безмозглой и не задумывалась ни о том, что было вчера, и ни о том, что будет завтра. Он не стал выяснять с ней отношения и направился к военкому. Решил, что никогда больше не станет стучаться в двери клерков-пупырышков, которые мнят себя непроходимой кочкой на пути просителей, и у которых в голове нет даже завалявшейся мыслишки.

Приемная военкома пустовала. Наверное, финансовая смета не предусматривала секретаршу. Распахнув дверь, Алексей обнаружил, что и в кабинете никого не было. Однако в глубине, возле массивного стола, была еще одна, открытая настежь дверь. Он прошел по вытертому ковру и заглянул в нее. Там, возле дивана, стоял в майке мужик с усиками Аля-Гитлер и натягивал полковничью форму. Заметив Алексея, он сказал:

– Извините! Сей секунд, и я на месте.

Появившись в кителе с наградными медальными планками, протянул Алексею руку, показал жестом на стул. Дождавшись, когда гость уселся, осведомился:

– Юрий Дмитриевич?

– Нет.

– А-а, понял. От Михайловича?

– Я сам по себе. Хочу получить свое пенсионное и афганское удостоверение.

Благожелательность исчезла с лица военкома.

– Извините, я занят. Обратитесь в комнату два на первом этаже.

– Я уже был там. Дело в том, что меня похоронили, а я, как видите, живой.

– Похороненный живым быть не может. Фамилия? Звание?

– Усольцев. Подполковник запаса.

Хозяин кабинета ткнул на телефоне кнопку, скомандовал:

– Личное дело подполковника Усольцева! И что там у нас с его гибелью?

На том конце провода ему что-то долго объясняли. Наконец, он положил трубку, внимательно поглядел на Алексея и произнес:

– Случай очень не простой. Мы назначим расследование по поводу вашей гибели и воскрешения. На это потребуется время. Оставьте свои координаты, результат вам сообщим.

Алексей приподнялся со стула и, глядя в глаза военкому, произнес:

– Послушай, полковник. Ты в Афгане или в Чечне был?

– Выйдите из кабинета!

– Теплый стул нашел, полковник? А не боишься слететь с него? – и чтобы заставить его мысли шевелиться, добавил: – Вспомни, чем ты занимался последний месяц!

Мысли военкома не просто зашевелились, они стали шарахаться из крайности в крайность. Мелькнула какая-то сауна, дама с первого этажа. Нарисовался известный политик по прозвищу «Гаденыш», положивший ему на стол пухлый конверт.

– Конверт от Гаденыша взял? – даванул Алексей. – Ты мелкая сошка, полковник, да и улик против тебя пока мало. Не будешь якшаться с ушлыми клиентами, и улик не будет... Дай команду своей блядешке, чтобы она оформила мне все документы и пенсию.

Усики военкома дрогнули и поникли. Он сидел, будто на него упал кирпич. На Алексея не глядел, пальцы сцепил в домок, чтобы не прыгали, а глаза блуждали по столу.

– Не слышу ответа, полковник! – жестко произнес Алексей.

– Завтра, после десяти, в любое время, – дрожащим голосом прошелестел военком...

Алексю было наплевать на его лепетанье. Вышел, не закрыв за собой дверь.

Полковник набрал номер дамы с пирамидальной прической:

– Поднимись ко мне.

– В готовности номер один? – игриво спросила она.

– Не до секса, Ирина... Все брось и срочно оформи этому типу все документы.

– Но ведь...

– Делай, что говорю.

– А как быть с похоронным пособием, которое получила его жена?

– Спишешь на кого-нибудь.

– Но, Слава...

– Я уже сорок три года Слава. Хочешь, чтобы меня выперли отсюда? Хочешь мне передачи носить?

– Он – что? – испуганно спросила дама Ирина. – Из органов?

– Хрен его знает! Но тип опасный...

От военкомата до метро «Текстильщики» Алексей шел пешком. Домой он не торопился. С женой все эти дни он вел себя ровно и спокойно. Но разговаривал мало и спал отдельно, на своем коротком и узком топчане. Она нет-нет, да и бросала на него вопрошающие взгляды, но он намеренно не замечал их. Сына Олега почти не видел. Тот ночевал дома редко, пропадал у своей пассии. А когда появлялся, садился в своей комнате за компьютер, и вызвать его на откровенность не было никакой возможности.

– Ты бы познакомил нас со своей девушкой, – попытался подступиться к сыну Алексей.

– Рано, отец.

– Почему рано?

– Сам еще не определился.

Вот и вся задушевная беседа. Мать же вроде как побаивалась заводить такие разговоры, лишь напоминала Олегу, чтобы звонил домой и сообщал, что ночевать не придет...

У метро Алексей обнаружил частную нотариальную контору, заглянул в нее. Молодой и лысоватый нотариус в малиновом пиджаке явно скучал без клиентов. Заметив в дверях посе-

тителя, он широким жестом пригласил его к столу. Без проволочек оформил на жену доверенность для получения пенсии.

Сделал это Алексей по наитию. Возможно, ради широкого жеста, а может быть, даже из-за нежелания самому стоять в очередях за суммой, спасающей разве что от голода.

Алексей завернул в попавшийся на пути китайский ресторанчик. Его с поклоном встретил старый морщинистый китаец, проводил в почти пустой зал. Столиков в нем стояло не больше десятка, и только два в самом углу были заняты. Тусовочный час, видимо, еще не наступил, и уютную обстановку никто не тревожил. Откуда-то сверху лилась спокойная восточная музыка, располагавшая к раздумьям или серьезным разговорам.

Едва Алексей взял в руки меню, как к его столику танцующей походкой приблизилась почти не покрашенная раскосая официантка, пододвинула меню и замерла в ожидании.

Цены были, конечно, бешеные, но теперь они не беспокоили его. Названия блюд ни о чем Алексею не говорили. Он выпросил у официантки, что означают мудреные названия, и сделал заказ. Однако она не уходила и с мягкой улыбкой ждала продолжения. Алексей оглядел ее. Она явно работала под китаянку, но кроме раскосых глаз ничего китайского в ней не проглядывало. Но мордашка была очень даже миленькой. Чтобы не обижать приветливую официантку, вознамерился, было заказать, как обязательно сделал бы прежде, графинчик приличной водки. Но вовремя вспомнил, как она отвратила его одним запахом.

Попросил принести лишь кружку безалкогольного пива.

Пиво официантка принесла в большом хрустальном бокале, и отвращения оно не вызвало. По вкусу были и в меру острые блюда. Алексей насытился, отмяк, подобрел. И едва откинулся на спинку кресла, как та снова подтанцевала:

– Что еще желаете?

– Спасибо, – отказался от «еще» Алексей. – Сколько с меня?

Она положила на стол счет. Раньше он бы ахнул от цифры в девятьсот с лишним рублей. Теперь же воспринял ее, как должное. Достал зеленую купюру в пятьдесят долларов, вложил ей в ладонь. Она спросила:

– Сдачу рублями?

Он показал жестом, что сдачи не надо.

– Благодарю, – с улыбкой произнесла она и предложила: – У нас есть комната отдыха. Не хотите ли массаж?

– А кто массажировать будет?

– Я, – ответила она и потупилась, ровно школьница.

– В другой раз, – пообещал Алексей перед тем, как покинуть гостеприимное заведение.

– Меня зовут Наташа, – сказала она ему на прощанье...

Пока он добрался до дому, время уже напоздло на вечер. Большой, засаженный тополями и липами двор, шелестел опавшей листвой. Было сухо, совсем не холодно илюдно. Скамейка возле их подъезда пустовала. Алексей уселся на нее, бездумно наблюдая за вечерней жизнью обитателей дома.

Возле голой клумбы, на вкопанном колченогом столе немолодые мужики забивали козла. Ребячья мелюзга под присмотром бабок копошилась в песочнице. Сорванцы постарше с воплями раскачивались на тарзанке.

Через какое-то время он ощутил, что за его спиной кто-то остановился. Опасностью от непрошеного соседа не веяло, и Алексей продолжал сидеть не оглядываясь. Наконец, не выдержал, повернулся. И увидел замшевого парня по кличке Клим.

– Я – это, – заговорил тот, подбирая слова, – передал Юсупу. В натуре. Он с тобой хочет тему перетереть.

Алексей не ответил, пытаясь уловить мысли Климa. Но тот заикнулся на «базаре», переминался с ноги на ногу, заряженный поручением Юсупа.

– Стрелка на шесть вечера, – продолжил тот, но Алексей не дал ему договорить.
– Скажи Юсупу, сам его найду, если понадобится.
Искривленный уголок рта Клим дернулся.
– Он – того... Не любит, когда сам. Конкретно.
– Я тоже не люблю, – ответил Алексей и пошагал к своему подъезду, оставив замшевого Клим чесать репу.

3.

Открыв дверь, жена сказала с угодливой торопливостью:
– Сейчас ужин соберу.
– Не надо, – ответил он, – только кофе.
– Я красную икру купила. Бутерброды сделать?
Он не отреагировал на икру. Спросил:
– Рязанцев не звонил?
– Нет.
– Олег придет сегодня?
– У нее останется. Не знаю, что с ним делать.
– Ничего. Собьет оскомину и будет в норме.
После кофе она неуверенно поинтересовалась:
– Ночевать в кабинете будешь?
– В кабинете.
– Я поменяла там белье, – и в который уже раз вопрошающе глянула на него.
Алексей не стал копошиться в ее мыслях, не хотелось напрягаться. Удалившись в свою каморку, достал мобильник и позвонил Рязанцеву. Однако никто не ответил. Через полчаса снова позвонил и опять безрезультатно. Лишь близко к полуночи трубку сняла Валентина, его жена.
– Загуляли? – спросил Алексей.
– Ой, да какая гулянка! Валерка лежит в госпитале, в неврологии. Я только от него.
– Что случилось?
– Какая-то сволочь по голове железякой ударила.
– Как он сейчас?
– Сказали, недели через две выпишут.
– Когда это случилось?
– Неделя уже. Он как раз зарплату получил и после работы к вам собирался. Забрали деньги, портфель и диктофон.
– Что же ты, Валя, сразу не позвонила?
Она замялась. Затем ответила с запинкой:
– Боюсь я вас.
– С каких это пор?
– Я же видела, как гроб опускали.
– Так в гробу-то не я был!
На том конце снова возникла пауза, прервавшаяся смущенным бормотанием:
– Как знать...
Положив трубку, Алексей почувствовал себя виноватым: с другом беда, а он даже не удосужился позвонить. А прежде созванивались, чуть ли не каждый день. С мыслью навестить завтра Рязанцева, он смежил веки. То ли задремал, то ли уснул. Полусон, наплывший на него, был похож на явь. Будто выползло из глубин сознания забытое и расстелилось перед ним объемной картиной.

Зеленели деревья, трава и вода близкого озера. И снова явилась ему зеленоволосая женщина в голубоватой с переливами одежде. Он лежал на кусачей, будто сплетенной из крапивы, циновке. Но укусы не жгли, а слегка пощипывали. Он не слышал ни ее, ни своего голоса, но сознание четко фиксировало вопросы и ответы. За ее спиной, на холме, просматривалось монументальное сооружение, словно сотканное из матовых нитей.

– Странный дворец, – сказал он.

– Это Храм мудрецов.

– Ты в нем живешь?

– Да, я дочь Верховного Хранителя мудрости, – ответила она, не разжимая губ.

– Как тебя зовут?

– Оника.

– Скажи, что со мной? Я почти не ощущаю себя.

– Это пройдет. Ты теперь такой, каким должен быть от рождения. Ты носитель гена.

– Откуда на Земле появились носители гена? – спросил он.

– От сыновей древних Хранителей мудрости. Они нарушили запрет, стали любить женщин-эонок. В наказание их оставили на погибающей планете.

– Разве наша Земля погибала?

– Это произошло тысячи лет назад. На Аэолу надвигалась комета-разрушительница. Тогда и произошло переселение аэолов.

– А комета?

– Она задела планету хвостом. Произошел разлом материка и смещение полюсов. Разлом заполнил океан. У подножия вершин Поднебесья вода остановилась. Комета таранила одну из десяти планет галактики. После катастрофы уцелели меньшие трети жителей. Из носителей гена – лишь один человек. Иешу – его потомок.

– На Земле его называют Иисус Христос.

– Да. Ты получил ген от него, Алекс. И скоро вернешься на свою планету. Мне жаль тебя отпускать.

– Не отпускай.

– Твое место там, на тебе большой грех.

– Какой?

– Побег.

– Откуда и куда?

– Сам поймешь...

Алексей очнулся от того, что кто-то провел пальцем по щеке. Открыл глаза. На топчане сидела жена в ночной рубашке. Какое-то время он оставался недвижимым. Затем откинул одеяло, и она с готовностью юркнула к нему. Обняла, прижавшись всем телом. Забормотала:

– Прости, прости, прости, – и всё теснее прижималась к нему.

На этот раз она не вспоминала Геннадия. И он не был таким остервенелым, как в ночь после возвращения с острова. Но все равно ощущал себя насильником, потому что ей это нравилось. В окно светила красная и полная, как купчиха у самовара, луна. В ее свете Алексею показалось, что рассыпанные на подушке волосы жены присыпаны красниной по зеленому полю...

Когда она ушла в спальню, он вспомнил про свой сон. Что он видел конкретно – из головы вылетело. Всё, кроме женщины с ласковыми кошачьими глазами. В том сне происходило что-то очень важное и столь необходимое для сегодняшней жизни.

Он закрыл глаза с надеждой снова окунуться в сновидение, чтобы вернуть его и запомнить. Но попытка была тщетной. Наверно, мешало подглядывавшее в окошко и вызывавшее беспокойство ночное светило.

Алексей встал, запахнул наглухо шторы. И опять улегся на топчан с мыслью навестить с утра болящего Рязанцева. С тем и уснул, как отключился от всего земного.

Чтобы не делать круг, добираясь до госпитальной проходной, Алексей пролез в дыру в металлической ограде с отогнутой арматурой и прошел напрямую к неврологии. У лестницы на первом этаже дежурил непробиваемый и толстомясый немолодой вахтер, подле которого кучковались родственники болящих. В госпитале по распорядку был мертвый час, и очереди ждали его конца, до которого оставалось еще минут сорок.

Алексей пристроился в хвост и стоял, пока мимо очереди не проплыла, обдавая парфюмом, мамзель в распахнутом манто. Небрежно бросила в пространство: «Пропуск!», но пропускная бумажка исчезла без ознакомления в мясистой лапе вахтера. Стоявшая рядом с Алексеем женщина в кашемировой косынке торопливо зашарила в сумочке с надорванным ремешком. Он заметил, как она вытянула десятку, зажала ее в кулаке и, подхватив свободной рукой две авоськи, шагнула к вахтеру. Тот брезгливо глянул на десятку и гордо произнес:

– Взятки не берем-с.

Алексей протолкался к нему, отодвинул женщину. Уставился в глаза вахтеру:

– Не брешь, толстомясый! Берем-с взятки! Сколько слупил с расфуфыренной?

– Как вы смеете? – зашелся в негодовании вахтер, а в мыслях уже нарисовалась двадцатидолларовая купюра и он сам, еще в полковничьей форме.

– Смею! – жестко сказал Алексей. – Ты же полковником был, а стал крохобором. Даже специальный карман пришел к своей пятнистой куртке для взятки. И зеленую двадчатку туда сунул... Есть вопросы, толстомясый?

Глаза у того стали оловянными. Извилины будто погрузились в бетонный раствор.

Алексей взял за рукав женщину в косынке и повел ее по лестнице.

– Вы кого навещаете? – спросил он.

– К сыну приехала. Из Чувашии, – и смолкла. На площадке второго этажа смахнула слезу. – Его без ноги из Чечни привезли.

Алексей не нашелся, чем ее утешить. Пробормотал: «Живой, слава Богу!». Достал тысячную ассигнацию. Не слушая возражений, сунул женщине в карман кацавейки.

– Купите сыну гостинцев!.. Хирургия на третьем этаже. А мне сюда...

Он ожидал, что его приятель лежит, если не в отдельной палате, то в маломестной. Все-таки полковник, хоть и в запасе. Однако в палату было напихано двенадцать коек, и Рязанцева он обнаружил у самого входа.

С голым черепом и отросшей клинышком бородой, он был похож на постаревшего Дзержинского.

– Привет, Валера! – сказал Алексей. – Ну, чего ты скис? – стал разгружать на тумбочку фруктово-овощную снедь и прочую, на взгляд нормального мужика, ерунду.

– Я не скис, – ответил Рязанцев.

– Что хоть стряслось, расскажи.

– Нечего рассказывать. Банально лопухнулся.

– А конкретнее?

– Давай не будем, а?

– Будем, Валера. Разобраться надо.

Тот попытался усмехнуться. Усмешка вышла кривой и болезненной.

– Хотел уесть одного мерзавца из адвокатской гильдии Уханова. А уели меня, – сказал и замолчал. Алексей терпеливо ждал. – Этот гад законтачил с прокуратурой и отмазал от суда

одного казинщика. А на том клейма негде ставить. Повесил преступление на девку – стриптизершу.

– Ну и?

– Я с той стриптизершей встретился в изоляторе. А на обратном пути меня подкараулили... Вот и все...

– А что за казинщик, Валер?

– Из азиатов. Главарь преступной группировки. Интернациональной. Рэкет, наркотики, проституция. Казино – прикрытия. – Слова Рязанцев подбирал с усилием, но говорил внятно, будто контролировал себя.

– Кличку азиата знаешь?

– Юсуп. К нему не подберешься. На корню всех скупил.

– А адвоката из гильдии Уханова, как зовут?

– Геннадий. Фамилия – Спирин.

Вот и проявился любовник жены. Но вывернулся. Значит, ценный кадр для братков, если Юсуп вмешался.

– Стриптизерша дала информацию?

– С двух сторон кассету исписал. Теперь ни кассеты, ни диктофона.

– Значит, следили за тобой. Тот, кто давал тебе разрешение на беседу, тот и навёл.

В мыслях Рязанцева тут же нарисовался вальяжный чин в генеральских погонах. Потом еще подполковник, улыбчивый, как мошенник новой формации. И тот и другой считались его хорошими знакомыми, и Рязанцев отбросил подозрения в их адрес. В его сознание всплыл образ чернявой девицы, которую привел угрюмый конвоир. У нее были глубокие пустые глаза и глуховатый прокуренный голос.

– Боюсь, что достанут девку, – сказал Рязанцев. – Узнай, жива или нет.

– Как ее зовут?

– Выступала под именем Лолита.

– Сделаю, Валер.

– Ты про себя расскажи. Где пропадал?

– Нечего рассказывать.

– Не ври. Ты весь омолодился.

– Сам этому удивляюсь.

– Где же скрывался?

– В том-то и дело, что не знаю. Ощущение, что все это время проспал на берегу. А во сне что-то случилось. Хорошее или плохое – не понятно.

– Так ничего и не помнишь?

– Нет.

– Между прочим, Леночке я не сообщил о твоей кончине. Духу не хватило.

– Какой Леночке?

Рязанцев глянул на Алексея, как на помешанного. В его мыслях скользнуло: «Видно тоже стукнули по мозгам – полный склероз у мужика». Алексей виновато улыбнулся, соглашаясь с другом.

– Напомни, – попросил.

– Ты что, свою маленькую дочку забыл?

В голове Алексея будто лопнул шар. Палата и ее обитатели бесшумно ускользнули за горизонт. Наплыла и тотчас стала таять темнота.

– Ты носитель гена, – сказала Оника. – И сумел передать его новой жизни.

– Что ты имеешь в виду?

– Сам знаешь.

Перед его взором расстелилась асфальтовая дорожка. На ней появился смутный силуэт девочки на самокате. Она резво катилась по тротуару, а следом за ней семеня трясцой он сам. Самокат вдруг вырвался из ее рук, и она упала... Асфальтовая дорожка исчезла, вокруг была зеленая трава и со стороны озера доносилась приглушенная музыка.

– Вспомнил? – услышал Алексей голос Рязанцева.

– Затмение нашло, Валера. Алёнушку забыл! Сегодня же позвоню, узнаю, что и как. Да и съезжу к ним.

Видимо, мертвый час закончился, потому что палату начали заполнять посетители. Сразу стало шумно от говора, шелеста пакетов, звяканья посуды. Палатная дверь снова открылась, и появилась жена Рязанцева – Валентина. Увидев Алексея, на мгновение застыла, затем храбро шагнула и села на кровать мужа.

– Можешь меня потрогать, – сказал ей Алексей, – я не призрак.

– Все равно какой-то не такой.

– Какой был, такой и остался... Ладно, не буду вам мешать. Проводи меня до выхода, Валь, пошептаться надо... А ты, Валер, кончай сачковать, выздоравливай.

Валентина нехотя поднялась с кровати, вышла следом за Алексеем.

– Почему Валерку в этот клоповник затолкали? – спросил. – Он же полковник!

– Хорошо, хоть сюда поместили. Двое суток в коридоре лежал, мест не было.

– Куда же делись палаты на два-три человека?

– Их в коммерческие переоборудовали.

– Вот бардак! Сейчас зайду к начальнику госпиталя и устрою ему маленький сабантуй. Военную лечебницу в притон превратил! Пускай переводит Валерку!

– Ради Христа не надо!

– Почему не надо?

– Даже если переведут, то потом залечат! Я нужные лекарства сама покупаю, возьмут и подменят их! Недолго осталось. Капельницу уже сняли. Как разрешат ходить, домой заберу. Таблетки и дома можно глотать...

Алексей понимал, что она по-бабски права, а до социальной справедливости ей дела нет в той ситуации, в которую окунула ее раздолбанная жизнь конца XX века. Желание ее нельзя было не уважить.

Его внимание отвлекла преодолевшая недавно вахтерскую преграду расфуфыренная мамзель. Она выплыла из палаты напротив в сопровождении оплывшего мужика-грузовика. Тот по-хозяйски потерся небритой щекой о ее щеку, и Алексей определил по ее пухленькому лицу, что ей не больше двадцати. А солидность от вальяжной походки и дорогих шмоток. Мужик-грузовик вернулся в палату, а молодушка-меховушка прошествовала по коридору, оставляя за собой духовитый шлейф парфюма.

Валентина проводила ее презрительно-завистливым взглядом.

– Я тебя понял, Валь, – сказал Алексей. – Иди к своему Дзержинскому.

– Какому Дзержинскому?

– Валерка с бородкой – копия Железный Феликс...

Дождавшись, когда она скроется в палате, Алексей без стука и без цели распахнул дверь, из которой появилась молодушка-меховушка. Наверно, толкнуло подспудное любопытство: что за болезнь приключилась с мужиком-грузовиком.

Судя по всему, его палата была двух или даже трехкомнатной. Виден был только холл. Болящего в нем не было. В кресле дремал то ли личный сторож, то ли холуй. Увидел непростенного визитера, прижал палец к губам и, не поднимаясь с кресла, просипел:

– Низ-зя! У хозяина пивной час.

Хорош больной! Алексей сплюнул на ковер, вышел, не прикрыв дверь, и направился на выход. Вахтер, увидев его, вытянулся в струнку и преданно стриг глазами, пока тот спускался к нему. Алексей взял его за пуговицу и проникновенно спросил:

– Все понял, толстомясый?

– Так точно...

Миновав проходную госпиталя, Алексей невольно остановился. Он явственно ощутил, что кто-то сверлит его взглядом. Однако никого подозрительного поблизости не наблюдалось. Даже не было ни одной припаркованной машины. Караульный, сидя на табурете, безмятежно прочищал пальцем бугристый нос. Спешили по своим делам прохожие. И все же зуд от сверлящего взгляда не проходил.

Алексей отмахнулся от беспокойства и двинулся к метро.

Выйдя на «Авиамоторной», он не пошел домой, а завернул в скверик, где недавно отделал двух дебильных недорослей с золотыми цепурами. С той минуты, как он вспомнил Аленушку, в сердце немым укором торчала заноза.

В сквере было сухо, по-осеннему прохладно. Скамейки пустовали. Он уселся, достал мобильник и набрал четко высветившийся в памяти алма-атинский номер.

– Алё! – услышал он голос дочери.

– Аленушка, – произнес почти шепотом.

– Папка! – воскликнула дочь и повторила: – Папка! Куда же ты делся? Обещал приехать, и исчез! Заболел, да?

– Да, дружок. Маленько приболел. Но сейчас все в порядке.

– Что с тобой было?

Алексей хотел придумать какую-нибудь пустяковую болезнь, но заноза в сердце не позволила.

– Что-то с головой было, – признался он. – А ты как, моя маленькая?

– Я не маленькая, папа. В одиннадцатый класс пошла.

Он почему-то удивился, и у него непроизвольно вырвалось:

– Сколько же тебе лет, Аленочка? – и сам поразился своему вопросу. Но он и в самом деле не мог вспомнить, сколько лет его умненькой дочери.

Она, видимо, тоже была поражена, запнулась с ответом. Затем настороженно произнесла:

– Четырнадцать исполнилось... Ты же звонил мне в день рождения. Пап, наверное, ты не до конца выздоровел?

– До конца, дружок. Постепенно прихожу в норму... У вас все в порядке?

– Мама сейчас на работе. Бабушка в огороде. Позвать?

– Не надо. Через недельку я приеду, и обо всем переговорим.

– Ой! Правда, приедешь?

– Конечно.

– Я люблю тебя, папа...

Алексей сидел на скамейке, но был далеко и от скверика, и от сонного Острова, и от сегодняшнего дня. Будто перетек в иной мир и в иное, хотя и не столь давнее время. В том мире были другие ценности, и еще не было человечка со сказочным именем Аленушка.

Командировка на Иссык-куль

1.

В тот год горбачевская гласность набирала обороты, будоражила умы и вызывала радужные видения. Лишь их старый и мудрый главный редактор, которого демократы обозвали застойщиком, был по-обычному сдержан и со снисхождением взирал на ошалевших от перестроечных лозунгов корреспондентов. Он и объявил Алексею опять же с заметной снисходительной усмешкой:

– Вам предстоит трехмесячная командировка в Киргизию. Поможете перестраивать средства массовой информации. Завтра в девять утра на инструктаж в ЦК.

Инструктировал журналистов сам Егор Кузьмич. Он и мандат подписал. Алексею достался город Пржевальск вкупе с Иссык-кульской областью.

Там, в местной газете, он и встретил пухлогубую Анютку, с родинкой над верхней губой. Диковатая, упертая, чурающаяся междусобойчиков и штатных торжеств, она выглядела довольно странно в редакционном муравейнике. Но была с царем в голове.

Алексей сразу выделил ее из других журналистов. Давал самые шепетильные по тем временам задания – про обкомовские кормушки, охотничьи дачи с саунами. Знать бы тогда, какие то были крохи по сравнению с привилегиями дорвавшихся до власти демократов!..

Анюта почувствовала его мужской интерес и возвела между собой и ним бетонную стенку. Однажды он исхитрился подвезти ее на выделенной ему обкомовской машине домой. Жила она в частном домике на окраине вдвоем с матерью-учительницей. Про мать Алексей узнал из кадрового дела журналистки. Заодно выяснил, что Анюта не замужем, что ей недавно минул тридцатник, а значит, она моложе его на восемнадцать лет.

Подвез он свою подопечную к дому, довел до дверей, рассчитывая на вежливое приглашение. Но она юркнула в сени, забыв сказать «до свидания»...

В майский День печати пишущая братия решила расслабиться на берегу Иссык-Куля! Водка в те поры была в большом дефиците из-за провозглашенной борьбы за трезвость. Но трудовой люд лозунгами не проведешь! Даже интеллигенты освоили самогонование, и любой гость, когда бы ни объявился, врасплох застать хозяев не мог. А уж что касается праздников – не на сухую же их отмечать!

Анюта поначалу отказалась участвовать в пикнике. Но Алексей уговорил ее не отрываться от коллектива. Расслаблялись, кто как мог. Анюта сидела вместе со всеми и в то же время одна, отгородив себя от компании и от достархана, устроенного на самой верхушке невысокой скалы. А за Алексеем наперебой ухаживали две редакционных Татьяны.

Ближе к вечеру на берегу объявилась прямая, как палка, старушенция, смахивающая на цыганку. Села под скалой и стала жевать ломоть хлеба. А у них, наверху, скатерть была заставлена складчинной домашней снедью.

– Мать, идемте к нашему столу! – позвал старуху Алексей.

Та никак не отреагировала. Он наполнил миску пирожками, вытянул из кучи курицыну ногу, налил в одну кружку сладенького домашнего винца, в другую – квасу. Спустился к ней.

– Поешьте.

Она глянула на него выцветшими глазами. Приняла гостинцы. Вино медленной струйкой вылила в расселину скалы. Опять поглядела, на этот раз пристально. Взяла его левую руку, ощупала ладонь, приблизила ее к глазам. Сказала:

– С чужими живешь.

– То есть как, с чужими?

– Твои – там, – кивнула неопределенно головой. – От них корень.

Тронулась, верно, умом, подумал Алексей. Но руку не высвободил. Не хотел обижать старую женщину. Да и любопытно было. Спросил не без подвоха:

- Можете сказать, сколько у меня детей?
 - Сын и дочь.
 - Дочери, к сожалению, нет.
 - Будет. Корень ей передашь.
- Алексей усмехнулся.
- Старый я уже, бабушка.
 - Молодым станешь.
 - И помру молодым?
 - Ты не помрешь
 - Как так?
 - Маяться будешь. Спасая, спастись станешь.
 - От кого?
 - От себя... Ступай в гулянье...

Гадалка, высветившаяся в памяти Алексея, вдруг показалась ему завязанной на его Остров. А может, и она привиделась во сне?.. Нет, гадалка была в яви. Алексей запомнил ее лицо, сухое, слегка скуластое, с бездонными темными глазами.

Цыганка напроорочила тогда, что он станет молодым. Так ведь и помолодел. Наворожила, что он маяться будет и, спасая, будет спастись... Кого, спасая и от чего?..

У Алексея было ощущение, что он слышал это не только от гадалки, но и еще от кого-то. И всё каким-то образом накладывалось на островной сон.

Тогда, на Иссык-кульском берегу, он не сразу поднялся на скалу, где тусовались мастера и подмастерья пера. Какое-то время еще стоял у самого уреза воды, настраивая себя на волну праздника. Даже не заметил, как и куда исчезла гадалка. Чудит старая, – подумал. – Хочешь – не хочешь, а к старости все впадают в детство... И поднялся наверх.

Незадолго до конца командировки случилась история с областным прокурором. Анята раскопала, что он отмазал от суда двух своих родичей-взяточников, и накатала убойную статью. Редактор, тощий, как туберкулезник, грустно произнес:

- Я не самоубийца, чтобы такое печатать.

Алексей, которого от самоубийства ограждала бумага, подписанная самим Егором Кузьмичом, посоветовал ему:

- Заболейте. Номер подпишу я, как редактор-консультант.

Тот охотно заболел. Газета вышла с Аняткиной статьей. С утра пораньше ее и тощего редактора вызвали в обком. Вернулась она, как съездившийся осенний лист.

- Выгоняют, – произнесла еле слышно.
- За что? – не поверил Алексей.
- За клевету. По решению коллектива.
- Какого коллектива?
- Нашего. В четыре всю редакцию в обком, к Первому секретарю. Я не пойду.
- Пойдешь. А то любить перестану.
- Не надо меня любить...

Собрание шло по обкатанному сценарию.

Обкомовский босс обозвал Аняту клеветницей. Секретарь редакционной ячейки объявил, что таким, как она, не место в журналистике. Профкомша с праведным гневом предложила изгнать ее из коллектива. Отмолчавшийся редактор, казалось, совсем усох. Анята сидела, ни жива, ни мертва.

Дело шло к голосованию. Но Первый хотел выглядеть демократом, как того требовала перестроечная мода.

– Еще выступить есть желающие? – спросил растерявшую бойкость газетную братию.

Желающих, кроме Алексея, не нашлось. Взгромоздившись на трибуну, он, как заправский демагог, обратился не к залу, а к президиуму во главе с Первым:

– Эркен Пулатович, вы сорвали сегодня график выпуска газеты. Сдернули всех с работы вместо того, чтобы самому подъехать в редакцию. Не по-партийному получается.

Тот, явно не ожидавший такого выпада, выпучился на Алексея. Побагровел. Открыл рот, но тут же закрыл.

– И клеветы не было, Эркен Пулатович! У меня есть все копии документов. И некоторые – с вашей фамилией.

– Что вы себе позволяете? – обрел тот, наконец, голос. – Я позвоню в ЦК и потребую, чтобы вас отозвали!..

За решение изгнать Анюту проголосовало больше половины ее коллег. Редактор, две Татьяны и еще несколько человек рук вообще не поднимали.

– Единогласно, – объявил Первый...

Целый вечер Алексей пытался дозвониться до Москвы по номеру, продиктованному помощником Егора Кузьмича на случай ЧП. Сидевший рядом, похожий на нахохлившуюся птицу редактор, уныло проговорил:

– Заблокировали, не дадут связи – И вдруг, встрепенувшись, спросил: – Документы с собой?

– Да.

– Едем в военный санаторий. Начальник – мой знакомый. Поможет дозвониться. И документы для сохранности у него оставим.

– Неужто украсть могут?

– У нас все могут. Обкомовскую машину отпустите возле гостиницы. Поедем на моем «Запоре», – так он величал издававший виды «Запорожец».

Начальник санатория сам вызвал «Рубин» – военный позывной Москвы. Телефонистка, услышав цеховский номер, соединила в мгновение ока. Ответил бесстрастный мужской голос. Алексей изложил суть конфликта.

– Продиктуйте стенографистке! – приказал голос...

Возвратившись в Пржевальск, Алексей обнаружил, что кто-то побывал в его гостиничном номере. Шарили, не особо маскируясь. И его кабинет в редакции не оставили без внимания.

Анюта на работу не вышла. Корреспонденты явно избегали московского консультанта. Лишь две Татьяны улыбались с любопытством и сочувствием. День полз, как скрипучая арба по бездорожью.

На следующее утро, едва Алексей продрал глаза, к нему в гостиничный номер заглянул редактор. Поманил пальцем. В коридоре сказал, понизив голос:

– «Запор» внизу. Жду.

– Конспирация?

– Угу.

До работы оставалось еще больше двух часов. Утро было безоблачным и птичьим. «Запорожец» натужно гудел, карабкаясь по горной дороге, и догуделся до густого ельника, где и остановился.

Алексей не выдержал, спросил:

– Что случилось?

Не отвечая, редактор вытащил на полянку свой потрепанный рыжий портфель. Расстелил на траве газету с Анюткиной статьей. Выложил бутерброды и выставил бутылку коньяку.

- С утра пораньше? – удивился Алексей.
- Есть повод.
- Какой?
- Прокурора снимают. А первого секретаря на ковер во Фрунзе вызвали.
- Откуда информация?
- От обкомовской сороки.

Ай, да телефонный номер с бесстрастным голосом! Ай, да Егор Кузьмич!

С началом рабочего дня обкомовский курьер привез в редакцию официальный ответ на статью: «Расследованием установлено... факты подтвердились... отстранен...».

Алексей послал за именинницей машину. Редактор с отсутствующим видом читал гранки. Газетный народ слонялся по углам и шушукался. Секретарь ячейки был застенчиво тих и сторонился разговоров с коллегами. Две Татьяны откровенно насмеялись над ним и восторженно жевали Алексея глазами. Приехавшая в редакцию Анюта холодно произнесла:

- Спасибо, – и отвернулась...

Командировка близилась к концу. Алексей больше не загружал Анюту заданиями. Не заходил в их забитую под завязку комнату. Не приглашал в свой кабинет.

В пятницу под вечер она сама заглянула к нему.

- Вы когда уезжаете?
- В среду.
- Мама приглашает вас завтра в гости.
- А ты?
- Я... тоже.

Неужели стена рухнула? Как же поздно она рухнула! А рухнула ли?..

Анютина мать чопорно представилась: «Ирина Семеновна». Пригласила к столу.

Манты брызгали соком. Отоваренная по талонам и настоящая на облепихе водка солом летела под малосольные огурчики. Анюта рюмку лишь пригубливала и почти ничего не ела.

Хмель снял первоначальную неловкость, раскрепостил язык. Алексей живописал московскую митинговую жизнь, в которой можно орать о чем угодно и наезжать на кого угодно. Жалел гонимого партийца Ельцина, никак не предполагая, что через шесть лет станет плевать при одном упоминании его фамилии. Обе слушали, как сказку, и вздыхали.

Затем Анютка вышла на кухню. Ирина Семеновна сказала:

- Вот вы уедете, а ее выгонят.
- Не позволим! – самоуверенно заявил Алексей.
- Она ведь у меня совсем беззащитная. Родилась слабенькая. Пошла только в два года.

Росла молчком. Да и сейчас постоять за себя не может.

- Не скажите! Пишет, как бритвой режет.
 - Когда пишет, смелая. А потом шишки считает и трясется от страха.
 - Я вам оставлю свои телефоны. В случае чего, дайте знать.
 - Не надо телефонов, – сказала Анюта, входя с блюдом с пирожками.
 - Не слушайте ее, Алексей Николаевич, – нахмурилась мать и стала убирать со стола.
- Анютка дернулась помочь ей. Та отмахнулась: сиди!

В бутылке еще оставалось, и Алексей сам наполнил рюмку-патрончик. Анюта метнула на него обеспокоенный взгляд. Он в ответ опрокинул настойку в рот и произнес:

- Не беспокойся, дотопаю. Проводишь меня до калитки?

Она согласно кивнула.

- Поцелуешь на прощанье?

В глазах ее заметалась растерянность.

– Глупо!

Появилась с чайником в руках Ирина Семеновна.

– Никак уходить собираетесь, Алексей Николаевич?

– Собираюсь.

– Как же до гостиницы доберетесь? Автобус уже не ходит. Такси здесь не поймаете. Может, переночуете?

Это было уже что-то. Только где ему постелют? На раскладушке в Анюткиной комнате?..

– Не стесню? – ответил он вопросом.

– Анюта! – крикнула мать. – Алексей Николаевич ночует у нас...

Перед сном, пока Ирина Семеновна готовила постели, они сидели с Анютой на крыльце. Он пытался ее обнять. Она увертывалась. И вообще была холодным речным валуном. Неживой женщиной была! Вывернулась из его рук и скрылась в избе.

Он пожалел, что не ушел в гостиницу. Тупо сидел на крыльце, пока не вышла ее мать. Помолчала, облокотившись на перила, затем спросила:

– Ваши-то, наверно, уже соскучились?

Алексей не собирался строить из себя холостяка, и семейная тема была совсем не к месту.

Ответил сухо:

– Они привыкли к моим командировкам...

Спал он на узкой Анюткиной кровати. Сама она устроилась с матерью на диване. И маячила перед ним, как сексуальное наваждение.

В Москву он улетел на день раньше срока.

2

Столица бурлила. Народ громогласно, непонятно от кого требовал непонятно что. Ельцин в сопровождении своего крестоносца-охранника всем обещал райскую жизнь. Перестройщики поливали армию помоями. Политуправление пытелo от натуги, придумывая, как и чем защитить ее от нападoк голодных демократов. Придумало. Создало роту военных писателей, чтобы они оперативно прославляли доблестные вооруженные силы.

В нее рекрутировали и Алексея.

Новая служба оказалась непыльной и ненатужливой. Пиши, хоть дома, хоть на рыбалке, хоть в туалете. Приноси готовый продукт и гуляй! Гулять Алексей не собирался: либо тмился от безделья, либо крапал что-то невразумительное.

Прошло больше полгода, как он уехал из Пржевальска. Заноза по имени Анюта уже не беспокоила. Она лишь изредка мелькала в горном далеке, бестелесно и ненавязчиво. Так бы и осталась для Алексея неспетой песней, если б однажды не затрезвонил межгород. Он не признал женский голос, пока не услышал:

– Это мама Анюты.

– Что-нибудь случилось, Ирина Семеновна?

– Анюту уволили.

– А куда же редактор смотрел? – нелепо удивился он.

– Его тоже выгнали. Дом мы продали, уезжаем к сестре в Алма-Ату. Она нашла нам полдома по сходной цене на улице Богенбай-батыра. – Ирина Семеновна сделала паузу, явно намереваясь сообщить что-то еще. Он ждал. Она сказала: – Анюта переживает, Алексей Николаевич. Напишите ей, подбодрите. Я вам сейчас алма-атинский адрес продиктую...

Письмо он написал чисто дружеское. В конце не удержался: пригласил Анюту в Москву. По инерции пригласил, намекая на свое постоянство. А на приезд и не рассчитывал. Однако адрес дал – «до востребования».

Каково же было его удивление, когда через месяц почтовая барышня протянула ему конверт. В нем была всего лишь Анютина записка: купила билет, поезд..., вагон...

Алексей даже растерялся. Где поместить гостью? Цены в гостиницах так взлетели, что никаких штанов не хватит. Да и на мели он сидел. Зарплату семья съедала. С гонорарами везде был облом... Разве что на дачу к Рязанцеву?.. Друг у него экономил на всем, вернее, не друг, а его жена Валентина – вот и возвели на полученном от редакции участке халабуду, в которой летом вполне можно было спрятаться от дождя. Но поедет ли туда с ним Анютка? Она же – холодный речной валун! Однако не глупая, должна соображать, чем это кончится.

Выхода все равно не было. Забрал у Рязанцева запасные ключи от халабуды. Выцыганил у его жены триста рублей до получки. Заранее завез на дачу продукты, выпивку и даже, на всякий случай, свое рыбацкое снаряжение. Дома сказал, что уезжает в командировку. И отправился на вокзал встречать гостью.

Она вышла из вагона с легким чемоданчиком, неуверенная, растерянная и сильно похудевшая. Только родинка на губе осталась прежней. Поздоровались они за руку, словно мало знакомые люди. Пошли по перрону. И впервые Алексей не знал, о чем говорить. У входа в метро произнес с вопросительной интонацией:

– Едем на дачу к моему другу.

– Там кто-нибудь есть?

– Только ты и я.

Она обречено промолчала...

На даче они сидели за неустойчивым, покрытым пестренькой клеенкой столом. Ели. Пили коньяк. Анютка храбро и с заметным отвращением выпедила две рюмки.

– Не могу больше, – проговорила.

– А ведь нам придется вместе спать, Анюта.

Она вспыхнула. Кинула обреченный взгляд на кровать с панцирной сеткой. Опустила голову. Произнесла полупрошептом:

– Знаю...

В комнате было темно, как в берлоге. Позже, когда уже произошло то, что и должно было произойти, он пожалел, что не видит ее лица. Не мог взять в толк, как же она дотерпела до тридцати с лишним лет и не познала мужчины? Как же решилась вот так, вдруг, в чужом городе и без надежды привязать к себе самого первого?..

Какое-то время оба молчали. Потом он, стараясь ее не встревожить, спросил:

– Почему ты пошла на это, Нюрочка?

И стал гладить ее лицо и волосы – похоже, баюкал ребенка.

– Мне стыдно, – прошептала она.

– Все будет хорошо, – сказал он, понимая, что хорошего ей ждать неоткуда.

– Я люблю вас.

– Теперь-то зачем на «вы»?

– Не знаю.

Его тревожил еще один вопрос. Но он опасался напугать ее. А спросить надо.

– Ты не боишься забеременеть?

– Пусть.

– Как пусть? У меня же семья, Анюта!

– Я сама воспитаю.

– А мама что скажет?

– Она уже сказала: если в доме нет детского смеха, в нем поселится ужас...

Они не покидали дачу трое суток, пока не съели даже запасы Рязанцевых. В субботу должны были приехать хозяева. Узнав об этом, Анюта впала в панику. Знакомство с посторон-

ними людьми пугало ее, как косулю, почуявшую охотника. И как за спасительную соломинку, она ухватилась за его предложение сбежать на это время на рыбалку.

Остров с заповедной заводью пришлось отставить. До него надо было добираться два часа на электричке и три – пешком с рюкзаками. Комфортнее – с Речного вокзала на катере. Он ни разу не был на людном Пестовском водохранилище, но знал, что красивых мест там хватает...

Сошли они на безлюдной пристани с голыми болотистыми берегами. А на той стороне густел сосновый бор, виднелись песчаные бухточки. Надо было искать оказию, чтобы переправиться.

Оказия в виде прогулочного катера сама подтархтела к причалу. Моторист неожиданно предложил:

- Садитесь.
- Сколько возьмешь? – спросил Алексей.
- Шутить изволите? – осклабился тот. – Роберт Леваныч и так вас заждался.

Кто кого заждался, Алексей выяснять не стал. Забросил в катер рюкзак, снасти и палатку, усадил на корму Анютку и сам уселся, приобняв ее.

Моторист правил почему-то наискосок, туда, где виднелись в соснах нарядные строения. И не успели они очухаться, как показался аккуратный причал, какие-то люди на нем. Пришвартовались. Перевозчик почтительно доложил чернокудруму молодцу в адидасовском костюме и с биноклем:

- Так что доставил, Леваныч.
- Прошу! – произнес тот и галантно подал Аняте руку.

Моторист выставил на пирс их рыбацкие причиндалы. Адидасовый молодец недоуменно поглядел на них. Протянул Алексею поросшую черными волосами руку:

– С прибытием, Алексей Альбертович! – его явно принимали за кого-то другого, но по имени получилось в яблочко. – А где же Борисыч?

Алексей слыхом не слыхал ни про Борисыча, ни про Альбертовича, но не признаваться же в этом!

– Борисыч задерживается по о-очень, – с нажимом и намеком произнес он, – уважительной причине. А меня, Роберт, называй просто по имени.

– Понимаю, – заулыбался Адидас. – Комнаты готовы. Телевизор заменили. Уха ждет. Сауна, как и заказывали, вечером.

Анютка с испугом взглядывала на Алексея, явно не понимая, что происходит. Он тоже не понимал, но кивнул ей ободряюще. И соображал, как выкрутиться.

– Мы с подругой решили по рабоче-крестьянски, – сказал небрежно, – в палатке. Даже с собой вон прихватили, – кивнул на рыбацкие пожитки. – До приезда Борисыча.

- Зачем так, дорогой Алексей? – возражающе произнес хозяин.
- Надоели стены и сауны! Душа простора жаждет!
- Простор организуем. В заказник определим.
- Никаких заказников! Дикарями! Сам должен понимать, Роберт.

– Понял. – И скомандовал кому-то из помощников: – Подготовьте двушку! И все, как полагается! – Повернулся к Алексею: – Первую для Борисыча держим, не признает других.

Лодка под номером два оказалась сухой и небесно чистой, как из магазина. В кормовой отсек были загружены две картонные коробки, в носовой – свернутый рулоном двуспальный надувной матрас.

Алексей усадил на корму Анюту, покидал в лодку рюкзаки и спиннинги и сел за весла. Адидас помахал им, и они отчалили от пирса.

Когда отплыли, Анята испуганно проговорила:

- Нас же приняли за других. Выяснят – побьют!

– Отбиваться будем, Нюрочка, – храбро пошутил он, однако спокойствия не было.

Высадились на песчаном мысу. Алексей поставил под соснами палатку. Распотрошил презентованные адидасовым Робертом коробки. В одной оказалась посудная утварь, в другой – коньячный набор и куча банок с иностранными этикетками, судя по всему, со склада гуманитарной помощи. Во времена Горбачева съедобные подачки за проданные державные секреты были популярны. Не успел он рассортировать продовольственное богатство, как услышал звук мотора и увидел направлявшийся к ним катер.

– Разоблачили, – потерянно произнесла Анютка и начала торопливо укладывать продукты обратно в коробку.

Однако то был всего лишь их знакомый перевозчик.

– Начальник мебель прислал и дрова для костра! – прокричал он, причаливая.

Навыбрасывал на берег ворох березовых поленьев. Вынес к палатке раскладной стол и три матерчатых кресла. Одно было явно лишним.

Чудеса продолжались и вечером. Алексей исхитрился наловить рыбьей мелочи и сварить уху. Анята собрала на стол. Они уселись в кресла, ровно белые люди под пальмами. И тут объявился сам Адидаас. Пришел по берегу. На шее тот же бинокль, в руках фонарь-прожектор.

– Борисыч так и не приехал, – сообщил с печалью в голосе.

– Обстоятельства! – со значением ответил Алексей.

– Знаю эти рыжие обстоятельства.

– Что поделать, красота требует жертв.

– Вах! – скривился Адидаас. – Женщина без тела, что петух без голоса.

Он сам раскупорил коньяк и возложил на себя обязанности тамады. Первый тост поднял за Борисыча. И вообще тот незримо присутствовал в продолжение всего берегового ужина, на котором Алексей оказался в роли его полномочного представителя.

– Напомни ему, дорогой, про машину и холодильную камеру, – попросил Адидаас после очередного тоста.

– Обязательно.

– И с актами на списание пусть поторопится, пока в отчетности бардак.

– Акты уже подписаны и утверждены! – погнал волну подвыпивший Алексей.

– Ну?! – оживился Адидаас. – На оба катера?

– На оба.

– Чего же молчал, дорогой?

– Об этом должен был объявить сам Борисыч.

– За такой сюрприз полагается...

Перед тем, как отбыть на базу, он спросил:

– Может, завтра сауну?

– Нет. Мы уезжаем. Тем более Борисыча рыжая вобла не выпустила. Добросишь до пристани?

– Вах! Как есть – вобла!.. Когда вам транспорт?

– К девяти...

Анютка как-то разом успокоилась. И даже раскрепостилась, обнимая ночью Алексея. И впервые назвала его на «ты»...

Адидаас появился в срок. Передал для Борисыча аккуратно упакованную коробку, как потом оказалось, с двумя глиняными бутылками рижского бальзама и двумя – коньяка «Ахтамар». И Алексею вручил глиняную бальзамную бутылочку. Пригласил приезжать в любое время. Скомандовал мотористу:

– К «Голубому заливу»!

Высадившись на пристани, они перевели дух. Освобождено помахали вслед катеру. И когда тот скрылся за поворотом, потопали, нагрузившись, в сторону боровой сопки. Там

они спокойно прожили еще трое суток. Пили мягкий коньяк «Ахтамар», ели уху и адидасовы деликатесы. И обпивались чаем с рижским бальзамом.

Через девять месяцев в Алма-Ате родилась Аленушка...

Покушение

1.

После телефонного разговора с дочкой его дни были заполнены хлопотами. Алексей бес- толково шатался по бутикам, покупая для Алёнки то, что на его взгляд, было ей необходимо: дубленку, кроссовки, костюм с красными оборками, трубку сотового телефона с фотокамерой. И еще – официальные подарки. Ирине Семеновне – шерстяную вязаную кофту, Анюте с Ален- кой – золотые цепочки со знаками зодиака.

И тут обнаружил, что денег у него не осталось даже на билеты. А надо было их много, чтобы оставить дочке на учебу в институте. Одних знаний теперь для этого мало, нужны средства, чтобы оплатить занятия. Дожили, даже образование для детей зависит от толщины кошелька!

Алексей не знал, где раздобудет приличную сумму, но почему-то это его не тревожило. Был уверен: придет час, и деньги появятся.

С такими мыслями он вышел из «Детского мира». И уже шагнул под арку, чтобы ныр- нуть в метро, когда ощутил спиной чей-то вороватый взгляд. Остановился у входа в подземку, оперся о колонну, оглядел заполненный торговцами пятачок. Сигнал тревоги шел от кучки зевак, сгрудившихся подле наперсточника.

Он неторопливо подошел к толпе и тут же уловил: «Никак клиент лопухнуться решил напоследок!». Мысль эта оформилась в черепушке у парня, стоявшего сбоку, и явно относи- лась к Алексею. Но почему «напоследок»?.. Он, не маскируясь, оглядел сигнальщика. Назвать его парнем было, пожалуй, уже поздно. Лет тридцати с малым гаком, в приличном прикиде полуспортивного покроя, длинноволосый, но с аккуратной прической, в очках в массивной оправе. Судя по внешности, творческий работник.

«Чего это он уставился? – услышал Алексей. – Вроде как заподозрил!». Однако его лицо выражало лишь неподдельный интерес к наперсткам и к очередному лоху.

Понимая, что потащит наемника за собой, Алексей, не оглядываясь, двинулся к входу в метро. В душе не было ни беспокойства, ни опаски, хотя мелькнувшее в голове «творческого работника» слово «напоследок» имело только одно толкование. Кому-то Алексей не понра- вился. Причем настолько сильно, что этот кто-то решил от него избавиться. И подослал интел- лигентного спеца «по несчастным случаям».

Алексеему захотелось сказать ему: «Не глупи, дурачок! А то ведь и сам окажешься „напо- следок“!». Но тот был вне поля зрения и объявился лишь на подземном перроне.

На станции «Кузнецкий мост» всегда столпотворение, в центр столицы стремятся все приезжие. Даже в эту послеполуденную пору толпа бурлила, суежилась на перроне поближе к вагонным дверям. Наемник вклинился в толчею и оказался за спиной Алексея. Все было ясно, как божий день. Сейчас покажется состав, задние поднапрут на передних, и Алексей полетит на рельсы перед самым носом поезда.

А локомотив уже полоснул фарами по облицовке станции, выскочил из тоннеля и неот- вратно приближался. «Пора!» – услышал Алексей. Прижав сумку с покупками, он резко сдви- нулся влево в тот самый момент, когда напружинившийся «интеллигент» с силой двинул пле- чом, намереваясь толкнуть его в спину. Наверное, инерции ему добавила толпа. Оказавшись на самом краю платформы, он судорожно взмахнул руками и беззвучно рухнул прямо под колеса. Запоздало взвизгнули тормоза локомотива. Толпа ахнула и попятилась.

Алексей ничего не слышал. Для него приглушенно заиграла музыка, будто выплывавшая из глубины теплого озера. Он сидел на берегу один, зная, что женищина со странным именем Оника в этот раз не появится. Но голос ее продолжал звучать, как и прежде.

«Добро и насилие ходят рядом». Он мог бы ответить, что добро должно быть с кулаками. Так говорят на Земле. Но она его не слышала. «Чрезмерная жалость наносит вред». Конечно, жалость не всегда полезна, думал Алексей. От нее – попустительство и вседозволенность.

– Пр-рашу разойтись!

Лейтенант милиции в сопровождении краснофуражечной дежурной расталкивал толпу. Люди отхлынули и замерли. Только продолжал всхлипывать малыш.

Алексеем было наплевать на смерть наемника, хотя жаба сожаления на миг и толкнулась в грудь. Толкнулась и исчезла. Он не стал ждать, когда на ветке восстановится движение. Перешел на противоположную платформу и поехал в обратном направлении, чтобы перейти на кольцевую линию.

2.

Клим переминался с ноги на ногу. Похожий на раздувшуюся бочку Юсуп делал вид, что в упор не замечает его. Сидел за столиком в пустом ресторанном зале казино, запускал столовую ложку в огромный торт и лопал его, ровно бы хлебал суп. Зад его едва умещался в кресле, жирные щеки подрагивали в такт челюстям. Короткие пухлые пальцы, униженные перстнями, лоснились от крема. Наконец, он рыгнул и повернулся к Климу:

– Шурши! – повелел.

– Промахнулся Интеллигент. Сам, типа, влетел с разбега на рельсы.

– Свиная уха! – рыкнул Юсуп. – А этот, Утопленник?

– Слиял.

– Куда?

– Я с Интеллигентом остался.

– Его же задавило!

– Ну да. Я глядел, как его вытаскивали.

– Масла в твоём калгане нет! И баксов тебе нет!

Юсуп погрузился в мрачное раздумье. Откуда взялся этот похороненный утопленник? Соседи видали, как закапывали, а он живой!.. Заманил смотрящих за уродами в парк, а там, как они сказали, их поджидали еще четверо. Почему Утопленник с них штаны снял? Для понта?.. Откуда он знает Клима? Этот придурок доложил, что тот знает и его самого... Зачем Утопленник ходил в больничку к писаке, который расколол стриптизершу?..

Юсуп смерил Клима презрительным взглядом:

– Бери Жилу – и делайте стриптизершу. Упустите – на кол конкретно посажу!

Клим на полусогнутых удалился.

Юсуп еще пару раз ковырнул ложкой торт. Ему всегда становилось не по себе, когда возникали заморочки. А с Утопленником – заморочек выше крыши. Кто за ним стоит? Если он человек свалившего за бугор Американца, то почему отказался от базара? Перетерли бы тему, и делов нет... А если конторщик?.. Не мог Интеллигент сам сигануть на рельсы, кто-то помог ему...

Самым неприятным для Юсупа было то, что придется обо всем доложить Зурабу. Высоко взобрался земляк, во власть втиснулся. Всех подмял и Москву поделил, как пирог. Доложить про Утопленника – значит, признаться, что сам закрыть тему не в силах. Зурабу, конечно, такой абрикос придется не по вкусу, но деваться некуда.

3.

Алексей не стал ломать голову, где взять денег. Позвонил ласковому Бычку:

- Ты еще не раздумал дружить со мной?
- Всегда рад тебя видеть, дорогуша.
- Сегодня тоже рад будешь?
- Сегодня?..
- Я могу и передумать, Антон.
- Где хочешь назначить встречу?
- У тебя в офисе.
- А может, в кабаке забуримся?
- Нет, у тебя. Приготовь на всякий случай пять штук зелёных.
- Не много ли, дорогуша?
- Когда встретимся, решишь: много или мало. Буду у тебя в 16.00.

На этот раз издательская приемная пустовала. Антон Бычевский, увидев вошедшего Алексея и блеснув влажными глазами, поднялся из-за стола и, распахнув объятия, двинулся навстречу.

- Выгнал секретаршу? – спросил его Алексей.
- Она стучала? – задал тот встречный вопрос.
- И она тоже, – наугад ответил Алексей.
- Как? – издатель сменился с лица. – Неужели еще кто-то?
- Да, еще кто-то.
- Кто?
- Не торопись. Рассказать про твои фирмы-однодневки для сбыта продукции?

В голове ласкового Бычка мелькнули два названия: «Гелиос-классик» и «Афина-пресс». Однако тот сумел взять себя в руки и, улыбаясь, сказал:

- А вот тут ты, дорогуша, загнул.
- «Гелиос-классик» и «Афина-пресс».

Бычевский молча встал, подошел к сейфу, открыл его и выбросил на стол перед Алексеем перетянутую резинкой пачку сто долларовых ассигнаций. Сел напротив:

- Можешь не считать: пять штук. Поговорим серьезно?
- Поговорим.
- Откуда информация?
- От твоих сотрудников.
- От кого конкретно?

Алексей ничего не знал ни конкретно, ни, в общем. Но предполагал, что стукач, работавший на конкурентов, все равно есть. Того требовали волчьи законы бизнеса.

– Вызывай в кабинет всех нетворческих сотрудников, – сказал уверенно. – Складских работников – тоже. Скажи, что с ними хочет побеседовать психолог.

- Ты что, стукача только в лицо знаешь?
- Делай, Антон, что говорю.

Издатель вышел и почти тотчас же вернулся.

Через несколько минут кабинет заполнился довольно бойкими молодыми людьми, которые с любопытством уставились на Алексея.

- Отдел менеджмента и рекламы, – представил их ласковый Бычок.

Алексей встал и объявил:

- В коллективе появился засланный казачок. Я знаю его в лицо.

Подошел к сотрудникам отдела, вглядываясь в каждого. Сказал:

- Свободны!
- Ну? – спросил Бычок, когда те вышли.
- Вызывай следующих.

Из бухгалтерии издательства на смотр явились восемь человек. Они тоже услышали от Алексея про засланного казачка. Информацию он снял только с грудастой большеротой кассирши: «Откуда этому психологу знать про лапочку Жеку?»

Остановившись напротив нее, Алексей участливо спросил:

- Как поживает лапочка Жека?
- Кто? – растерянно произнесла она. – Нет! – взвизгнула. – Не-ет! – и выбежала из кабинета.
- Ну, ты даешь! – серьезно и уважительно произнес ласковый Бычок.
- Мы еще не закончили, – отмахнулся от него Алексей.
- Неужели еще есть?
- Вызывай.
- Здесь только начальник складов и два моих зама. Я им доверяю.
- Как хочешь. Я не доверяю.

Издатель сам отправился за доверенными работниками. Те вошли и спокойно уселись в кресла напротив Алексея. Он поглядел на них и спросил:

- Признавайтесь, кто из вас работает против владельца издательства?

Информация пошла сразу от двоих: заведующего складами готовой продукции и от первого зама. Причем, главный кладовщик мыслил спокойно и даже с каким-то чувством превосходства над другими. А первый зам явно намеревался утопить шефа собранным компроматом, чтобы самому занять его место. К нему Алексей и обратился:

– Собранный вами компромат вам не поможет. Считаю, что вы должны подыскать себе другое место работы. А вы, – обратился он к кладовщику, – решайте свои дела вместе с хозяином.

Когда троица покинула кабинет, ласковый Бычок какое-то время сидел, уставившись в стол. Затем поднял искривившееся лицо и сказал:

- Хочу напиться.
- Валяй, – ответил Алексей.
- А ты?
- Мне безалкогольного пива.
- Что так?
- Я уже объяснял, что в Тибете закодировали.
- Меня бы кто закодировал.

Он прошествовал к холодильнику, достал бутылку водки с позолоченной пробкой, две банки невского пива и бутерброды с сыром и черной икрой. Поставил на стол два фужера. Себе набулькал до краев из водочной бутылки, Алексею опростал пивную банку.

– Извини меня за глупости, – сказал и крупными глотками выдул фужер до дна. Вытер губы. Произнес со вздохом: – Ты, конечно, не скажешь, что у вас за контора?

- Не скажу.
- Ментовку тоже под колпаком держите?
- Держим.
- Я так и понял. Мне кладовщика один авторитет вместе с ментовским полковником навязали. Вроде бы и надзор, и крыша.
- Авторитет – Юсуп?
- Ни хрена себе! О Юсупе тоже знаете?
- Знаем.
- И что же вы их не возьмете?

- Рано, Антон. Но дело к этому идет.
- Может, мою фирму крышевать станете?
- Мелочевкой не занимаемся. А информацию копим.
- Страшный ты человек, Алексей. Как я с тобой обмишулился, в толк не возьму.
- Поймешь, когда поуменеешь.
- Между прочим, ты продешевил со своей информацией.
- А мне больше пока не надо.
- Если понадобится, обращайся.
- Может, и обращусь. Одно тебе скажу: выводи капитал из тени. Иначе опоздаешь.
- Подумаю.
- Он снова наполнил свой фужер и выцедил до дна.
- Может, к девкам закатимся, как в старые времена? – спросил, заметно опьянев.
- Нет, Антон. Труба зовет.
- Понятно: служба...

Алексей чувствовал себя опустошенным, как после долгой бессонной ночи. На него навалилась усталость, будто целый день таскал тяжелые мешки. Проблема с деньгами была решена, и теперь он хотел быстрее сесть в поезд. Не самолетом лететь, как вначале собирался. А занять полку в двухместном спальном купе и спать все трое суток до Алма-Аты. Однако в Москве оставалось еще одно дело: данное Рязанцеву обещание. Предстояло узнать, жива ли стриптизерша Лолита. Это можно будет сделать завтра.

Дома он застал Олега, покинувшего на сутки свою пассивность, чтобы обозначиться перед родителями. Сын наворачивал блины с красной рыбой и косил глазом на экран телевизора. Вещала дикторша, не оставлявшая зрителей без ежедневных криминальных новостей. Поздоровавшись с сыном, Алексей присоединился к блинам, улавливая краем уха информацию о пожарах, убийствах и похищениях. Насторожился и уставился на экран, когда дикторша сообщила, что в одном из столичных изоляторов временного содержания обнаружен труп жрицы любви, примадонны популярного стриптиз-клуба.

Сначала шли крупным планом решетки и металлические двери. Затем во весь экран – фотография еще живой стриптизерши: так себе бабенка, даже полновата для своей профессии. Фотографию сменило закрытое простыней тело со сдвинутой в сторону голой ногой. И лишь после этого объявилась дикторша с подробностями.

Примадонна стриптиза выступала в ночном клубе «У Евы» под сценическим псевдонимом Лолита. Обвинялась она в ограблении казино. Накануне, по просьбе адвоката Геннадия Спирина, сославшегося на состояние здоровья подзащитной, была переведена в одиночную камеру. Дикторша предположила, что жрица любви страшилась наказания. Потому и покончила жизнь самоубийством, повесившись на капроновых колготках.

«Сукин сын! – отстраненно подумал Алексей в адрес адвоката Гены. – Подсуетился, чтобы повесили бабу. – Короткая у проституток жизнь».

Финансовая соседка

1

В спальном купе фирменного поезда «Москва – Алма-Ата» Алексей оказался вдвоем с полной молодящейся дамой. До его появления она успела облачиться в шелковый павлиний халат. Поезд тронулся, и дама принялась потрошить пузатый баул. Выложила на столик жареную курицу, хлебный батон, огурцы, помидоры, соль и все, что требуется для обильной трапезы. И извлекла из баула бутылку молдавского «Аиста». Спросила:

- Как насчет коньячку для знакомства, сосед?
- Не пью, – отказался Алексей.
- Даже одну рюмашку?
- Даже одну.
- Первый раз встречаю непьющего мужчину. Вы до Алма-Аты?
- Да.
- Я тоже. Трое суток нам вдвоем с вами ехать. Как вас звать-величать?

Не надо было никакого напряжения, чтобы поймать ее поползновения. Алексею стало тоскливо, но все же, скрепя сердце, он назвал себя по имени.

– А я – Майя. Но Майя – только для близких. На работе – Майя Эдуардовна. Вы в командировку?

Алексей внутренне чертыхнулся: надо же, как не повезло! Липучая бабенка, и намерена на форсаже закрутить дорожный роман. Сухо ответил:

- Нет. Не в командировку.
- По личным делам?
- По личным.
- Наверное, к женщине?
- К женщине.

– А у меня – деловая поездка. Я от коммерческого банка. Понимаете, Алексей, чтобы решить сложные вопросы, нужен профессионал. Я занимаюсь кредитами.

Ему было наплевать на кредиты, финансовых профессионалов, и он сказал ей:

– Извините, мне нужно на некоторое время удалиться. Я должен сбросить одного недобросовестного кредитора с поезда.

Она сначала не поняла. Затем ее глаза округлились:

- Что вы сказали?
- Не беспокойтесь, вас я не трону. Пейте, отдыхайте, – и вышел.

За вагонным окном проплывали здания и платформы электричек. Мелькнуло название станции «Новая», от которой до дома Алексея было десять минут хода. Поезд проскочил станцию «Выхино» и московскую Кольцевую дорогу. Началось лесистое, уже сбросившее нарядный багрянец Подмосковье.

Он стоял и бездумно глядел в окно, пока не ощутил затылком чей-то взгляд. Скосил глаза и увидел, как захлопнулась дверь купе, расположенного у туалета. Усмехнулся: «И здесь пасут». Открытие не обеспокоило Алексея, он уже привык к пастухам.

Стало уже темнеть, когда поезд прогрохотал по мосту через Оку. Здесь он обычно высаживался с электрички и шел с рюкзаком по берегу к своему любимому острову, где, непонятно почему проспал, чуть ли не три месяца. Представил песчаный мысок, скрытый от посторонних глаз зарослями тростника, свою одноместную палатку на легком взгорке...

Он откатил дверь своего купе. Молодая дама спала поверх одеяла с открытым ртом и слегка похрапывала. Атласный павлиний халат задрался, оголив дрябловатые, но еще крутые

ляжки. Остатки ужина заполнили весь столик, в центре которого красовалась ополовиненная бутылка «Аиста».

Он брезгливо поморщился.

Поднял свалившееся на пол полотенце попутчицы и накрыл им столик. Разобрал свою постель, включил ночной свет и улегся, не сомневаясь, что мгновенно провалится в сон. Однако желание спать улетучилось. Под стук колес воображение рисовало говорливые речные перекаты, тихие плесы и зеленые берега. Непонятно было, то ли это места, где он когда-то побывал, то ли незнакомые, навеянные тягой к бродяжничеству.

Так было, пока мысленный экран не заполнило серьезное и умненькое лицо Алёнушки, он так редко навещал в последние годы.

О том, что Алёнушка родилась, ему позвонила Ирина Семеновна. Он пообещал приехать, но постперестроечная смута ввергла его, как и большинство граждан бывшей великой державы, в нищету. Самые пронырливые торопливо грабили страну, в то время как два партийных босса, вознесенные на вершину власти, озлобленно грызли друг друга.

Примерно через неделю после звонка Алексей увидел сон, в котором ему снова явилась иссык-кульская цыганка с темным бесстрастным лицом. Она взяла его ладонь, глянула на нее и сказала шепотом:

– Спасай дочь. Она твое порождение.

Утром он позвонил Аняте и настойчиво посоветовал показать Алёнушку врачам. Через два дня она сообщила, что у дочки возможен церебральный паралич, и она вряд ли когда сможет ходить.

Алексей продал какому-то кавказцу свой именной инкрустированный кортик, врученный ему в свое время министром обороны как лауреату литературной премии. Обежал всех знакомых, занял, у кого сколько можно. И прилетел в Алма-Ату.

Улица Богенбай-батыра, была в советское время улицей Кирова. Она тянулась через весь город и терялась в предгорьях Алатау. Дом располагался в самом ее конце.

Встретила Алексея Ирина Семеновна. Анята с трехмесячной Алёнкой лежали в больнице.

– Там очень хороший доктор, – сказала она. – Многих детей на ноги поставил. Нам повезло, успели попасть к нему. Его пригласили работать в Германию, и он через полтора месяца уезжает. Анята извелась вся. Икру бы для нее купить, но с деньгами туго.

– Купим икру, – ответил Алексей. – И доктору заплатим.

В тот же день он побывал в больнице, передал через медсестру две банки черной икры и пять пакетов разных соков. Встретился с врачом и вручил ему двести долларов.

– У вашей дочки послеродовая травма. Виноват акушер, – сказал он. И успокоил: – Надеюсь, что выправим. Ей сейчас необходимы уколы церебролизина, у нас его нет. В аптеках тоже не найдете, только на еврейском рынке.

– Добудем, – заверил Алексей.

– После выписки ребенку потребуется постоянный массаж. И врачебный контроль до двенадцати лет...

Прав был врач: церебролизин оказался в большом дефиците. Однако на рынке Алексею показали пожилого еврея с печальными глазами. Выслушав просьбу, тот спросил:

– Для ребенка?

– Да.

– Приходите в это же время завтра.

На другой день он вручил Алексею три упаковки с лекарством. И даже почти не сбарышничал.

Через полмесяца Алексей привез Алёнку и Аняту из больницы.

С пристальным вниманием вглядывался он в лицо дочери, пытаясь уловить свои черты. У нее заметно выдавался вперед лобик, и покрытая пухом головка казалась несоразмерно большой. Аленушка не плакала, не кричала, как другие груднички, требуя материнского молока. Анюта каким-то образом угадывала ее желание. Выпрастывала из-под кофточка отяжелевшую грудь и совала коричневый сосок в маленький ротик дочки...

От воспоминаний Алексея отвлекло шевеление на соседней полке. Он приоткрыл глаза и увидел, что попутчица спустила на пол голые ноги в мохнатых тапочках с помпонами. Не глядя, протянула руку к столику, нащупала коньячную бутылку и глотнула из горла. Так же, не глядя, поставила бутылку и встала. Расстегнула халат – лифчика на ней не было. Сдавила несколько раз пухлыми пальцами могучие груди. Цепко оглядела Алексея. Хрипло спросила:

– Спите?

Он не откликнулся и тут же уловил невысказанное: «Чурбак! Неужели, в самом деле, убил какого-то финансиста?.. Убил – и спокойно дрыхнет!»

Она откатила скрежетнувшую дверь купе и прошлепала в сторону туалета.

Несколько мгновений Алексей лежал с открытыми глазами, ощущая, что все мысли куда-то исчезли. Затем на него мягким кулем навалилась тяжелая дремота, и он погрузился в небытие.

– Ты донор, – беззвучно сказала Оника.

– Не понимаю, – послал он ей ответ.

– Тебе знакомо понятие «вампир»?

– Да. Он перегрызает человеку горло и пьет его кровь.

– Вульгарное понимание. Это болезненное отклонение особи от нормы. Вампиризм – потребление чужой энергии. Потребитель крадет ее у донора.

– Можно отличить донора и потребителя по внешнему виду?

– Можно, но не всем. Ты сможешь отличить. По поведению. Метка вампира – себялюбие, склонность к тирании, потакание своим страстям.

– Я тоже потакал своим страстям.

– В каждом человеке уживаются белое и черное. В тебе доминировал донор, и чужой энергией ты не пользовался.

– Как же я восполнял ее?

– Из галактики. Но не всегда успевал это сделать. Потому что нечасто посещал узел координат.

– Я не знаю, где он находится.

– На твоём Острове.

– Ты сказала, что энергию крадут.

– Да. Но отбор энергии происходит незаметно. Теперь у тебя не смогут красть ее. Но подконтрольно и добровольно сможешь отдавать сам.

– А раньше?

– Ты передал новой жизни не только биологический ген. Но и неосознанно перекачал в нее свою энергию, которая уничтожила вирус разрушения...

Алексей уставился в вагонный потолок и попытался вспомнить свой короткий сон. Он был уверен, что ему привиделось что-то очень важное. Но воспоминание не давалось. В затылке покалывало, однако неприятных ощущений это не вызывало. В сознании мелькали и ускользали чьи-то тени.

Он собрался с силами и сосредоточился. Вагонный потолок стал медленно отодвигаться и окутываться белой дымкой. В этой дымке смутно замаячило женское лицо, показавшееся

ему незнакомым и знакомым одновременно. У женщины были зеленоватые волосы, полные чувственные губы и кошачьи глаза. Она пристально глядела на него, и вдруг он явственно услышал:

– Ты передал новой жизни не только биологический ген...

Вот оно! Именно эти слова он слышал в коротком сне. Но это не всё! Знакомая незнакомка напомнила лишь малую часть, только то, что касалось Аленушки.

В первую ночь после выписки из больницы Анюта уложила Аленку с собой.

– Не сердись, – сказала она Алексею, улегшемуся из-за отсутствия другого места на полу, подле их кровати, – я не могу оставить дочку одну.

Алексей слышал ее ласковое бормотание, угадывал дочкино шевеление. Не выдержал и предложил:

– Давай поменяемся местами, Анюта.

Она не сразу согласилась, но все же уступила ему место рядом с дочерью.

Минут через десять спросила:

– Она заснула, Алеша?

– Спит.

Аленка лежала, уткнувшись головкой в его плечо. Правой рукой он поглаживал ее спинку. Возле шейки ощущал пальцами исходивший от тельца жар. Осторожно, легким прикосновением, он потирал это место, и жар уходил, ровно бы перетекал в Алексея.

В тот приезд и Анюта, и он сам удивлялись тому, что рядом с матерью Аленка беспокойно ворочалась, но стоило отцу взять ее на руки, как она сразу успокаивалась.

Зря напугала участковая врачаха инвалидной коляской. Пошла Аленушка, когда ей исполнился год. Произошло это в следующий приезд Алексея, когда ушлый издатель Бычевский заплатил разовый гонорар за книжку о рыбалке.

Он привез в Алма-Ату больше тысячи долларов и настойчиво посоветовал Анюте купить сравнительно дешевый контрабандный компьютер и поступить на бухгалтерские курсы. Набирающий обороты дикий рынок не мог обойтись без финансовых работников.

Свой первый шаг Аленка сделала, когда они были вдвоем в комнате. Алексей поймал ее, готовую шлепнуться, она радостно засмеялась и выскользнула из рук...

Вернувшись в тот раз в Москву, он понял, что его, приличная по советским меркам офицерская пенсия, превратилась в пшик. Инфляция ежедневно откусывала от нее такие куски, что деревянных рублей едва хватало на хлеб. В такой ситуации о новой поездке к дочери оставалось только мечтать. Надо было как-то выкручиваться. Он устроился грузчиком на оптовом рынке. Его ежедневный заработок был равен пенсии.

Базарные заработки кончились в одночасье, когда хозяину кто-то капнул, что новый работник из писак. Алексей сам был виноват, сболтнул за выпивкой работягам.

– Мине риклам не надо, – сказал хозяин-азербайджанец. – Писать будешь – сильно обижать станем. Зло не имей. Возьми вот два бутылка...

Зла Алексей не имел. Хозяин был, в общем-то, неплохим мужиком.

Сэкономленных денег все же хватило на новую поездку к Аленке. Анюта уже работала бухгалтером и могла оплачивать массажистку для дочери. Ей шел третий год. Спустя пару дней после встречи Аленка сказала:

– Не хочу, чтобы тетя давила спину. У нее руки злые. Ты, папа, сам делай мне массаж.

Он три раза в день мыл ее тельце, хотя и не знал, как правильно массажировать. Пальцы сами находили, где погладить, а где – прокатать позвонки. Никаких усилий он не прикладывал, а на лбу выступала испарина.

Теперь Алексей этому не удивлялся. Почему – не мог объяснить. Просто знал, что так и должно было происходить...

Разбудили Алексея запах кофе и сосущее чувство голода. Кофе пила соседка. От курицы остались одни кости. Пустая коньячная бутылка стояла под столиком.

– Доброе утро, Майя Эдуардовна! – поприветствовал соседку Алексей.

– Доброе, – равнодушно буркнула та.

Желудочный подсос назойливо посоветовал ему посетить вагон-ресторан. Игнорировать совет не было причины.

Похоже, посетители не особенно баловали вниманием общепитовскую точку на колесах. Заняты были только два ресторанных столика. За одним опохмелялась водкой и пивом компания из трех угрюмых мужиков, за другим – лениво двигала челюстями респектабельная парочка. Алексей занял угловой столик. Несмотря на отсутствие клиентов, ждать официантку пришлось минут пятнадцать. Она объявилась распаренная, как после бани, и с пятнами пота подмышками. Отвратное зрелище на фоне пищи!

Он заказал овощной салат, отбивную с картофелем фри и кофе.

– Всё? – сурово поинтересовалась официантка.

– Всё.

В ее голове промелькнуло: «Трезвенник паршивый! Салат зачем-то заказал! – в ее мыслях тут же нарисовались бутылки паленой водки, дожидавшиеся клиентов в укромном уголке кухни. – Разбанковать бы, пока хозяйка с начальником поезда валандается!»

У каждого своя коммерция, отстраненно подумал Алексей и принялся за еду. На секунду его отвлек появившийся у буфетной стойки хлипкий и егозливый мужичонка в вельветовых штанах, топорщившихся на узкой заднице и пестрых кроссовках. Купил у буфетчика бутылку пива и уселся за соседний столик лицом к Алексею.

Уловить шевеление его прямых извилин не составляло труда: «Пускай Керим обхаживает старую тёлку, а я пивка попою. Утопленник, вот он, перед глазами».

Вот и пастухи объявились, подумал Алексей. Тащить их за собой на улицу Богенбай-батыра, конечно, ни к чему. Проблему придется решать заранее, еще до Алма-Аты. Как решать – будет видно. Не спеша, он прикончил поздний завтрак, расплатился с потной и недовольной официанткой и двинулся в свой вагон. Дверь его купе была распахнута. Из нее с чемоданом вывалился грузный, широкоплечий и лысый мужик с выпирающим пузом, явно бывший борец. Нижняя губа на его багровом лице напознала на верхнюю, отчего его физиономия напоминала морду постаревшего бойцовского пса.

Следом за ним из купе выплыла Майя Эдуардовна со своим продуктовым баулом.

– Перехожу в другое купе! – заявила она.

– Очень жаль, – съерничал он.

– Поздно жалеть! – ее голос прозвучал вызывающе и даже горделиво.

«Так, в расклад внесены коррективы. Керим взваливает на себя обузу в виде Майи Эдуардовны и освобождает место для егозливого любителя пива».

Тот не заставил себя ждать. Просунул лисью физиономию в дверь, сказал: «Привет!», ввинтился в купе и затолкал свою сумку под лежанку. Объяснил:

– Ваша соседка на мое место перешла. К кавалеру. А я, значит, сюда.

А в голове его провернулось: «Калган у Керима варит. Теперь Утопленник никуда не денется. Подсыплю ему в пойло порошок, а, как уснет, в барахле пошарю. Может, какие бумаги найду. За бумаги Юсуп добавку обещал». Алексей усмехнулся.

– Коли уж мы соседи, – сказал, – давай знакомиться.

– Само собой. У меня для знакомства пузырек есть, да еще пара пива. – Протянул Алексею вялую ладонь с наколотыми на пальцах перстнями: – Серый. Серёга, значит.

– А я – Утопленник, которого вы с Керимом пасете.

В голове у владельца пузырька заметались панические мысли: «Откуда он узнал? Кто продал? Никто не знал, кроме нас и Юсупа! И пушки с собой нет, только финка».

– Н-не понял, – произнес он с заиканием.

– А чего понимать? Юсуп приказал, заплатил, вы и помчались за мной.

– К-какой Юсуп?

– Не придуривайся, Серый. Мои люди давно могли выкинуть вас обоих с поезда. Я тебя, дурачка, пожалел. Пушек у вас при себе нет. Вам их должны в Алма-Ате передать.

Незадачливый посланец Юсупа впал в ступор.

– Финку, что у тебя в кармане, давай сюда. Ну?

Тот заторможенным движением выложил на стол выкидной нож и съёжился.

– Так что, Серый, сиди пока в купе и не рыпайся. Понял? Не слышу ответа!

– Как есть, понял.

– Видишь плафон на потолке?

Тот испуганно поднял вверх голову.

– Заклепку рядом тоже видишь?

– Ну?

– Это глазок видеокамеры. Любое твоё шевеление мои бойцы заметят на экране. Усек?

Тот торопливо кивнул в знак согласия.

– Когда скажу, свалишь с поезда и поедешь обратно.

– Я – это, п-пустой, как есть. У меня только пачпорт. В натуре. Бабки у К-Керима в барсетке.

– Сходишь завтра к ним со своим пойлом в гости. Не вздумай сам выхлебать его. Подсыплешь ему и старой кошёлке в стаканы порошок, который мне собирался подсыпать.

При этих словах владелец порошка передернулся и непроизвольно схватился за карман. Алексей продолжал:

– Когда они отключатся, забирай деньги и сюда. Барсетку не трогай, только бабки. На первой станции сойдешь, если хочешь остаться живым.

– А Керим?

– Скажешь Юсупу, что его спецназовцы сбросили с поезда.

– Ик!

– Хватит икать, ложись и заглохни...

День прошел спокойно. Сопровождавший поезд дождь кончился, и в вагонное окно заглядывало тусклое солнце. Новый попутчик беспокойно ворочался на своей полке. Иногда взглядывал украдкой на потолочную заклепку и отворачивался к стенке. Не ел и не пил. Только выползал дважды в туалет, спрашивая предварительно разрешения.

Алексей несколько раз выходил в коридор. Лесистый пейзаж за окном сменился широкими полями с одинокими облетевшими рощицами. Поезд шел по Оренбуржью. Ни Керим, ни бухгалтерша Майя из купе не показывались. Лишь ближе к вечеру, когда по вагону проходила ресторанная громкоголосая деваха с судками, дверь их купе приоткрылась. В проеме нарисовался багроволицый Керим, позвал деваху и повелел:

– Притащи нам две бутылки водки и четыре порции шашлыка.

– В момент, – ощерилась та.

Все складывалось, как надо. Утром дорожным любовникам понадобится опохмелка. Серый и явится к ним с пивом и водкой. Вот радости будет!

Ночь Алексей спал вроде и спокойно, но какая-то часть мозга бодрствовала и держала под контролем егозливого попутчика с лисьей физиономией. Хотя нужды в этом, в общем-то, не было. Того заботило лишь одно: смыться с поезда живым и как можно быстрее. Забылся

он только под утро. Во сне мычал, постанывал, матерился. Может, видел, как летит под откос, выброшенный из тамбура бойцами невидимого фронта.

Очнулся он лишь после Илецка в пограничной зоне, когда служивый в зеленой фуражке, уже успевший шлепнуть штамп на паспорт Алексея, бесцеремонно похлопал Серого по плечу. Тот, как ошпаренный, оторвал голову от подушки и сел, чуть ли не по стойке «смирно».

– Документы! – сухо потребовал пограничник.

Дрожащими руками Серый достал из глубокого кармана джинсовой рубашки паспорт и угодливо протянул стражу границы. Тот с тщательной придирчивостью пролистал документ. Пару раз с нескрываемым подозрением взглянул на его владельца.

– Чего трясетесь, гражданин?

– С похмелья он, – объяснил Алексей. – Перебрал вчера в ресторане.

Пограничник не обратил на его реплику никакого внимания. Выглянул в коридор, позвал кого-то. В купе появился расплывшийся от переедания таможенник с каким-то прибором на длинной ручке. Пограничник кивнул на Серого.

– Где ваши вещи? – одышливо спросил таможенник.

Тот с лихорадочной поспешностью вскочил, откинул полку, достал сумку, произнес:

– Тут, как есть.

– Оружие, наркотики?

– Не возим, – подобострастно откликнулся тот.

– Откройте багаж!

В сумке не оказалось ничего подозрительного. Таможенник с сожалением чмокнул губами, затем неуклюже ступил ногами на полки и принялся обшаривать прибором антресоль, потолочный лючок, радиодинамик. Ничего не обнаружил и еще раз сожалеюще чмокнул.

Пограничник с неохотой шлепнул штамп на паспорт Серого.

– Приведи в порядок свою постель, – сказал ему Алексей, когда кордонные контролеры вышли. – И не дрожи, еще казахи будут проверять.

На казахской границе к Серому не стали придираться: он справился с мандражом и уже не трясся при виде фуражек с кокарами. Когда поезд, наконец, тронулся, Алексей напомнил:

– Умывайся и двигай в гости к подельнику!

Тот безропотно подчинился.

Гостевание затянулось. Алексей дважды успел заварить себе кофе, сжевал пачку печенья, предназначенного для пассажиров, а Серого все не было. Взъерошенный и больше обычного суетливый, он появился часа через три. Срок, в который одной бутылкой не обойтись даже при наличии пива. Наверно, Керим сгонял напарника в ресторан за добавкой. Впрочем, детали Алексея не интересовали.

– Сделал, – доложил Серый.

– Барсетку не тронул?

– Не.

– Через полчаса будет остановка. Забирай барахло – и в толпу на местном базарчике! С первым поездом дуй обратно.

Тот открыл рот, намереваясь о чем-то спросить. Алексей уловил его мятущиеся мысли, успокоил:

– Керима можешь не опасаться, в Москву он не вернется.

Серый испарился, едва поезд затормозил. Алексей увидел, как он, крадучись, прошмыгнул в хвост вагона, не хотел, видимо, светиться напротив окна бывшего напарника. Алексей не собирался выходить на перрон, но соблазнился вареной картошкой и огурцами, которыми бойко торговали две старушки. Спрыгнул с вагонных ступенек, огляделся. Серого и след простыл. Кроме картошки и огурцов, Алексей купил у пожилой казашки теплый лаваш, десяток помидоров и два пирожка с капустой. Дождался, когда поезд тронулся, и принялся за трапезу.

За окном плыла бескрайняя казахская полупустыня.

Ни кустика, ни саксаула – лишь шапки перекати-поля да белесые пятна солончаков – природные ловушки для лихих автолюбителей – охотников за сайгаками. Изредка попадались одинокие верблюды, гордо взиравшие на достижение цивилизации – мчавшийся в пустынной тишине поезд.

В советские времена Алексею приходилось несколько раз проезжать по этой дороге, с командировочным предписанием, конечным пунктом которого значилась захолустная станция Тюратам. Непосвященному человеку это название ничего не говорило. У станционного здания Алексея ждал служебный газик с особистом, который придирчиво изучал его сафьяновые корочки с вытисненными двумя нулями, означавшими допуск на совсекретные объекты. Лишь после этого газик срывался с места и брал курс на космодром Байконур... Всего скорее, поезд уже миновал Тюратам. Названия других станций этой дороги вылетели из головы Алексея.

Довольно долгое время состав шел вдоль бесконечного обветшавшего забора с частыми проломами. Алексей вспомнил, что такие ограды ставились на пути миграции тысячных стад сайгаков, которые вполне могли стать причиной железнодорожной аварии. Ныне же стада сайгаков повыбились, и, видимо, угрозы для поездов они уже не представляли. А если и представляли, то чиновников это особо не волновало...

Насытившись купленным у бабулек провиантом, Алексей улегся на постель с надеждой задремать и погрузиться в потусторонние видения. Но дремота не торопилась.

В голове крутились смутные образы давних сослуживцев, с которыми оборвала все связи суетная жизнь. Они проходили перед глазами, как на строевом смотре. Не по хронологии событий, не по ранжиру, а по национальности, которую определяли их фамилии: Володя Найчук, Валера Айдынян, Иосиф Шехтман, Миша Кашин, Алишер Халилов...

Никто никогда не задумывался в те времена, кто и какой национальности. Делали вместе свое дело, приглашали друг друга в гости и пели застольные песни. Теперь застолья формируются по рангу и деловой выгоде, их участников петь не тянет. Люди разделились по нациям, по религиям, по материальному достатку, по партиям. Куда же делось чисто человеческое? То, что объединяло и заставляло петь душевные песни?..

Стало темнеть, когда он собрался выйти в коридор, чтобы глянуть на голую сумеречную степь, давшую приют знаменитому Байконуру. Народ не горел желанием ехать в спальнях вагонах. В своем вагоне Алексей насчитал не больше полутора десятка пассажиров, большей частью из чиновничьей элиты, путешествующей по служебной надобности. Да и те предпочитали отсиживаться в своих купе, так что коридор обычно пустовал.

Ничего удивительного в том не было: трудяге или пенсионеру билет в СВ не по карману, а челноки сэкономили на чем только могли.

Однако в этот раз, едва он откатил дверь, как услышал в глухом тамбуре хриплый мат и тут же оборвавшийся щенячий скулеж. Алексею не по душе пришелся этот концерт, и он решительно двинулся в тамбур с намерением освободить кутенка.

Однако скулеж исходил не от собачьего отпрыска, а от Майи Эдуардовны. Багровый Керим, в майке и трусах, через которые свешивалось могучее брюхо, держал даму за горло, наклонив в открытую дверь тамбура. Ее ноги в розовых тапочках с помпонами были на самом краю площадки. Обеими руками она вцепилась в поручень и могла лишь издавать скулеж, когда он давал ей возможность открыть рот. Ее павлиний халат с оборванными пуговицами распахнулся, голые титьки прыгали в такт тряски от рук борца.

– Куда заныкала бабки, сука? – хрипел он, и нижняя губа его еще больше оттопыривалась, отчего казалось, что он вот-вот вцепится желтыми зубами в горло.

Его загрибок маячил перед глазами Алексея, и он, не раздумывая, обрушил сомкнутые ладони на жирную шею. Тот мгновение продолжал удерживать жертву слабеющими пальцами и разом осел, свесившись головой в завагонную пустоту. Бухгалтерша Майя довольно юрко для своей комплекции перешагнула через него и втиснулась в тамбур. Не запахивая халата и тяжело дыша, принялась выталкивать ногами недавнего кавалера с тамбурной площадки.

Алексей не мешал ей.

Откуда только силы взялись у дамочки: не каждый мужик сумел бы сдвинуть огромную тушу с места. Майя Эдуардовна сумела. Тело Керима ухнуло вниз. Падая, он зацепил ее розовый тапок, тот слетел с ноги и сгинул под откосом одновременно с телом.

Майя Эдуардовна опустила на пол и заголосила.

– Тихо! – цыкнул на нее Алексей, закрывая на защелку дверь тамбура.

Любительница дорожных романов заткнулась. Тут только Алексей заметил у нее под левым глазом синюшный кровоподтек.

– Вставайте! – приказал. Подал ей руку, вывел из тамбура, впихнул в купе Керима. – Запахните халат и рассказывайте.

Она послушно запахла, села, подтолкнув под спину подушку. Поправила растрепавшиеся волосы. И попыталась улыбнуться. Для женщины, только что бывшей на краю гибели, она довольно быстро пришла в себя. Впрочем, у финансовых работников должны быть крепкие нервы.

– Что теперь будет? – спросила без какой-либо паники в голосе. – Я же убила его!

– Ничего не будет. Места глухие, тело быстро не найдут.

– А вы никому не скажете?

– Не скажу. – Он решил не миндальничать и перешел на «ты»: – За что он хотел сбросить тебя с поезда?

– Обвинил, что я деньги у него из барсетки вытащила, когда он спал. Я сама спала, как убитая. Никогда такого со мной не было. Обыскал, как воровку. Требовал, чтобы я призналась, куда деньги спрятала.

– Где была барсетка?

– У него под рубашкой.

– Кто, кроме тебя, мог залезть к нему под рубашку? – спросил он, хотя прекрасно знал ответ.

– Не знаю. Всего скорее, его приятель с лисьей физиономией, который с нами сидел.

Соображает бабонька! Не то, что тупоумный борец!

– По-твоему, он мог вытащить деньги у вас на глазах?

– Вы – что, тоже меня подозреваете? Я внезапно уснула. Они еще сидели и пили. Когда проснулась, Керим спал на своей полке, а того в купе уже не было. Вечером, когда Керим встал, хотел послать меня в ваше купе, чтобы я позвала Серегу. Я не пошла. Тогда он сам решил сходить в ресторан за водкой, потому что у него сильно трещала голова.

Она передохнула и замолчала. Алексей не торопил ее, и через паузу Майя Эдуардовна продолжила:

– У меня, кстати, тоже голова плохо соображала. Он полез в барсетку, а денег там нет. Он и набросился на меня. Несколько раз ударил.

– Выкиньте из головы, Майя Эдуардовна, – снова перешел он на «вы». – Где багаж Керима?

– У него один чемодан. Внизу, под вами.

Алексей приподнял полку, вытянул остроносые туфли и кожаный чемодан с молниями и застежечными ремнями.

– Я освобожу вас от его вещей. Если кто спросит про соседа, скажете, что они сошли с приятелем на какой-то остановке. Название станции – не знаете.

– А сейчас что мне делать?

– Отдыхайте. Завтра будем в Алма-Ате, и все забудется, как дурной сон.

– Можно, я к вам переберусь на свое законное место?

– Не стоит. Вызовет подозрение.

– А вы не можете здесь остаться?

– Нет.

Заблокировав свое купе, Алексей принялся изучать содержимое чемодана. Сверху лежал журнал «Плейбой» с голой девицей на обложке. Под ним аккуратно свернутые черные брюки, белая рубашка, красный галстук, трое плавок, куча вонючих носков и грязная футболка. Больше ничего не было, кроме пустого целлофанового пакета, и это было подозрительно, судя по объему чемодана. Он ощупал его. Так и есть: чемодан был с двойным дном.

Вспоров ножом подкладку из толстого шелка, обнаружил разобранный наган, глушитель и плоскую картонную коробку. Нельзя сказать, что оружие Алексея не интересовало, но оно грозило осложнениями при встрече с правоохранительными органами. Он побросал смертоносные детали в пакет и вскрыл коробку.

Сверху вразброс лежали фотографии, с которых глядел на Алексея он сам. Снимков было пять, и сделаны они были, когда он выходил из госпиталя после визита к Рязанцеву. Он вспомнил, что его что-то беспокоило в тот момент, но в пределах видимости все было чисто. Наверное, фотограф пользовался специальной оптикой издалека.

Отложив снимки, Алексей вскрыл плотный заклеенный конверт, на котором были написаны две заглавные буквы «И. И.».

Взору его представилась перетянутая резинкой десяти тысячная пачка сто долларовых купюр с лежащей сверху кредитной карточкой российского сбербанка. Карточка без знания пин-кода представляла собой лишь мертвый кусочек картона, а доллары, конечно, Аленке с Анютой пригодятся. От всего остального надо было избавляться. Доллары и фотокарточки он затолкал в свою сумку и забросил ее в дальний угол потолочной антресоли. Покидал в чемодан все барахло, включая пакет с оружейными деталями.

Проскользнул в тамбур. Сначала в ночь улетел чемодан, за ним – кредитная карточка.

Вернувшись в купе, Алексей поужинал пирожками и помидорами. На аппетит недавнее происшествие не повлияло. Потягивая густо-сладкий черный кофе, отодвинул оконную шторку и бездумно стал вглядываться в черноту убегающей назад ночи. Через какое-то время поезд стал притормаживать. Замелькали редкие фонари, выхватывая из темноты глинобитные строения. Появилось здание одноэтажной кирпичной станции, название которой Алексей не успел прочитать. Метров через пятьдесят поезд, вздрогнув, остановился, и по перрону заметалась толпа.

Безбилетные пассажиры штурмом брали вагоны, и небезуспешно. Алексей выглянул в коридор. Проводница запускала в пустовавшие купе по семь-восемь человек и тут же задраивала дверь. Купе с законными пассажирами она оставила в покое. Мало ли на кого нарвешься! Вдруг потеснит важного чиновника?..

Алексей воспринял железнодорожный беспредел с полнейшим равнодушием. Он ощущал себя, как человек, сбросивший на привале тяжелый груз и получивший возможность отдохнуть.

Поезд, отбрасывая движущуюся тень, подходил к бывшей столице Казахстана. Осень здесь не торопилась предъявлять свои права: зелень была лишь слегка присыпана рыжиной.

В окно хорошо просматривались горы со снежными шапками, с трех сторон окружающие город. Возшедшее солнце делало их нереально контрастными, как на картинах Сарьяна.

Через час, когда утро разгорится веселым пожаром, на здании вокзала нарисуются огромные буквы: «АЛМАТЫ – 2». Пассажиры ринутся к остановкам троллейбусов и автобусов. Алексей не станет толкаться. Возьмет такси и отправится к своей умненькой дочке.

...А следы остаются

1

Калитку Алексею открыла Алена. Распахнула руки навстречу и будто споткнулась.

– Папа, – произнесла, – ты какой-то другой!

Он сам подхватил ее на руки и донес до крыльца, на котором стояли Анюта и Ирина Семеновна. Обе тоже во все глаза смотрели на него, не произнося ни слова. Алексей понимал их: трудно примириться с тем, что человек в его возрасте вдруг резко помолодел, да еще и заметно подрос. Да и ему показалось, что Анюта, хоть и не изменилась, но стала ниже ростом и сравнялась с ним по годам, так что разница в возрасте испарилась, осталась на берегу, где хозяйничал чернокудрый Адидас с биноклем.

– Это я, Анюта, – сказал Алексей.

– Здравствуй, – с некоторой заминкой протянула она руку.

– Мам! – укоризненно произнесла Алена. – Ты, как чужая! – и, видимо, чтобы сгладить возникшую неловкость, добавила: – А у нас, папа, новость. Вот, – показала на пристройку к дому, вход в которую, судя по всему, был изнутри. – Теперь это моя комната, я покажу тебе потом.

– Проходите в дом, – пришла в себя Ирина Семеновна.

За столом все вроде бы нормализовалось. Анюта налила в три рюмочных патрончика водки и в бокал – соку Аленке.

– С приездом! – подняла рюмку Ирина Семеновна.

Алексей пригубил и отставил.

– Что так, Алексей Николаевич?

– Не могу. Выпил свою норму.

– Болеее?

– Наоборот, никаких болячек.

Анюта с сомнением поглядела на Алексея и промолчала.

После завтрака настала очередь подарков. Алена не без удовольствия примерила перед зеркалом все обновки. Довольно равнодушно оглядела золотую цепочку с астрологическим кулончиком и, не примеряя, уложила обратно в бархатную коробочку.

Зато сотовый телефон привел ее в восторг. Она по-детски ойкнула и воскликнула:

– С фотокамерой, мам! Я буду с ним в школу ходить.

– Зачем вы так потратились, Алексей Николаевич? – укоризненно произнесла Ирина Семеновна. – Мы вполне прилично живем. У Анюты зарплата двести долларов. Я двух девочек первоклашек взяла на дополнительные занятия. Тоже заработок.

Когда Алексей выложил на стол керимовскую пачку в банковской упаковке и сказал: «Это Алене на учебу в институте», в комнате воцарилась настороженная тишина. Анюта опустилась на кровать, бабушка прислонилась к дверному косяку. Лишь Аленка отреагировала по-своему:

– Ни фиги себе!

– Она поступит в вуз без денег, – тихо проговорила Анюта.

– Да, – подтвердила бабушка, – ее включили в группу особо одаренных детей. Их примут в университет без экзаменов. Даже стипендию сейчас платят.

– Какую стипендию? – удивился Алексей.

– Тысячу тенге из фонда президента.

Он машинально перевел тенге в рубли, получилось двести рублей. Не шибко расщедрился президент, но все же.

Вспомнил, что в прошлый приезд Анюта с беспокойством призналась ему:

– Очень уж легко все Елене дается, – она предпочитала называть дочку Леной, а не Алёной. – Как бы срыв не произошел. Одни пятерки в школе получает. В кого она такая?

Да, способностями Бог дочку не обделил. Из первого класса ее перевели сразу в третий, из третьего – в пятый. В четырнадцать лет кончит среднюю школу...

– Деньги все равно пригодятся! – поставил точку Алексей.

– Откуда столько? – чуть ли не шепотом спросила Аня.

Он уловил мелькнувшую в ее голове мысль: «Господи! Неужели украл?»

– Не украл и банк не ограбил, – ответил Алексей. – Заработал.

– Где?

– На выборах в Госдуму, – нашелся он. – Писал одному кандидату в депутаты статьи и выступления.

Сказанул и подумал: как он раньше не догадался зарабатывать таким образом? Деньги там крутятся огромные и шальные, пиарщики хапают их сотнями тысяч. Нашлась бы и для него маленькая ниша... Ирина Семеновна будто подслушала:

– Оно так. Тупое жульё во власть лезет. Потому я и не хожу на выборы.

– И напрасно, – вмешалась Аленка. – Если избирателям объединиться, ни один жулик не пролезет. Все! Конец дискуссии! Я забираю папу на экскурсию по нашим владениям.

Дверь в пристройку вела из коридора.

Переступив вслед за дочерью порог, Алексей оказался в небольшой комнате. Воскресное утро было солнечным, не в пример хмурой осенней Москве. Лучи, как шпаги, щедро проникали сквозь раскидистое вишневое дерево в большие окна с раздвинутыми шторами. Комната выглядела торжественно и празднично. Одну стену занимали полки с книгами, у другой стоял диван, застланный пледом тигровой окраски. На широком письменном столе покоились монитор и принтер, сбоку на полке – процессор, на котором лежала «Новейшая энциклопедия персонального компьютера».

– Между прочим, у нас Интернет есть, – сказала Алёна. – В сети можно найти реферат по любой теме. Но я не пользуюсь ими: компиляция на тройку с минусом. Сама пишу. И еще у меня есть секретный файл. Даже мама о нем не знает. Хочешь, покажу?

– Хочу.

Она включила компьютер и погнала мышкой курсор с такой скоростью, что Алексей никак не мог уследить за последовательностью операций. Наконец щелкнула на файле с названием «Следы», и на экране возник текст.

– Садись, – уступила ему место дочь, – прочитай начало.

«Лена вдруг почувствовала, что может летать. Она легко оторвалась от земли и воспарила. Внизу остался зеленый холм, и появилось спокойное озеро, источавшее тихую музыку. Посередине замер зыбкий плавучий островок, на котором ей пришлось провести долгую тревожную ночь. Спасибо тебе, островок, и прощай!»

Ее путь лежал к снежным горам. Там, на склоне Чон-Кемина, прятался хитрый карлик, заманивший маленького инопланетянина в свою пещеру. Теперь она знала, как справиться с карликом и освободить пришельца...»

Алексей оторвался от текста. Что-то знакомое почудилось ему в описании. Нет, он никогда его не читал и не слышал. Ощущение было такое, что он видел когда-то и музыкальное озеро, и островок на нем. Хотя такого просто не могло быть.

– Что это? – спросил он Аленку.

– Сказка.

– Кто автор?

– Я. Ну, как тебе?

Он внимательно поглядел на дочь. Поднялся со стула, прижал к себе темную головку, вздохнул и, не покрывив душой, вымолвил:

– Классно написано. Ты выведи мне весь текст. Хочу прочитать не торопясь.

– Ладно.

– А почему файл называется «Следы»?

– Понимаешь, пап, следы – это то, что остается на земле после каждого живущего. Человека уже нет, а его следы остаются. Вдруг мои сказки станут моими следами? – Она театрально подбоченилась. – Ну, что? Не умрет твоя дочь от скромности?

– Не умрет, – с непонятной грустью ответил он.

День пробежал в необременительных хлопотах.

Пока бабушка занималась с девочкой-первоклассницей, они вдвоем перекопали грядки маленького огородика и вырезали старые стебли малины. Все это время Алексей ощущал отстраненность Анюты. Внешне оно никак не проявлялось, но он чувствовал нутром, и отстраненность слегка тревожила его.

Незаметно подкравшийся вечер нахлобучил на город темную тучу, грозившую пролиться неслабым дождем. Появившаяся на крыльце Ирина Семеновна кликнула дружную команду ужинать.

Вчетвером они чуть разместились в маленькой кухоньке. Ирина Семеновна напекла пышных пирожков с ливером и устала стол овощными салатами.

– Выпивать будешь? – неуверенно спросила Алексея Аня.

– Ты же знаешь, мам, – ответила за него Аленка, – папа теперь совсем не пьет.

Больше вопрос о выпивке не поднимался. После ужина Аленка, перебив посуду и дождавшись, когда бабушка устроилась в своей комнате перед телевизором, заявила:

– Я – в свою келью, родители. Занимайтесь, чем нравится, мешать вам не буду...

Спальня Анюты ничуть не изменилась. В ней по-прежнему стояли вдоль стен две кровати, ее и Аленкина, хотя у дочери был в пристройке новый персональный диван. Что-то тормозило их, заставляло не спешить забираться под одеяло. Сидели рядом на разобранной постели, хотя Аня и погасила свет. Наконец, она спросила:

– Скажи, Алеша, что произошло с тобой? Почему ты внешне так изменился?

– Не знаю, Нюрочка, – он называл ее так в минуты близости, и ей это нравилось. – случилось то, чему нет объяснения.

– А ты не объясняй, просто расскажи.

– Я беспробудно спал в палатке почти три месяца. Это случилось на острове, куда отправился на рыбалку. Приехал летом, а проснулся осенью. Меня даже успели похоронить.

– Как это?

– Выловили какой-то разбухший труп и решили, что я: опознать-то невозможно.

– Ты стал моложе и выше, – произнесла Аня.

– Что стряслось со мной – нет ни версий, ни догадок.

Он не стал сообщать ей, что может теперь слышать мысли других людей. Таким признанием можно напугать. Не стал рассказывать ни про топтунов, ни про неудавшееся покушение в метро – к ней это вообще не имело никакого отношения. Сказал:

– Принимай таким, каким стал. Если ты, конечно, не против.

– Не против.

По крыше и по оконному стеклу забарабанил дождь. Они не слышали монотонного шума дождя. Она, задыхаясь, бормотала какие-то слова. Каждая клеточка ее тела откликалась на его движения, а шепот заставлял не торопиться, чтобы отодвинуть опустошительное мгновение...

Дождь продолжал дробно стучать в окошко. У него была своя музыка, не такая, как музыка озера из Аленкиной сказки, но тоже навевающая душевное успокоение. Сон Алек-

сея был безмятежным, как у младенца. Проснулся он, когда Аня уже завтракала на кухне. Аленке надо было в школу во вторую смену.

– Разбудишь ее через полчаса, – наказала перед уходом Аня.

До школы они с дочкой успели съездить на дребезжащем автобусе в салон сотовой связи. Дочка со знанием темы выпросила у щеголеватого продавца всё о фирмах, обеспечивающих связь, и дополнительных услугах, предоставляемых клиентам. Алексей только дивился, слушая их вполне профессиональный разговор. Выбрала оператора, тариф, попросила включить роуминг и еще какие-то непонятные для Алексея услуги. На телефонный счет он положил двести долларов, и продавец сделался противно угодливым.

Пообедав, Аленка сбежала в школу, и Алексей почувствовал себя отъявленным бездельником, пока не вспомнил о компьютере в пристройке. Единственное, чему он научился за много лет, это включать и выключать умную электронную машину, входить в WORD и набирать текст.

Компьютерная энциклопедия была написана довольно понятным языком. Не сказать, что скоро, но он все-таки разобрался в многочисленных значках. Особенно много их скрывалось за надписью «Сервис». Компьютер предоставлял возможность не только набирать и править текст. Электроника сама исправляла в тексте ошибки, расставляла знаки препинания и подчеркивала корявые фразы.

При чтении энциклопедии встречались и малопонятные страницы. Алексей их бессовестно пропускал и задерживался лишь на тех, что можно было потрогать с помощью мышки и клавиатуры. В Интернет попал случайно, когда курсор остановился на еще не опробованном иероглифе, и он щелкнул мышкой. После быстрой смены картинок экран заполнила новостная информация.

Алексей без особого интереса и мельком пробежал ее. Задержался лишь на одной, в разделе «Криминал». Среди информации о пожарах и ограблениях, он углядел короткое сообщение. На железнодорожном перегоне Джалагаш – Кара-Кеткен путевой обходчик обнаружил труп в трусах и в майке. По одной из версий, мужчина кавказской национальности, будучи в изрядном подпитии, выпал из проходившего поезда. Документов при нем не обнаружено. Неподалеку от трупа был найден розовый женский чувак 39-го размера. Однако тело его хозяйки отсутствовало, что наводит на определенные размышления. Возможных свидетелей инцидента, ехавших в поезде, полиция просит откликнуться и позвонить по телефону...

Быстренько же нашли Керима, подумал Алексей. Кроме тапочка, должен обнаружиться и дорогой чемодан. Видимо, обходчик постеснялся сообщить еще об одной находке, решил оставить ее себе. Происшествие – явный висяк, потому что свидетели никогда не откликнутся, даже если что-то и знают. А уж кредитно-финансовая любительница дорожных приключений – тем более...

2.

У Юсупа словно жало засело в печенках. Вскидывал глаза на Заурбекова и тут же опускал их. Высоко забрался земляк. По виду и не скажешь, что родился в горном кишлаке. Не худой, не толстый, всегда в костюме, в белой рубашке с галстуком и при ментовской охране, он походил на дипломата, каких показывают по ящику. Губы только подкачали, не губы, а трещина вместо рта – ну, прямо невозмутимая с виду кобра, готовая в неуловимом прыжке вонзить свой ядовитый зуб в тело жертвы.

Заурбеков хмуро и недовольно слушал своего бочкотелого подручного, а когда тот отвлекся, поторопил:

– Давай по существу, Юсуп! Твоей шестерке можно доверять?

Юсуп усердным киванием подтвердил надежность шестерки. И добавил:

- Серый сказал, что с Утопленником были пять спецназовцев и одна баба.
- Что за баба? Молодая, старая, как выглядит?
- Выглядит кошелкой. Представилась бухгалтершей. Зовут – Майя Эдуардовна. Ехала в одном купе с Утопленником. Потом легла под Керима.
- Ну?
- Керим договорился с проводником. Тот перевел Серого в купе, где ехал Утопленник. Потом появились его люди. Они вывели его в тамбур и выкинули. Ему повезло, скатился в болото.
- А Керим?
- Серый его больше не видал. По казахскому телевизору показали его труп у рельсов.
- Достань эту бабу, когда вернется. И вытряхни из нее все потроха.
- Сделаем.
- Сколько ты отправил казаху?
- Сто девяносто штук на кредитке. Десятку он просил прислать налом. Бабки накрылись вместе с Керимом. Исмагилов звонил, требует оплатить обе фуры.
- Это меня не касается, плати, раз прокололся.
- Юсуп торопливо кивнул, что означало готовность заплатить.
- Что твой недоумок еще говорил об Утопленнике и о его бойцах?
- Про Утопленника – ничего. А один из бойцов, когда сунул Серому в ноздрю фитиль, показал на заклепку в потолке около плафона и сказал, что это глазок видеокамеры.
- Когда же успели вмонтировать в купе видеокамеру? Ты говорил, что билеты взяли перед отходом поезда!
- Перед отходом. Подставили, суки! На мыло кассиршу пуцу!
- Значит, тебя и твоих людей уже пасли. А ты куда смотрел?
- Юсуп вытаращил лупастые глаза и сглотнул образовавшийся в горле комок. Однако возразить не решился, да и не было смысла возражать. Долг казаху он, конечно, покроет. А как оправдаться перед Зурабом? По раскладу получается, что его самого и его быков пасли уже здесь. Видать, за Утопленником большие люди стоят, и непонятная контора. Зурабу ничего не стоит закатать в асфальт даже министра, не только его, Юсупа.
- Давай, Юсуп, по деталям – все, что связано с Утопленником. Как он на тебя вышел?
- Через Клима. Он бригадир по дури. Охмурял пацанов в одном подъезде. А там, оказывается, Утопленник живет. Вышел и велел валить из подъезда. А когда Клим на него попёр, сказал, передай, мол, привет Юсупу.
- Фамилию его узнал?
- Усольцев. Алексей Николаевич.
- Из какой конторы?
- Никто не знает. Я решил его, это, замочить. Но его быки...
- Быки у тебя, у него – пехота, – брезгливо бросил Зураб.
- Ага, пехота. Сперва они оставили без штанов бригадира уродов с напарником.
- Опустили что ли?
- Нет. Без штанов гулять отправили. Потом Утопленник появился в госпитале у писаки, который расколол нашу стриптизершу. Я подослал к нему своего спеца по несчастным случаям. Спеца толкнули под электричку в метро. Стриптизершу мы сделали чисто. И тут узнали, что Утопленник взял билет в Алма-Ату. Там у нас свой интерес, и я послал Керима с Серым этим же поездом к Исмагилову, чтобы тот взял Утопленника на себя. Кто же знал, что он не один едет!
- Установил, где он находился после того, как его похоронили?
- Прокачали одного книжника, он под нами ходит. Книжник сказал, что Утопленник – как бы писатель, проходил курс омоложения в Тибете.

- Где? – Зураб не смог скрыть удивления.
- В Тибете. И здорово омолодился.
- Ты в эти сказки поверил?
- За что купил. Книжник давно под нашей крышей. Он Утопленнику бабки отстегнул за то, что тот назвал ему человека, засланного конкурентами. И даже нашего человека указал. Все знает про его книжную фирму, куда левый груз отправлял, сколько.
- Издатель не догадался записать разговор на диктофон?
- Нет. Но сказал, что Утопленник любит деньги.
- Передай издателю, чтобы не жмотился. Пообещай снизить ясак за крышу. Купить такого информатора – многого стоит.
- Юсуп перевел дух: сегодня в асфальт не закатают. А завтра – на все воля Аллаха.
- Будет исполнено, – ответил.
- С кем Утопленник живет?
- С женой и сыном. Жена – баруха нашего адвоката.
- Зураб поморщился, но промолчал. Юсуп терпеливо ждал, что скажет босс.
- Пусть адвокат спрашивает ее про Тибет. Возможно, это кодовое название спецслужбы.
- Ничего она не знает. Он скрыл от нее ту свою командировку. Потому и похоронила его, как утопленника. Она и сейчас не в курсах, где муж. Сказал ей, что уезжает в командировку, а куда – не доложил.
- Слушай сюда, Юсуп. Будем считать, что твой Утопленник из спецслужбы. Какой конкретно – постараюсь узнать. Ты возьми под наблюдение его квартиру.
- С нее глаз не спускают.
- Проворонишь Утопленника – сам знаешь, что будет. Его жену и сына пока не трогай. Это запасной вариант.
- Баба на запасной не годится. Она теперь, как мышь в когтях кошки. Утопленник только рад будет, если мы ее того.
- Не перебивай, Юсуп! Брось на него все силы. И доставь живым в психушный санаторий. Живым, понял? Хочу с ним поближе познакомиться. Всё, ступай...
- «Бека из себя строит, – думал Юсуп, возвращаясь от хозяина. – Познакомиться, видишь ли, с Утопленником хочет! Керим уже познакомился»...

Алексей и не подозревал, что стал причиной хоть и узкого, но важного совещания столичных авторитетов. Он полностью погрузился в приятное времяпровождение. Дни то ли летели, то ли ползли – не понять было. Но все они были насыщены покоем.

Анюта ходила по часам на работу. Аленка занималась сразу кучей дел: олимпиадами, школьными капустниками, сочинительством и еще с рвением постигала казахский язык, ставший обязательным в учебных заведениях республики. Алексей же с интересом, о котором даже не подозревал, штудировал компьютерную энциклопедию.

Иногда они с Аленкой отправлялись в парк Горького и успевали до школы покататься на лодке. Заканчивали прогулку в уютном кафе, где он пододвигал ей меню и предлагал сделать заказ. В общем, беззаботно тратили доллары ласкового Бычка, обмененные на казахские тенгушки.

Анюта смотрела на их расточительство сквозь пальцы, а по воскресеньям, махнув рукой на домашние дела и не обращая внимания на укоризненные взгляды Ирины Семеновны, составляла им компанию и даже сама пыталась поучаствовать в тратах.

В один из дней Алексей вдруг обнаружил, что его способность улавливать мысли собеседников отчего-то улетучилась. Во всяком случае, при общении с Анютой или с Ириной Семеновной его мозговой приемник бездействовал. Может быть, в нем просто не было надобности?

Или настройка его позволяла читать только скрытые мысли? А когда скрывать нечего, приемник самовыключался?

С Аленой они понимали друг друга без слов. Иногда он собирался что-нибудь спросить у нее и уже знал, что она ответит. И она временами отвечала, даже не успев услышать вопроса. Но происходило это как бы само собой и не вызывало удивления ни у нее, ни у него.

Оставили его в покое и странные ночные видения. Только однажды ему привиделся под утро длинный и странный сон. Аняте в тот день надо было срочно закончить какие-то бухгалтерские расчеты, и она поднялась, не потревожив Алексея, еще до рассвета. В том сне не было ни смутно помнившейся ему зеленоволосой женщины в голубоватой с переливами одежде, ни льющейся со всех сторон успокаивающей музыки.

Человек в белом хитоне, со спутанными волосами, спадавшими на плечи, стоял в большом сумрачном зале с высоким лепным потолком, скульптурным ансамблем и амфорами, источавшими благовоние. Сумрак разгоняли лишь горевшие по углам светильники. Перед ним в глубоком кресле сидел одетый в черную мантию с красным подбоем грузный мужчина. По его левой щеке время от времени пробежал тик. Он встряхивал головой, словно прогонял боль или раздражение, и тяжелым взглядом сверлил стоявшего перед ним худого человека. Тот смотрел на него с грустной покорностью и сочувствием. Наконец, тихо произнес:

– Ты болен, прокуратор. Закрой глаза и представь гладь озера.

Прокуратор послушно смежил веки. Через минутное время открыл их. Прислушался к себе. Еле заметная улыбка тронула его полные губы.

– Ты искусный лекарь, Иешу.

Человек в хитоне согласно кивнул.

– Даже моя жена называет тебя праведником.

– Я, как и ты, подвержен искушениям.

– Первосвященники и старейшины обвиняют тебя, Иешу, в осквернении святынь, поругании синагории и подстрекательстве к бунту.

Прокуратор смолк, пытливо оглядел лекаря, спросил:

– Знаешь ли ты, кто тебя предал?

– Да, Иуда из Кариота.

– 30 сребреников – цена твоей головы.

– Он поступил так не по своему разумению и не по своей воле.

– По чьей воле?

– Ему ниспослано свыше.

– Ты веришь в это?

– Верю в то, что знаю.

– Что ты знаешь?

– Истину. Взгляни, прокуратор, те, что глаголют истину, судимы теми, кто имеет власть.

Прокуратор встал с кресла. Прошелся по залу. Остановился подле пленника.

– Известно ли тебе, что на пасху я имею право помиловать одного из преступников?

– Ты помилуешь разбойника Варраву.

– Почему так считаешь?

– Ты не властен над своим духом и своим словом, правитель.

– Ошибаешься. В моей власти распять тебя или отпустить.

– Нет. Сие предписано свыше.

Прокуратор смолк, опустил взор. Снова сел в кресло. Вдохнул.

– Ты прав. Правитель тоже подвластен, и его слово может стать бессильным. Разве ты не боишься смерти, Иешу?

– Я не умру.

– Над смертью никто не властен. Сейчас все улицы заполнены ордой обезумевших людей и шпионами синедриона. Они жаждут твоей смерти.

– Их прозрение наступит позже.

– Для тебя нет иного спасения, как побег до рассвета. Ты знаешь дорогу к границам этой проклятой страны. У меня есть верный отряд конных стражников. Они уведут тебя от опасности. Что скажешь на это?

– Не жалею меня, прокуратор. Отдай преторианцам...

Светильники разом погасли без чьего-либо вмешательства. Потолок зала исчез, обнажив бесконечность звездных миров.

Открылся поросший терновником холм. У его подножия, на усыпанном белой галькой ровном плацу, выстроились подковой преторианцы с короткими мечами в ножнах. Несмотря на ранний час, ближние и дальние подступы к плацу были заполнены народом, местным и пришлым к пасхальному торжеству, шумливым и безголосым, жаждущим крови и трепетным от бессилия. Сквозь равномерный гул иногда прорывались выкрики: «Иешу!». На склонах холма расположилась знать. Первосвященники и старейшины укрывались от нескромных глаз за бамбуковой шторой трибуны.

Все взгляды были направлены на человека, стоявшего перед строем преторианцев. Но он, словно не видел никого, и, казалось, совсем не испытывал страха. Тронул руками куст колючего терновника и обратил взор к небу. Взошедшее из-за холма солнце осветило его худое лицо, и стало видно, как беззвучно шевелятся губы.

Шлемы солдат сверкали в лучах светила. На смуглых лицах вспыхивали, гасли и снова вспыхивали усмешки. Солдаты жаждали зрелища. Они словно бы ждали подсказки или сигнала от полного человека в темном капюшоне, в котором без труда угадывался священнослужитель. Но тот, опираясь на трость, сохранял отстраненный вид. Наконец, он сделал еле заметный знак правофланговому.

Шестеро в блестящих шлемах приблизились к человеку в белом хитоне и сорвали с него одежду. Гул толпы на мгновение смолк, но сразу же снова прокатился из конца в конец. Иешу так же смотрел на небо и шевелил губами, будто испрашивал благословения.

Один из солдат обошел его и стал ломать терновые ветки, сплетая из них венок. Закончив плетение, он небрежно нахлобучил венок на голову обнаженного человека и, скалясь, бухнулся перед ним на колени. Его примеру последовали остальные и разноголосо загнусавили:

– Радуйся, Царь Иудейский!

Толпа загудела сильнее. Невозможно было разобрать, что означает тот гуд: негодование ли, одобрение ли. Когда он пошел на убыль, воздух разрезал горестный женский вопль. Он ровно бы подтолкнул преторианцев. Они вскочили с колен, стали плевать на обнаженного Иешу.

Только тут пленник взглянул на своих мучителей. И улыбнулся. Первосвященник в балахоне выкрикнул что-то неразборчивое. Строй, а затем толпа подхватила выкрик, и тогда явственно прозвучало:

– На Голгофу!..

У Алексея было ощущение, что его разбудил именно этот выкрик. Некоторое время он лежал без движения, осмысливая то, что ему привиделось. Сон, как сон. Он помнил его до мельчайших подробностей. Странность состояла в том, что привиделся ему библейский сюжет, о котором он знал лишь понаслышке: пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат, христопродавец Иуда, Голгофа, распятие Христа. Вот и всё! Во сне же возникла объемная картина, с деталями местности и одежды, прописанными, как на полотне живописца.

Может быть, он все же читал когда-то об этом? Или же отложились в памяти картинка из Библии, которую он, не особо вдумываясь, перелистывал когда-то в досужие часы и лишь иногда задерживался взглядом на текстах?

Он отбросил гадание на кофейной гуще, нехотя встал и прибрал постель. Однако что-то свербило в груди, и это что-то было завязано на увиденный сон, на Москву, на Остров. Будто что-то нашептывало ему: «Отпуск закончился, пора! Тебя ждут, возвращайся!». Куда возвращаться? К кому? Зачем? Кто ждет? Он прекрасно чувствовал себя рядом с Аленкой и Анютой, ему совсем не хотелось покидать их. Но все равно расставание надвигалось, как неотвратимость.

И он объявил о завтрашнем отъезде сначала Аленке, затем Анюте.

– Я понимаю, папа, – сказала дочка. – У тебя в Москве тоже семья. Да и дела твои все там. Когда уедешь, думай обо мне, а я буду думать о тебе. Станем общаться, как телепаты.

Анюта отреагировала по-другому:

– Тебе с нами плохо, Алеша?

– Хорошо.

– Зачем же так быстро уезжаешь? – Лицо ее стало жалобным, как у не оправдавшего доверия взрослых ребенка. – Ты всего две недели с нами побыл!

При этих словах Алексей уловил ее мимолетную мысль: «Наверное, в последний раз приезжал. Недаром привез такую сумму».

– Дела накопились, Анюта, – попытался он оправдать свой поспешный отъезд.

Но даже себе не мог объяснить, что за дела его ждут. Хотя нисколько не сомневался, что так оно и есть.

– Может, самолетом полетишь? – робко предложила Анюта. – А трое суток с нами побудешь?

– Конечно, самолетом, – с облегчением согласился он.

3

Три дня миновали для Алексея, словно их и не было. Он не позволил Алене и Анюте проводить себя в аэропорт, провозжание – вещь томительная и беспокойная. Стоя у калитки, они лишь помахали вслед увозившему его такси.

Рейс на Москву задерживался в связи, как извещало световое табло, «неприбытием самолета». Алексей купил в буфете бутылочку апельсинового сока и занял пустовавший столик у ширмы, отгораживающей питейное заведение от спящих пассажиров. Ему хорошо были видны две стойки регистрации, и оба выхода: из зеленого и красного коридоров.

По соседству, в одиночестве и без аппетита жевал бутерброды курносый парень. На полу стояла выдавшая виды спортивная сумка. Похоже, парня что-то беспокоило. Он автоматически взглядывал на часы, будто ждал чужую жену, обещавшую его проводить.

У самого выхода пристроился за столиком полный казах с кулаками размером с дыню-колхозницу и одутловатым лицом, на котором выделялись неестественно красные губы. Свой кумыс он уже выпил и теперь стриг глазами очередь на регистрацию. Этот явно был в аэропорту с каким-то заданием. И не один. Еще четверых топтунов в гражданской одежде и без багажа Алексей заметил чуть раньше.

Они следили за посадкой на Самарский рейс и топтались у регистрационной стойки «Алматы – Екатеринбург». Время от времени бросали взгляды на краснотелого казаха. Тот хмуро и недовольно качал головой. Алексея эти игры не касались, но все равно он взял их на заметку, потому что ощутил еще чье-то заинтересованное внимание к происходящему. Но как ни пытался, не мог определить, от кого исходила эта заинтересованность.

Диктор объявил, что заканчивается регистрация пассажиров, вылетающих в Екатеринбург. Оставив недоеденные бутерброды, курносый парень подхватил сумку и ринулся на регистрацию. Георгий увидел, как он протянул паспорт с билетом. Регистраторша долго изучала билет, затем посмотрела его на свет. Четверо топтунов мгновенно двинулись к парню. Красногубый оттолкнул от себя столик, торопливо, но, не теряя значимости, зашагал к ним. Парень что-то объяснял регистраторше. Красногубый, подойдя, прервал это объяснение ударом по почкам без замаха. Парень согнулся, но удержался на ногах. Потом резко и неожиданно распрямился, врезал стоявшему сзади топтуну пяткой между ног и мгновенно послал кулак в физиономию Красногубого. Тот опрокинулся навзничь. Народ вокруг зашумел, набежали и забалабонили зеваки. Красногубый выплюнул два зуба, нечленораздельно промычал, приподнялся, повёл мутными глазами вокруг. Потрогал распухшие губы, из которых сочилась кровь.

– Вяжите его! – выкрикнул неожиданным фальцетом.

На парне повисли трое, завернули руки, и тут же щелкнули браслеты. Но он еще одного достал ногой, так, что тот опрокинул регистраторшу и кулём свалился на нее. Она истошно завопила и продолжала вопить, пока не выбралась из-под незадачливого топтуна.

Парня повалили, спеленали, прислонили к металлическому барьеру.

Толпа расступилась, пропуская полицейского чина в генеральских погонах, важного и без признаков шеи. Он выглядел колобком, напаявшим чужое обмундирование. За генералом вышагивал высокий сутулый казах под руку с юной черноволосой красавицей, ухоженной, как дорогая кукла. Генерал спросил Сутулого:

– Он?

Тот согласно кивнул, подошел к парню, укоризненно оглядел его и глухо сказал:

– Отдай баксы, Рысь. И катись в любую сторону.

– Нет у меня твоих баксов.

– А где они?

– Генеральный прокурор знает.

– Какой прокурор! С ума сошел, Рысь!

– Твоих денег я не брал, – слово «твоих» парень произнес с нажимом.

– Ладно. Дожуём до понедельника.

– Жуй, пока не подавишься.

Сутулый повернулся к генералу:

– Выбей, – сказал и, помолчав, добавил: – Потом пришли его мне.

Алексеем определенно понравился курносый мордобоец. Неторопливо покинув столик, он прихватил свой баул и приблизился к сдвинутой стойке регистрации. Женщина-куколка, спутница сутулого казаха, придвинулась вплотную к парню, какое-то время пристально вглядывалась в его лицо. В ее взгляде даже читалось сочувствие. Топтуны подтолкнули парня и увели. Генерал спросил Сутулого:

– Двадцать процентов, как договаривались?

– Да.

– Ты сейчас к себе?

– Нет. Доктор прилетает московским рейсом.

Алексей уловил, что при слове «доктор» в голове генерала промелькнули долларовые купюры в банковской упаковке. А узкоглазая дива мысленно увидела мужчину с породистым лицом, шишковатой плешью и в очках в золотой оправе. В ее видении мужчина поднял руку и вlepил пощечину, заставившую диву шлепнуться на диван. Мелькнуло в ее голове и исчезло, не заинтересовав Алексея. Но курносого парня ему было жалко.

На казахском, русском и английском сообщили, наконец, о прибытии московского рейса. Однако регистрацию на него объявлять не спешили. И Алексей снова уселся за столик.

На выходе из зеленого коридора первым из пассажиров показался Доктор. Алексей признал его по видению, возникшему в голове спутницы сутулого казаха. Рядом с Доктором шагал спортивно-интеллигентный типчик с умным, обрамленным аккуратной бородкой лицом и с дипломатом, пристегнутым к руке цепочкой. За ним шел, даже не шел, а плыл с объемным пакетом юнец с физиономией, скопированной с мыльной этикетки.

Сутулый сделал пару шажков навстречу Доктору, протянул ему руку, прошептал что-то на ухо, кивнув на спутницу, скромно державшуюся за его спиной. Та вышла вперед, приветливо заулыбалась, склонилась в полупоклоне. Прибывший даже не взглянул на нее. Только укоризненно покачал головой в адрес Сутулого. В этот момент его окликнул показавшийся из служебных дверей безшей генерал-колобок. Остановив жестом свою кожаную свиту, генерал подкатился к Доктору, цепанул взглядом типчика с дипломатом. Отвел Доктора в сторонку, произнес пару слов. И все проследовали на выход. За ними на почтительном удалении двинулись сопровождающие. Что-то подтолкнуло Алексея, и, чуть помедлив, он направился следом...

В те минуты он не знал, да и не мог знать, что его личностью заинтересовались серьезные люди из одной сверхсекретной организации под кодовым названием БД-7. Аббревиатура означала «Белая дача, седьмой участок». Но к огородничеству и садоводству она никакого отношения не имела.

Операция «Дуст»

1

За мирным названием «Белая дача» скрывалось засекреченная структура Главного разведывательного управления. Возникла она еще в эпоху холодной войны. Чем занималась – не знал никто, кроме нескольких человек в государстве. Но время от времени мир потрясали сообщения о странной и загадочной гибели политических деятелей, о несчастных случаях, происходивших с популярными на западе перебежчиками из Страны Советов, о внезапных государственных переворотах в странах третьего мира. Эта структура тихо и незаметно исчезла с развалом союзной державы и так же тихо возродилась после самоотставки первого российского президента. Уровень возрождения был, конечно, не тот, что прежде. Но секретность была соблюдена по всем параметрам.

Белая дача была обнесена непроницаемым забором с электронной начинкой. За ним скрывался учебный центр с навороченным полигоном, спецбурсой, тирами и бункерами, напичканными техническими новинками для обучения и тренировок топтунов, телохранителей, следаков, адских водителей и прочих профессионалов невидимого фронта. Элитой среди них были Исполнители, владеющие навыками и тех, и других, и третьих. Однако главным их предназначением была зачистка оперативных следов и ликвидация тех, кто безнаказанно предавал интересы государства. А оно, государство оказывалось бессильным, чтобы наказать их на законном основании.

Обстоятельства сложились так, что БД-7 проводила в это время операцию в Москве и в Алма-Ате. И Алексею, помимо его воли, предстояло стать ее участником. На первых порах – пассивным, а позже... Впрочем, до «позже» было еще далеко.

2

Три месяца назад Георгия и Юлию вызвал Пилот, бессменный командир БД-7. В тот раз в кабинет шефа их провожал его зам, он же инспектор спецбурсы и куратор Исполнителей. У него было примечательное лицо, напоминающее печеный блин – настолько густо оно было изрезано морщинами. Никто не знал его имени-отчества, только псевдоним – Белый. Ему же было известно всё. Он один знал, почему командира называют Пилотом. Это было тоже псевдо – из прошлого, из государственной службы. Командир заимел его не по собственной фантазии. А после того, как его группа неожиданно вляпалась в крутую заварушку на колумбийской границе. Тогда они сумели захватить у наркодельцов частный самолет. Машина была незнакомой. Командир с трудом поднял ее в воздух, ушел от «стингеров» на бреющем и приземлился на военном аэродроме близ Гаваны, где базировалась советская эскадрилья... С тех пор и стал Пилотом.

Георгий с Юлией тоже имели псевдонимы: Ромео и Джульетта. Не они их придумали, это произошло как-то само собой после того, как Гера-Георгий умыкнул ее из теткиной деревни, чтобы она не попала в руки милицейских оборотней. Он же рекомендовал ее в спецбурсу, которую она, к его удивлению, закончила весьма успешно, и стала штатным сотрудником БД-7.

С той поры минуло три с лишним года. Срок немалый, и все равно Юлия никак не могла привыкнуть, что у ее Геры была какая-то иная жизнь, в которую ей не было хода. Понятно было, пока ее натаскивали в бурсе. Но ведь и позже она почти ничего не знала о том, чем он занимался и куда временами исчезал. В общей операции они были задействованы только раз – при разработке шахидок-смертниц. И вот теперь снова.

– Что, Джульетта, застоялась, как лошадь в стойле? – спросил Белый.

– Застоялась, – не обидевшись, ответила Юлия.

– Считай, что ты уже на беговой дорожке.

Беговая дорожка оказалась не такой, на которую натаскивали Исполнителей. Пилот сразу взял быка за рога.

– Наркотики – угроза нации. Наркобизнес угрожает государственной безопасности.

На поле с наркотическими рогами пахало совсем другое ведомство. Было непонятно, что на нем делать Исполнителям, и зачем нужна информация, которую маэстро Толик вытащил с закрытых сайтов официальных правоохранительных структур и которую обрушил на них Пилот.

В последние полгода на подпольном рынке появился наркотик искусственного происхождения с названием «дуст», превосходящий по своему воздействию на человеческий организм общеизвестный героин. В его распространении наиболее преуспела центральная ОПГ столицы. Группировка состояла из звеньев, скомплектованных по национальному признаку: славяне, казахи, киргизы, ингуши с чеченцами. Главарь ОПГ – выходец из Средней Азии, криминальный авторитет с погонялом Юсуп.

Выложив все это, Пилот сделал паузу, оглядел сидевших рядышком Юлию с Георгием и произнес:

– Юсуп – не главный паук в сети и не наш клиент. Над ним стоит забытый уголовной публикой Ильхам Зураб. Теперь он президент одного из правительственных фондов. Имя переименовал на русский лад: Илья Максимович. Это – к сведению. Нас он интересует лишь, как промежуточное звено. Главный клиент – вице-премьер, – Пилот сделал паузу и оглядел подчиненных.

Юлия не выдержала, проговорила:

– В правительстве три «вице».

– Наш – самый популярный на западе политик. Давосский переговорщик. Полиглот. На первые роли вышел на заре перестройки. С Заурбековым они одноклассники, учились на экономическом факультете университета. Приятельствуют семьями. Загородные коттеджи рядом. Кстати, коттедж вице-премьеру подарил Заурбеков.

Пилот нажал под столешницей невидимую кнопку. На мониторе, встроенном в стену за его спиной, появились снимки.

Юлия не раз видела обоих по телевизору. Вице-премьер – вальяжный, холерный и довольно приятный на вид мужчина. Говорит всегда доходчиво и без шпаргалки... Президент социального фонда господин Заурбеков больше похож на европейца, чем на азиата. Одет всегда с иголочки в строгие костюмы, говорит мало, но веско.

– О Заурбекове, – продолжил шеф. – Перед законом чист, под арестом не был. Окончил в Москве два вуза. Владеет тремя фармацевтическими фирмами на подставных лиц, укомплектованными классными специалистами. Он – трудоголик. Стиль руководства – авторитарный. Недоверчив до крайности, в любые мелочи старается вникнуть сам. Вот, пожалуй, и все. Не густо, но это то, чем мы на сегодня располагаем. Есть вопросы?

– Всё ясно, – ответил Белый. – Выход на вице-премьера.

– По всем прикидкам, лаборатория по изготовлению «дуста» находится в ближайшем Подмоскovie. Не думаю, что она разместилась под крышей какой-либо из фармацевтических фирм Заурбекова. Умный хозяин не рискует законным бизнесом. Юсуп – мосток к безгубому Зурабу, а тот – мосток к вице-премьеру.

– Больно сложно, Пилот, – отозвался Белый. – Если вице-премьер такая сволочь, обнулить его – и делу конец!

– Нулевой вариант исключается. Политика – не наше дело. Выходим на лабораторию, потрошим правительственного чиновника Заурбекова и отдаем его наркоборцам. А компромат на вице-премьера – на самый верх. Работаем автономно.

- А сами наркоборцы? – не успокаивался Белый. – У них контора побольше нашей.
– Доверия им нет. Там тоже окопались оборотни...

Понадобилось не так уж много времени, чтобы выйти на лабораторию, упрятанную на территории бывшего дома отдыха работников искусств. Удалось установить и ее фактического руководителя, получившего в разработке псевдоним Ботаник. Однако пути сбыта, а главное – выход на Зураба оставались не выявленными.

До завершения операции было не так уж далеко, когда вмешались областные наркополицейские. Совершили налет на лабораторию, разгромили ее, похватали использовавшихся вслепую лаборантов. Ботаник же пошел по делу, как непричастный к конечному продукту консультант-травник. Против него не нашлось ни одной улики.

Пришлось пасти Ботаника по второму кругу. Но зацепиться было не за что, пока не появилась на горизонте новая фигура – алма-атинский бизнесмен по прозвищу Доктор. Топтуны, пасшие Ботаника, дважды засекли их встречу. Прибывший вместе с Доктором женоподобный юноша двое суток провел в квартире Ботаника. А когда свой человек в аэропорту «Домодедово» сообщил, что по паспортам этих троих приобретены билеты на алма-атинский рейс, стало ясно, что обозначившийся след требует тщательной отработки...

Лететь в бывшую столицу Казахстана предстояло Юлии и Георгию. Но не вместе, а порознь. Георгий вылетел два дня назад, и она должна увидеть его через четыре часа в аэропорту бывшей столицы Казахстана. Теперь он по паспорту Кауфман, бизнесмен из Германии. Слава Богу, хоть имя прежнее – Георгий.

В салоне Боинга Юлия сняла приталенный утепленный жакет-перевертыш светло-серого цвета, аккуратно свернула его и уложила на верхнюю полку. Если жакет вывернуть, фасон оставался прежним, но цвет становился канареечным. Гера тоже носил куртку-перевертыш. Удобная одежда на случай, если придется уносить ноги. Она заняла свое место у прохода. Среднее, согласно купленному билету, принадлежало ее клиенту – Доктору. Он появился в проходе среди последних пассажиров. В неброской, но явно пошитой у хорошего портного серой тройке, и серо-голубоватой льняной сорочке, он уверенно пробирался между креслами. Легкий темный плащ был наброшен на руку. Правильные черты лица, породистый чуткий нос, плотно сжатые губы. Глаза прикрывали очки-хамелеоны в тонкой золотой оправе. Впечатление портили шишковатая лысина и стрижка-нулевка. Они делали его похожим на вурдалака, принявшего благопристойный облик. Но, возможно, это говорила в Юлии ее предвзятость.

За Доктором пробирался меж кресел Ботаник с элегантным дипломатом, пристегнутым к запястью цепочкой. Спортивной фигурой он напомнил Юлии ее Геру, даже замшевый лапсердак был болотно-зеленоватого цвета, как и Герина куртка. Аккуратная бородачка придавала лицу творческую интеллигентность – ну, прямо подающий надежды учёный, а не барон, повелевающий разветвленной сетью мелких сбытчиков наркоты и скрытых стационарных точек. Позади Ботаника тащился в обнимку с огромным целлофановым пакетом женоподобный, напоминающий пупсика с мыльной этикетки, Голубец. Так окрестила его наружка. Этого представителя доблестных сексуальных меньшинств Доктор привёз из Алма-Аты в Москву с собой. Хотя не похоже было, что сам он из гомиков.

Голубец протиснулся к иллюминатору. Доктор остановился подле Юлии:

– Вы не будете столь любезны пересесть вперед на такое же место? – голос у него был со скрипучей хрипотцой, как у человека с травмированными голосовыми связками.

Она мгновенно вошла в роль. Прищурилась в игривой улыбке:

– Вам не по душе мое соседство?

Тот не счел нужным ответить. Кивнул Ботанику, предлагая занять кресло рядом с Юлией. Сам забросил на багажную полку плащ и уселся впереди, предоставив ей возможность обзоре-

вать в течение четырех часов шишковатую, начавшую лысеть голову. Ботаник ловко проскользнул на оставшееся свободным место. Отщелкнул цепочку дипломата, поставил его в ноги.

– У вас там не бомба? – повернулась к нему Юлия.

– Бомба, – подмигнул он ей.

Юлия хихикнула, давая понять, что оценила шутку попутчика.

Вскоре после взлета прикатила стюардесса то ли с завтраками, то ли с обедами. Ботаник от еды отказался. Дождавшись конца трапезы, он отодвинул до упора спинку кресла, устроился удобнее и засопел. Юлии ничего не оставалось, как последовать его примеру. Она могла заставить себя задремать и даже уснуть, но не хотела этого делать.

Минут час и второй. Дикторша пронзительным голосом объявила, что вошли в воздушное пространство Казахстана. Еще через час: «Внизу озеро Балхаш...» И, наконец: «Пристегнуть ремни...»

Легкое прикосновение заставило ее слегка напрячься.

– Просыпайтесь, – мило улыбался Ботаник. – Взрываю.

– Очень приятно, что предупредили, – проворковала она...

Заполнение таможенной декларации и проверка документов заняли приличное время. Когда Юлия оказалась в зале прилетов, клиентов там уже не было. Она не обеспокоилась, знала, что Георгий их не упустит. Сама поспешила на выход и встала сбоку дверей, позади черноволосой красавицы кореянки, уцепившейся за локоть высокого сутуловатого казаха.

Внизу, у самых ступеней, застыли выглядевшие, как сыновья одной мамы, пятеро высоких мужичков, упакованных в темно-серые брюки и кожаные пиджаки с крохотными погончиками. Эти явно находились «при исполнении». Поблизости от них топтался славянской наружности пассажир с дорожной сумкой через плечо, скучающий и равнодушный. Чем-то он насторожил Юлию, хотя ничего примечательного в его облике не было: лет сорока, роста выше среднего, сероглазый, без седины в волосах. И все же.... Нет, от него не веяло опасностью. За его равнодушным видом скрывалось нечто, вызывающее интуитивное беспокойство.

Спустившись со ступеней, Алексей остановился неподалеку от сутулого казаха и его ухоженной спутницы. Доктор и генерал стояли подле белого шестисотого мерса. Рядом джип с открытыми дверцами. В этот момент Алексей ощутил чей-то заинтересованный, хотя и мимолетный взгляд. Повел глазами. Поблизости от сутулого казаха и его спутницы нарисовалась спортивно скроенная юная дамочка с прической под мальчишку, видимо, пассажирка с московского рейса. Судя по мелькавшим в симпатичной головке мыслям, ее должен был кто-то встретить, но не встретил. Особого беспокойства она по этому поводу не проявила. Похоже, что гораздо больше ее интересовал Доктор, рассеянно слушавший генерала. Тот продолжал что-то доказывать, но Доктор лишь несколько раз отрицательно качнул головой. Затем, чуть приподняв руку, призывно шевельнул пальцами. К нему двинулся типчик с дипломатом. Женоподобный юнец потоптался и тоже затанцевал к лимузину. Но вдруг пакет вывалился из его рук, он покачнулся и стал оседать на асфальт. Картина Алексею была знакома по Афганистану: выстрел снайпера. Только здесь оружие было с глушителем.

– Голубого мочканули, – услышал он спокойный голос Сутулого.

– Лучше бы Доктора шлепнули, – ответила куколка. – Ты охрану вызвал, Искандер?

– Некогда было, сама знаешь. Сейф – не два пальца об асфальт.

– Идем отсюда!

– Нет, Викуня. Надо с Лампасом побазарить.

Трое накачанных ребят, выскочившие из джипа, окружили машину Доктора. Один подтолкнул бородатого типчика с кейсом вслед за шефом на заднее сиденье и захлопнул дверцу. Шестисотый будто скакнул с места, устремившись с площади. Качки, не выпуская оружия,

попятиться к джипу, в мгновение загрузились в салон и укатили за хозяином, даже не поинтересовавшись, что случилось с женоподобным юнцом.

Кинувшаяся с крыльца кожаная генеральская свита взяла начальника в кольцо. Генерал-колобок сохранял завидное спокойствие. Остановил взгляд на жертве киллера, которую уже окружили зеваки. И покатился в аэровокзал. Сутулый по имени Искандер попытался его остановить, но тот скрылся за высокими дверями. Куколка Викуня потянула его за руку. Однако Искандер решительно шагнул к толпе зевак. За ними тронулась спортивная пассажирка с московского рейса. Алексей заметил, как она коснулась днища дамской сумочки узкоглазой красавицы. Очень похоже, что засадила клопика. Ловкая деваха, ничего не скажешь. Что-то подсказывало Алексею, что она прилетела в Алма-Ату не для гулянок. Однако и предположить не мог, что через какое-то время встретит ее вновь. И произойдет это в обстоятельствах, где жизнь и смерть, словно любящие сестры, ходят в обнимку.

Юлию не беспокоило то, что она не обнаружила в аэропорту Георгия. Оставался вариант встречи в гостинице «Россия», и на крайний случай – связь по миниатюрной рации, называемой в обиходе флешкой. Зато Доктор прекрасно вписался в объектив миниатюрной фотокамеры вместе с генералом-колобком. Звук выстрела Юлия не услышала, но мгновенно поняла, что произошло. Она не то чтобы удивилась, но подсознательно отметила несуразность случившегося. Подстрелили настолько незначительного типа, что над этим стоило задуматься. Открыв рот, дурочкой таранилась на быстро скапливающуюся толпу. Ее бесцеремонно оттолкнули генераловы мужички-близнецы, так что она оказалась сдвинутой чуть ли не вплотную к сутулому казаху и его ухоженной даме. Услышала про Доктора, и это насторожило Юлию. Она двинулась за парочкой к толпе, сгрудившейся вокруг Голубца. Когда те направились к припаркованной на стоянке «Тойоте», Юлия рванула за ними. Обратилась к казаху с именем Искандер:

– До города не подбросите?

Тот возражающе качнул головой, но вмешалась его спутница:

– Садитесь рядом с шофером.

Искандеру ничего не осталось, как согласиться. Усаживаясь на переднее сиденье,

Юлия рыснула глазами по толпе, но пассажира с дорожной сумкой не обнаружила.

«Тойота» неспешно выехала на шоссе. Видно хозяин не любил быстрой езды или берёг от случайной аварии свою драгоценную жизнь – водитель держал скорость не больше шестидесяти, даже не делая попыток пойти на обгон.

– Вы приезжая? – обратилась к Юлии кореянка.

– Заметно? – обернулась она к ним.

– Заметно. Из Белокаменной?

– Да, из Москвы.

– По делам или развеяться?

– Познакомиться с особенностями вашего рынка.

Хозяин машины хмыкнул и вмешался:

– Какой рынок нужен красавице? Бордельный?

– Искандер! – остановила его кореянка.

Юлия пропустила шпильку мимо ушей.

– Я по заданию серьезных людей.

– С какой стороны серьезных?

– С денежной.

– Рынок большой, и дырку в нем в одиночку не найдешь.

– Помогут. От выгодного предложения умные люди не откажутся.

Искандер опять хмыкнул:

– Что тебя интересует? Китайский ширпотреб?

– Фи! – брезгливо скривилась Юлия.

– Наркота?

Юлия помедлила с ответом и с акцентированной решительностью произнесла:

– В опасные игры не играем!

– Правильно делаете, – и через паузу: – Что могут предложить денежные люди?

– Базар не к месту, – ответила она.

Хозяин машины удивленно крикнул и смолк. Корейнка произнесла:

– Однако!

«Тойота» уже миновала алма-атинский автовокзал и влилась в поток машин на магистральной улице Ташкентской. Юлия никогда не бывала в этом городе, но план его изучила добросовестно. Потому без труда сориентировалась в хитросплетении улиц.

– Бабки большие? – прервал молчание Искандер.

– Бюджетные, – ответила Юлия.

– Российские бюджетные?

– Нет. Вашего министерства обороны.

Искандер какое-то время переваривал услышанное. Корейнка тоже молчала. Затем подала голос:

– Подробнее можно?

Юлия обернулась, оглядела обоих. Мило улыбнулась и с улыбкой же ответила:

– Подробности не здесь.

– Где ты остановилась, красавица? – спросил Искандер.

– Мне рекомендовали отель «Россия». Можете меня высадить в любом месте. Доберусь на такси.

– Подбросим! Как тебя зовут?

Юлия назвалась.

– Запомню, – сказал он и протянул ей визитку, – Звони завтра.

Юлия глянула на золотистый кусочек картона: Исмагилов Искандер, три телефонных номера, включая сотовый. Отчества и адреса на визитке не значилось. Однако фамилия ей была знакома. Она слышала ее от Геры.

3.

Сначала, встречая Юлию, Георгий сидел в зале ожидания и со скучающим видом потягивал баварское пиво, хотя терпеть его не мог. Но бизнесмену из Германии, хоть и русскому по рождению, положено любить пиво. И господин Кауфман с видимым наслаждением отхлебывал из высокого бокала пенистую горьковатую жидкость. Профессионально засек топтунов, их красногубого начальника с подушечным лицом. «Не Доктора ли прикрывают? – подумал. – Хотя вряд ли. Ошиваются среди улетающих и провожающих. Явно кого-то пасут. Причем втёмную».

Пасли, оказывается, курного парня, устремившегося к стойке после объявления об окончании регистрации пассажиров. Георгий не сдвинулся с места, когда топтуны стали месить его. У них с Юлькой было свое дело, отвлекаться от которого они не имели права. Парень между тем оказался не промах. Прежде, чем его скрутили, успел наподдать топтунам и свалить ударом кулака Красногубого. «С каратэ знаком», – отвлеченно подумал Георгий.

Однако разборка на этом не закончилась. В нее оказались втянуты кругленький генерал аэропортовой полиции и высокий сутулый казах с похожей на статуэтку подружкой – ни дать, ни взять «сладкая парочка».

Парня увели. Генерал о чем-то переговаривался с казахом. Георгий не собирался прислушиваться, но вдруг казах довольно громко произнес слово «доктор». Это уже было интересно. «Доктор» – по его линии. Но какое отношение тот мог иметь к сутулому казаху, к курносому парню и, наконец, к полицейскому генералу?.. Стоило поразмыслить.

Доктора встречали сладкая парочка и кругленький генерал – колобок. Перекинулись приветствиями и двинулись на выход. За ними на почтительном удалении последовала генеральская свита в одинаковых кожаных пиджаках. Георгий тоже покинул зал ожидания. Неторопливо прошел мимо сутулого казаха с круглопопой живой статуэткой и направился к стоянке, где оставил арендованную накануне «Ауди» с тонированными стеклами. Адрес центрального офиса Доктора и номер его мерса Георгий узнал еще вчера. Номер джипа тоже мог пригодиться. Он нацарапал его на сигаретной пачке, прибавив к предпоследней цифре тройку. И стал наблюдать.

Из дверей аэровокзала показалась Юлька. То, что произошло дальше, не вписывалось ни в какой возможный расклад. Увидев, как завалился Голубец, и, заметив суету у докторского мерса, Георгий решил не дожидаться окончания акта. Включил зажигание и вырулил с при вокзальной площади.

Втесавшись в сплошную вереницу машин, пристроился за маршрутным такси. Выезд из аэропорта был один. Доктора можно укараулить на перекрестке. Там же Георгия подстрочивывал старый товарищ по службе в морской пехоте Талгат Каирбаев. После службы они виделись только раз, когда Талгата каким-то ветром занесло в Москву. В то время Георгий еще был Каретниковым и жил в Балашихе у школьной учительницы, торговавшей на рынке рыбой. Почти всю ночь они просидели тогда на маленькой кухоньке. Выпили не меньше, чем по бутылке на брата. Георгий костерил демократию и политиков, разорвавших на куски державу и обгадивших армию. Талгат согласно кивал головой, однако его скуластое лицо не выражало никаких эмоций. Сколько помнил Георгий, оно всегда было: невозмутимым, как у каменного сфинкса. Они вспоминали дни службы, особенно своего взводного – каратиста, которого солдаты называли между собой только по имени – Рома. Лейтенант Рома заразил любовью к восточным единоборствам чуть ли не полвзвода, но сильнее всех – их с Каирбаевым. Лейтенант распрощался с армией сразу после развала Союза. Он был земляком Талгата, и убыл в любимый город Алма-Ату вслед за подчиненным, отслужившим срочную. В тот вечер Талгат скупко поведал, что влез бывший взводный в какую-то крутую разборку и был расстрелян из встречной машины по пути на стрелку. Что карате против автомата? Ничто! Сам Талгат устроился на службу в милицию, которую переименовали в полицию, как будто бардака от этого стало меньше.

С тех пор они не виделись, только изредка перезванивались. Георгий знал, что Талгат женился на докторице по имени Гульжамал и перебрался к ней жить в шестой микрорайон. Там он и разыскал своего сослуживца. И, наверное, впервые увидел на лице друга мимолетную тень удивления. Мелькнуло удивление и исчезло.

– Проходи, Каретников, – будничным тоном пригласил его Талгат.

Георгий уже отвык от родной фамилии. Услышав ее, грустно улыбнулся, приложил палец к губам и заговорщицки произнес:

– В Алма-Ате я не Каретников, а бизнесмен Кауфман. Подданный Германии. А в России я Кацерик.

Талгат не выказал ни удивления, ни любопытства. Словно ничего другого и не ожидал услышать. В их отношениях ничего не изменилось. Это политики меняют друзей и убеждения. А они были солдатами. Оба переживали развал Союза, осуждали строй, допустивший казнокрадство, проституцию и распространение наркотиков. Оказалось, что Талгата два года назад выбросили из полиции «за превышение». Теперь он занимался безлицензионным изво-

зом, несмотря на классную спецподготовку. Услышав про «дуст», друг без колебаний согласился подстраховать Георгия. Подстраховка – тот же извоз, только гонорар выше...

Пирамидальные тополя по обеим сторонам четырехрядного шоссе гляделись сплошной зеленой стеной. Осень в Алма-Ате едва ощущалась, октябрьская погода напоминала московский август. Георгий обратил внимание, что некоторые из водителей встречных авто начали помаргивать фарами. Сигнал, знакомый каждому шоферу: впереди притаились мастера машинного доения. Талгат просветил его насчет местной таксы: если виноват по-чёрному – стольник зеленою либо два в зависимости от провинности. Не виноват – двадцатник, если не хочешь, чтобы тебя мурыжили. Две десятки американских десятки Алексей держал в правах. Иначе задержка с резиновой проверкой документов неизбежна.

Так и произошло. Плюгавый гаишник с жезлом выскользнул, словно змей, из-за дерева. Георгий открыл дверцу, радушно махнул ему. Тот приблизился, взял права, жестом фокусника изъясил обе купюры. Козырнул и пожелал «счастливый путь». «Москвич» Талгата стоял с открытым капотом в сотне метров от светофора, регулирующего т-образный перекресток. Сам хозяин, подсвечивая фонариком, ковырялся в моторе. Георгий тормознул, крикнул:

– Эй, приятель! Помочь?

– Помоги – дай пару сигарет.

Георгий протянул ему сигаретную пачку, на которой был накарябан зашифрованный номер джипа. Талгат возвратился к своему «Москвичу». Георгий свернул на городскую трассу, освещенную фонарями. Съехал на обочину, подогнал «Ауди» впритык к разлапистому карагачу и заглушил мотор. С дороги его машина вряд ли просматривалась, зато проходившие мимо авто были как на ладони. Было воскресенье, и народ возвращался со своих дач в городские квартиры. Еще час – полтора, и дорожный поток рассосется, оставив без дела мастеров машинного доения.

Доктор между тем не появлялся, хотя по всем расчетам уже должен был проследовать мимо. Даже если б поехал по гравийке, Талгат дал бы знать. Значит, произошел непредвиденный сбой, и придется вносить коррективы. Георгий достал купленный накануне мобильник, зарегистрированный на местную сотовую связь, и набрал номер Талгата. Тот откликнулся сразу: – Пусто, – и отключился...

Еще полчаса назад в огромные окна аэровокзала заглядывало солнце, а уже начало темнеть. В горах темнота сваливается быстро, а бывшая столица Казахстана с трех сторон окружена отрогами Заилийского Алатау. Только с севера полупустыня, но там, прямо над Капчагайским водохранилищем, шевелилась, словно отара черных баранов, туча.

Алексей продолжал стоять у входа в аэровокзал. По радио невразумительно прозвучало объявление, в котором он разобрал лишь слово «Москва». Видимо, началась регистрация на московский рейс. Но его ожидало разочарование. Рейс отложили до завтрашних одиннадцати часов в связи с приближающимся грозовым фронтом. Вот тебе и «экономьте время, летайте самолетами!». Можно было, конечно, вернуться к Аленке. Но Алексею не хотелось еще раз переживать встречу и прощание с дочкой и Анютой. Не раздумывая, он сдал билет и отправился на такси на железнодорожный вокзал. Прямой поезд на Москву ушел утром, но ближе к ночи отправлялся скорый на Челябинск. Можно ехать на нем до конца или сойти в Кургане. До Москвы останется всего ничего. А время до поезда приятнее скоротать в ресторане.

Алексей опасался, что вновь окажется в купе с глазу на глаз с какой-нибудь Майсей Эдуардовной, как это произошло на пути из Москвы. Тем более что в поезде оказался только один спальный вагон. Но две российских тысячерублевых ассигнации решили проблему. Кассирша любезно пообещала, что в его купе билет продан не будет...

Едва авто Искандера, высадив Юлию, отъехало от «России», как подле нее притормозила «Ауди» с тонированными стеклами. Дверца распахнулась, и она услышала знакомый голос:

– Садись, Юлия!

Она нырнула в салон, радостно повернулась к Георгию. Он был в своей любимой болотной куртке модного покроя и с множеством карманов, в которых мог поместиться весь арсенал из подручных средств, столь необходимых в их профессии. Юлия погладила его по гладко выбритой щеке. В ответ он пожал ее локоть. Вырулил со стоянки и устремился за «Тойотой».

– Как ты вышла на эту парочку? – спросил.

Юлия прижала палец к губам, но Георгий ее успокоил:

– Жучков нет – проверил.

– Зато есть в их машине. На сумочке корейнки. Так что не гони, никуда не денутся.

– С чего ты решила, что она корейнка, а не казашка или уйгурка?

– Ой, Гера, женскому глазу это же сразу видно!

Достала пудреницу, освободила ее от бархатной подложки. На донышке замаячил светлячок.

– Прямо по курсу. Метрах в четырехстах. А в машину к ним я напросилась. Они связаны с Доктором. Сутулый казах – Исмагилов Искандер. Ты как-то упоминал его.

– Он проходил в России по милицейской базе данных. Первый срок – по малолетке в Алма-Ате. Потом еще раз в Саранске. Короновался в законники в Потье при участии Юсупа. Вышел по амнистии. Рулил в Подмосковье рэкетом кооператоров. Во время сдёрнул в Алма-Ату. Здесь строил пирамиды по типу «Властилины». Сумел не засветиться. Умён, хотя образованьишко – семь классов. В связях с наркотой до сих пор замечен не был.

– Кстати, Гера, вероятно, я встречу с Исмагиловым. Он вручил мне визитку и попросил позвонить. Запущу ему заготовку насчет флота на Каспии.

– Встреча, конечно, не помешает, Юлия. Только смотри, не проколись.

– Да уж постараюсь. И еще, Гера. Час назад у входа в аэровокзал снайпер завалил Голубца.

– Видел этот спектакль...

Автомобиль Исмагилова по-прежнему шел, не превышая скорости. Освещенное фонарями шоссе, поднимавшееся в гору, напоминало по обихоженности московское Рублевское. Слева, за высокими изгородями, мелькали, сверкая огнями, особняки с колоннами.

Маячок на пудренице засветился ярче. Георгий покосил глазом и прибавил хода. Через минуту они увидели свернувшую влево «Тойоту», перед которой распахивались могучие кованые ворота. Проскочили мимо и почти сразу же обнаружили с правой стороны дорожный карман со стоянкой, на которой темнели два далеко не шикарных автомобиля. Стоянка предназначалась клиентам ашханы с нарисованным над входом чебуреком. Георгий крутанул руль и припарковался. Сунул в руку Юлии пачку разнокалиберных тенге.

– Местная валюта. Заплати вон тому парнишке в шароварах с желтыми лампасами сотню за стоянку, пока он сам не подошел. И поболтай с ним.

Парнишка уже направлялся к машине. Юлия перехватила его на полпути. Сунула ему двухсотенную ассигнацию. Он полез в шароварный карман за сдачей, но она остановила его:

– Оставь себе.

Тот заученно сказал: «Спасибо». Юлия спросила:

– На хозяина работаешь?

– Нет. Ашхану отец держит.

– Маловато клиентов?

– Кончился сезон. Летом много. Сейчас только днем заезжают.

– Чебуреки у вас вкусные?

– Вкусные. Из баранины.

- Можешь принести мне в машину парочку?
- Ждать надо десять минут.
- Подожду. Сколько с меня?
- Пятьсот. Вам с каким соусом? Сладким, горьким?

Юлия понятия не имела, какой соус ей нравится. Однако уверенно ответила:

- С горьким.

Парнишка вприпрыжку кинулся в помещение. Юлия вернулась в машину. Глянула на Георгия и произнесла с чувством:

- Хорош! Прямо, как Ботаник!

Георгий успел приклеить аккуратную бородку и упрятать русые волосы под берет.

- Жди меня здесь, – распорядился. – И не вздумай самовольничать...

Коттедж Исмаилова был окружен высокой бетонной стеной. Тем не менее, особых трудностей для тренированного человека ограда не представляла. Проводки под током наверху не было. Камеры слежения, как удостоверился Георгий, стояли лишь у ворот. Вполне возможно, что по внутреннему периметру бегают собаки.

Он решил форсировать стену со стороны горного ручья, в бурлении которого гасли все другие звуки. Подпрыгнул, уцепился за шероховатый край, подтянулся. Какое-то время вглядывался в темные деревья, сквозь листву которых просвечивали фонарные огни подъездной аллеи. Окна коттеджа не светились, видимо, были задернуты тяжелыми портьерами. И посторонних звуков не было слышно, их поглощал ручей.

Георгий по-кошачьи спрыгнул вовнутрь. Присел на корточки. Собак не было. Дозорных – тоже. В одном из окон второго этажа вспыхнул свет и погас. Держась кустарниковых зарослей, Георгий стал пробираться к дому. К его удивлению и не в пример новым русским, особняк почти не охранялся. Только на освещенном пятачке у парадного входа маячила фигура с перекинутым через плечо автоматом «Узи». Ее он заметил, выглянув из-за угла. Исмаилов явно чувствовал себя в своей крепости в полной безопасности. Георгий направил луч миниатюрного слухача на стекло блеснувшего пару минут назад окна. Ответом ему была тишина. Молчаливыми оказались и все другие окна. Он перешел на тыльную сторону здания. Повёл слухачом по диагонали, и в наушник проник слабый шорох отодвигаемого кресла и затем приглушенный голос корейки:

- Искандер, ты москвичке поверил?
- Хрен ее знает, – ответил Исмаилов. – А ты?
- Не нравится она мне.
- Ха! Она тебе не соперница!
- Я не об этом.

– Но риска-то никакого, Вика! Выведет на шефа – и поглядим, что за тема. Может, и бабки засветятся.

- А Доктора пора отшить. Дурь ему все мозги замылила. Уходи от него, Искандер!

– Рано. Могли запросто замочить его, а не голубого. Выходит, предупредили, чтобы не лез в чужой огород.

- Как ты, Искандер, думаешь, Рысев признался, где деньги?
- У Лампаса признается. Рысь – говно! Собаку, которая кусает хозяина, надо убивать.
- А мне его жалко.
- Вот привезут в подвал, можешь там и пожалеть.
- Искандер! – укоризненно воскликнула она.

Тот не отреагировал.

- Зачем он тебе?

- Понять хочу.

Некоторое время в наушнике слышались лишь смутные шорохи, пока в них не вклинилась еле слышная трель телефонного звонка.

– Да, – откликнулся хозяин особняка. Через паузу: – В камере хранения?.. Почему только твоя доля? Мы так не договаривались. А где остальные?.. У Рыси нет никого в Москве!.. Почему я знаю, где?.. Что, уже выехали?.. Ладно, побазарю, и забирай, может, и расколешь. А не расколешь, закопай... – Опять возникла пауза, закончившаяся словами: – Голубой мне до фени, а с Доктором – твоя забота. Дожуём до понедельника, хоп!

Георгий понял, что звонил безшей генерал, и речь шла о курносом парне по фамилии Рысев, которого вот-вот должны были привезти генеральские шестерки.

– Что там? – спросила корейка.

– Сука – этот Лампас. Часть баксов Рысь сдал. Лампас говорит, что это его доля. Остальные вроде бы тот отправил в Москву. Врет, сволочь!

Пробраться в особняк у Георгия не было никакой возможности, хотя и не помешало бы. Не лишним было бы и разобраться, что натворил курносый Рысев. Но все это лежало на обочине, как и сам Исмагилов со своей Викой. Главная фигура – Доктор, которому «дурь мозги замылила». Из-за дури он и умыкнул из Москвы Ботаника. Впрочем, нельзя было исключить, что Курносый владеет какой-то информацией и, возможно, очень бесполезной.

К бетонному забору он вернулся тем же путем. Не особо скрываясь, перемахнул через него. Выбрался на шоссе и с беспечным видом двинулся в сторону кованых ворот. Подъездной путь к воротам занимал примерно сотню метров. Георгий нашарил в одном из карманов разлетаки выкидную ленту с шипами. Взял чуть правее тротуара и, не останавливаясь, выстрелил лентой поперек дороги в том месте, где на нее падала тень от лапчатой ели. Прошел чуть вперед и затаился за елью. Достал флешку, нажал на кнопку вызова Юлии. Ответом ему были лишь длинные гудки. «Неужели опять что-то отчебучила?» Но через минуту флешка завибрировала, и он услышал ее голос:

– На связи.

– Жди меня в готовности в машине!

Юлия находилась через дорогу от Георгия. Она засекла его вызов, но ответить поопасалась: освещенное шоссе в тот момент оказалось пустым, а слух у Геры был отменный, и он мог услышать ее голос вживую. Лишь когда мимо один за другим пошли автомобили, она откликнулась.

Хоть он и велел ей ждать на стоянке и не самовольничать, все равно ослушалась. Дождавшись парнишку с чебуреками и расплатившись, она оставила аппетитную стряпню на сидении и поспешила за Георгием. Конечно, это было грубым нарушением не только дисциплины, но и их неписаного кодекса. Он в группе старший, и она обязана безоговорочно исполнять все его указания. Но он еще и возлюбленный, даже муж, хотя и без штампа в паспорте. Потому она плюнула на запрет и решила на всякий случай подстраховать его. Видела, как ее Гера покошачьи перемахнул через ограду. Она не последовала за ним к особняку. Замерла на заборе и впялилась в компакт-прибор ночного видения. Не на шутку обеспокоилась, когда он исчез из поля зрения, скрывшись за углом. Слава Богу, вскорости объявился. Через дорогу Георгий не просматривался, но Юлия была уверена, что он неподалеку от пушистой ели. Что ему там понадобилось – ей было непонятно.

Огнестрельного оружия у Юлии не было, хотя она научилась легко управляться с любым стволом. В забулборной операции оно не полагалось. В ее распоряжении были лишь спецсредства, выглядевшие как предметы первой необходимости. И то в ограниченном количестве. Пистолет заменяла «плевалка», так в бурсе инструктор по стрельбе именовал миниатюрное устройство в виде авторучки либо зажигалки. Иголкой, вылетевшей из «плевалки», можно вывести из строя любого, но при условии, что объект будет находиться не дальше двадцати метров. Расстояние, разделявшее их с Георгием, было заметно больше. Если ему понадобится

помощь, уйдет несколько секунд, пока она переметнется на ту сторону дороги. Оставалось только ждать развития событий.

Шоссе то пустело, то заполнялось кавалькадой иномарок. Изредка среди них мелькали жигули. Для Казахстана они – тоже иномарка. Но владельцы особняков эту марку не жаловали. Одна из машин оказалась черной «Волгой». Не сбавляя скорости, она свернула к кованым воротам. Метров через десять-пятнадцать её закрутило, развернуло, и она встала поперек дороги. Из водительской дверцы вылез тучный мужик в футболке и шароварах. Обошел машину вокруг, попинал колеса и сплюнул в сердцах. Юлия догадалась, что левую сторону обезножили проколы. Значит, Гера перегородил дорогу лентой с шипами. Шофер тоже обнаружил причину проколов. Нагнулся, ощупал, торопливо открыл заднюю дверцу, что-то кому-то сказал. Рысцой двинулся к воротам и скрылся в помещении охраны. Почти тотчас же оттуда появился камуфляжник с короткоствольным автоматом и потопал к «Волге». Из нее вылез полицейский с сержантскими лычками, протянул камуфляжнику руку. Видно, знали друг друга, потому что перебросились парой слов и закурили.

Юлия не заметила, когда и как успел Гера подобраться к машине. Засекла только, как он в прыжке вырубил того, что был с автоматом. «Узи» оказался в Гериных руках. Сержант сопротивляться не собирался. Вздернул вверх руки и застыл с открытым ртом. Не раздумывая, Юлия метнулась через дорогу, увернулась от мчавшегося джипа и нырнула в тень деревьев. Напротив «Волги» оказалась, когда Георгий затолкнул полицейского на место водителя и зашебуршился у задней дверцы.

Она выхватила из сумки «плевалку» и изготовилась. Георгий вытащил из салона парня, едва державшегося на ногах. Подхватил его за плечи и потащил к ближайшим посадкам. Но дотянуть не успел. Из караулки показались тучный водила в футболке и еще один, кривоногий и низенький, – с автоматом. Обогнав водилу, автоматчик устремился к машине, поливая на ходу очередями. Юлия нажала кнопку «плевалки». Кривоногий будто налетел на преграду: грохнулся с разгона и выронил оружие. Она знала, что примерно через полчаса он очухается с покарябанной об асфальт физиономией и тяжелым гудом в голове. Полчаса – это немало... Краем глаза Юлия заметила, что Гера с парнем делают последние шаги к деревьям. Причем парень почти повис на Гере, хотя поначалу передвигался хоть и не шустро, но на своих двоих.

Она бесшумно скользнула назад, проворно перебежала шоссе, благо оно опять пустовало. Ускоренным шагом припустила к припаркованной у ашханы «Ауди». Едва успела сесть за руль, как ощутила вибрацию флешки. То был сигнал выезжать. Юлия вырулила со стоянки, лихо пересекла две сплошные линии, развернулась в сторону города и, прижимаясь вправо, медленно покатила вниз. Скорее почувствовала, чем увидела, где притормозить. Распахнула заднюю дверцу. Из тени в обнимку с парнем вынырнул Георгий, втолкнул его между сиденьями, заскочил сам. Она поняла, что парень успел словить пулю.

– Вперед, – проговорил Георгий. – Не гони и улыбайся.

Она вырулила поближе к осевой линии, опустила стекло со своей стороны и врубила на полную мощность музыку. Боковым зрением отметила открытые настежь кованые ворота. Из них вылетел джип. Юлия едва успела затормозить, чтобы избежать столкновения. Джип повернул в сторону Медео и скрылся. С десятков охранников, не обращая внимания на валявшегося у скоса дороги коллегу, углублялись в посадки вслед за двумя овчарками. По всему выходило, что облава ведется с размахом, и беглецам, по их расчетам уйти не удастся.

Все это промелькнуло, как кадр немого кино. Юлия вела машину с безмятежным видом. Жевала чебурек и покачивала головой в такт попсовой песенке. Гера уже успел содрать с лица бородку, снять берет и вывернуть наизнанку куртку, ставшую светло-кремового цвета.

– На кольцевой свернешь налево, – услышала она его голос. До трамвайных путей и направо. Нам нужен шестой микрорайон. Подскажу, как подъехать.

Всё понятно: раненого надо было куда-то определять, а в шестом микрорайоне, как ей еще в Москве сообщил Гера, жил его сослуживец. В зеркале заднего вида неожиданный пассажир не просматривался: затаился на полу. Георгий распотрошил аптечку и, наклонившись, обрабатывал ему рану. Сказал парню:

– Повезло тебе. Кость не задета, ранение сквозное.

Затем достал мобильник и набрал номер:

– Жди меня около ракушек, – произнес в трубку.

Когда подъехали к гаражам, из тени на свет вышел коренастый и широкоплечий человек и тут же снова растворился в темноте. Георгий показал Юлии жестом, где припарковаться, вылез из авто и отправился на переговоры. Длились они не больше минуты. Вернувшись, поминал ее наружу. И распорядился:

– Погуляй, Юля. У Талгата жена – врач. Пусть осмотрит нашего пассажира. Стражи порядка его хорошо отпрессовали.

Она безропотно подчинилась. Георгий сел за руль, тронул машину с места, свернул за гаражи и исчез из виду. Прогуливаться Юлии не хотелось. Но приказ есть приказ. Она, не торопясь, фланировала по пешеходной дорожке вдоль стандартной пятиэтажной хрущевки. Прошло около часа, когда услышала звук подъезжавшего автомобиля. Но совсем с другой стороны. Это мог быть кто угодно. Она свернула к ближайшему подъезду и сделала вид, что набирает дверной код. Однако предосторожность оказалась излишней: то была их «Ауди», остановившаяся напротив Юлии. Гера вышел из машины.

– Тебе, Юля, придется добираться до гостиницы на такси. А я вывезу парня.

– Кто он такой, Гера?

– Наш помощник.

– За что его так?

– Пока не знаю. Жди меня в гостинице. При осложнениях – дам знать.

– Слушаюсь и повинуюсь! – ответила бодрым голосом.

Но в душе бодрость и не ночевала. Ей совсем не нравилось ждать любимого. Особенно, когда неизвестно, сколько ждать.

С кольцевой трассы «Ауди» ушла на поворот с указателем «Бишкек». Когда миновали пост автоинспекции, притаившийся сзади Рысев спросил:

– Мы – что, в Киргизию?

– В ту сторону.

– Кто вы?

– Друг.

– Зачем я вам нужен?

– Не торопись. Доберемся до гор, тогда и поговорим. Впереди еще один пост.

Проскочить его сходу не удалось. Подчинившись светящемуся жезлу, Георгий прижал машину к обочине, открыл дверцу и протянул подошедшему дорожному доильщику международные права с валютным вкладышем.

– Куда торопимся? – спросил тот, изъав из кармашка две купюры по таксе.

– В Бишкек, на свадьбу к другу.

– В горах не гони, гололед, – заботливо предупредил доильщик понятливого шофера и вернул документы. – Счастливо гулять!

Вскоре равнинная степь плавно перешла в холмистую. Шоссе заметно поползло на подъем. Георгий остановил машину.

– Пересаживайся вперед, Рысев! Постов больше не будет.

Тот пересел, и «Ауди» снова рванула вперед.

– Значит, интересуешься, зачем ты мне нужен? – спросил Георгий. – Затем, чтобы с твоей помощью наказать преступников.

– Какой из меня помощник! Мне бежать отсюда надо.

– А есть, куда бежать?

– В Россию.

– Вот и побежишь. Тебя как зовут, Рысев?

– Игорь.

– В армии служил, Игорь?

– В десантно-штурмовой бригаде.

– Там с каратэ познакомился?

– Там.

– Можешь ответить на несколько вопросов?

– Спрашивайте.

– Что вас связывает с Исмагиловым?

– Был у него охранником.

– Чем он занимается?

– Официально – китайским ширпотребом. Тряпки проходят по счетам. Оргтехника – контрабанда.

– А неофициально?

– Финансовые пирамиды для лохов. Липовые фирмы. Обирают клиентов и лопаются.

– Как насчет наркоты?

– Вряд ли. Такое не спрячешь.

– А Доктор?

– Не знаю.

– Исмагилов может знать?

– Может. Они с Мотей-Доктором вместе дела крутят.

– Что значит «с Мотей»?

– Его Матвеем Осиповичем зовут. А мы – Мотей. Мотя – умный и скользкий, как угорь, везде пролезет. Где деньги – там и он. У него даже свой отдельный склад есть.

– Где находится склад?

– На семидесятом разъезде, у вояк. Туда даже моему хозяину хода нет.

– А что Исмагилов? Не обижается?

– Нет вроде бы. В друзьях числятся, хотя хозяин терпеть не может Мотю-Доктора.

Какое-то время они ехали молча. За окнами темными силуэтами высились скалы. Асфальтовая дорога крутила петли, иногда вырывалась на крутой берег речушки, бурлившей в ущелье. Серпантинные кольца то круто вздымались, то укладывались по низу. Георгий словно бы не замечал их, гнал машину с витка на виток на предельной скорости.

– Классно водите, – прервал молчание Рысев.

Георгий не ответил. И лишь когда миновали очередной перевал, сказал:

– А теперь, Игорь, давай начистоту. Что за баксы требовал с тебя Исмагилов? Грабнул его?

– Нет. Своё забрал. Вернее, бабкино.

– Рассказывай свою одиссею!

– Подробно?

– Подробно.

Одиссея Игоря Рысева

1

За месяц до дембеля Рысев получил от бабки письмо. «Игорек, – писала она, – когда вернешься, переедем на родину твоих покойных родителей...» Бабка и родители Игоря приехали в Алма-Ату из Самары еще в советское время. Мать с отцом были метеорологами и неделями пропадали в горах. Там и похоронил их сель. С тех пор старушку не покидала мечта вернуться на родину.

Приехал Рысев после службы и не узнал бабку. Она сгорбилась и усохла. И на все вопросы отвечала:

– Казнить меня мало: обездолила тебя, Игорек. Саулешка соблазнила...

Сауле была их соседкой. Заглянула как-то и забалабонила:

– Чудеса, баба Тань! Помнишь, я тыщу в одну фирму сдала? Ровно месяц прошел. Сходила вчера, две тыщи получила.

– Как это? – не поверила бабка.

– А так. Проценты накопились. Очередища там, баба Тань! Полдня простояла. Надо было еще месяц подождать, четыре тыщи бы получила...

Заволновалась бабка. Что за чудеса! Может, грязные деньги очищают? Ей было все равно: грязные или чистые. Лишь бы перебраться в Самару. Потому и решилась тоже поиграть в эту лотерею. Продала старинные серебряные ложки и мопед внука, добавила свою пенсию и с утра пошла. Все ее сомнения рассеяла очередь. Она тянулась вдоль ограды парка, и очередники писали номерки на ладонях. «Столько глупых людей сразу не бывает», – подумала и решительно заняла очередь. К ее удивлению, двигались быстро, и уже к обеду она вошла в дверь с вывеской «Инвестиционный фонд». В той комнате, куда она попала, сидели шесть приемщиц. Вальяжная и очень вежливая казашка забрала деньги и выдала красивую бумагу, похожую на облигацию. Месяц после этого жила, как в лихорадке. Получать поехала уже по другому адресу и в очереди простояла целый день. Ахнула, когда ей выдали четырнадцать тысяч тенге: сто процентов дохода! Что ж это делается на белом свете?! А она, неграмотная, была против демократии!

С этого часа бабка, только и рыскала мыслями: где взять побольше денег. Чтобы сразу – и проезд, и домик на Волге, и хорошо бы на мебель осталось. Выход был, но уж больно опасный. Вконец издержалась, пока решилась.

Квартира была записана на Игоря. Бабка нашла его старый паспорт, вложила в него ордер и пошла. Заложила внуково жилье с обязательством вернуть долг через полтора года. Или отдать квартиру. И отнесла полученные деньги по знакомому адресу. Когда она собралась через месяц за своими шальными капиталами, по телевизору передали, что инвестиционный фонд приказал долго жить, а генеральный директор и его замы скрылись...

– Не убивайся, бабаня, – сказал по приезде внук. – Руки-ноги крепкие – выживем.

Больше месяца мыкался Рысев, пока не наткнулся на объявление: «Работа для крепких мужчин от 20 до 40 лет. Зарплата от 600 \$». Контора по найму не внушала доверия. Надцокольный этаж, обшарпанная дверь, за столом накрашенная мадам в бархатном бордовом платье.

– Я по объявлению, – сказал Рысев.

– Фамилия, имя, отчество! Адрес и телефон! – требовательно произнесла мадам.

Он все ей сообщил, кроме телефона, которого просто не было. Ждал, когда запишет, и не обратил внимания, что открылась боковая дверь. Только почувствовал, как чья-то могучая рука просунулась сзади к горлу и уперлась локтем в подбородок. Сработал навык: каблуком в ножную костяшку, запястье в клещи, спружинился и вывернул до отказа руку напавшего.

Тот охнул, а Рысев уже взлетел на подоконник, вышиб ногой раму и сиганул вниз. Слава Богу, всего полтора этажа. Не оглядываясь, нырнул в какой-то двор, перемахнул через ограду и попал на параллельную улицу.

«Клюнул на голый крючок! – ругал сам себя. – Лохов отлавливают, чтобы в рабство продать. В горах рабов навалом!» Только дома сообразил, что оставил в конторе свой адрес. Спать лег, прислонив к изголовью ломик. Звонок в дверь раздался на другой день в полдень. Он сам глянул в глазок и увидел вчерашнюю мадам. Никого рядом не было. Распахнул дверь и, загородив вход, спросил:

– Ну?

– С завтрашнего дня можете приступать к работе. В девять вас ждет шеф, – протянула ему глянцевою открытку и ушла.

На открытке красивыми буквами было напечатан адрес. Причем совсем не тот, что был у конторы по найму.

– На работу вызов прислали, – сказал он бабке не очень уверенно.

– Где-то я видела эту почтальоншу, – произнесла та...

За железной дверью шикарного офиса Рысева встретил амбал с рыхло – бугристым носом на мясистом лице и с рукой на перевязи.

– У-у, костолом! – сказал тот без злобы. – Топай прямо! Хозяин ждет.

– Это ты Штангиста покалечил? – спросил хозяин, протягивая узкую смуглую ладонь. – Десантник, да? Стволы хорошо знаешь?..

С того дня Рысев стал «конвойщиком». Охранял грузы на пути от китайской границы. После первого рейса ему выдали конверт – недельную зарплату 150 долларов. Конверты выдавал по пятницам сам Исмагилов. К концу месяца набегало еще долларов сто. «Премия за риск», говорил он. А риск был. Один раз сломался ГАЗ-66 со сварной будкой, набитой китайской электроникой с японскими лейблами. Два КамАЗа ушли вперед, а Рысев с шофером застопорились в ночной Джунгарской степи – полетел ремень вентилятора. Они уже заменили его, когда возле их «газона» появились трое на мотоцикле с коляской.

– Ключи от будки! – заорал один, размахивая пистолетом.

– Ключи у хозяина, – проговорил шофер и тут же рухнул на песок: второй налетчик толкнул его чем-то по голове.

Отвлек бедный водила внимание от «конвойщика», а Рысеву того и надо было. Он не напугался и не запаниковал. «Узи» был в кабине под сиденьем, зато «ПМ» в кармане ветровки. Через нее и стрелял. Первым выстрелом выбил из рук главаря пистолет и сразу же всадил обоим по пуле в ягодицы. Третий кинулся бежать. Рысев пальнул по мотоциклетным фарам, отбросил в темноту пистолет налетчика, а заодно пнул под ребра и его самого. Затем запихнул стонавшего шофера на пассажирское сиденье, сам впрыгнул за руль и погнал по безлюдному шоссе. Своих настиг, когда рассвело...

– Хвалю, Рысь! – сказал Исмагилов. – Нам их дырявые курдюки – два пальца об асфальт! Повышаю тебя, Рысь! При мне будешь.

Три четверти «штуки» Игорь стал откладывать, надеясь расплатиться за бабкин кредит и выкупить свою квартиру. Даже собирался поклоняться шефу, чтобы помог деньжатами. Готов был отслужить за то без оглядки и сомнений. А они были, сомнения.

Раз в неделю Игорь ездил с хозяином в пригород. Там располагалась фирма по продаже автомобилей. Президентом ее числился какой-то узбек, а заправляли делами Доктор и Исмагилов. Рысев видел очередь из будущих автовладельцев. Там же, в приемной, обнаружил мадам, которая принимала его в охранники. Она командовала телефонами и явно игнорировала узбека-президента.

Как ни высчитывал Рысев проценты с автовзносов, никак не мог разглядеть выгоды. Покупать оптом и продавать в розницу со стопроцентной прибылью – понятно, как дважды

два. Менять обесценивающиеся тенгушки на доллары – все коммерсанты так делают. А вот торговать машинами себе в убыток – черная пустыня. Приходи любой и плати две трети цены автомобиля, и через какой-то срок получай новенького жигуленка безо всякой доплаты.

– Жулики они, Игорек! – сказала бабка. – Облапошат людей, как меня, и сбегут. Вспомнила я ту почтальоншу. Квартирные деньги я ведь ей отдала.

К худу ли, к добру ли высветлила худая бабкина память «почтальоншу», но внуку она мозги враз прочистила. Словно сами по себе сложились беспорядочные осколки. Кто он, тот узбек-президент? Шестерка! А первые автовезунчики – реклама из уха в ухо, чтобы еще завлечь тысячи. Придет срок платить по векселям – шестерку в сброс! Отправят в какой-нибудь братский кишлак – и ищи его со всеми собаками! А денежки вкладчиков хапнут Мотя-Доктор с Исмагиловым. И все шито-крыто. Они же к автомобилям – ни с правого, ни с левого боку! Телефонная мадам тоже не причем: наемная секретутка на зарплате.

С того дня Рысеева не покидала шальная мысль вернуть квартирные деньги, да еще с обещанными бабке процентами!.. Только не спешить в этом деле, продумать все до мелочей и не подставиться раньше времени. Код сейфа он подсмотрел, когда хозяин клал туда коробку с валютой. Осталось раздобыть хитрый бородавчатый ключ, который Исмагилов всегда держал при себе. И вскоре такая возможность подвернулась.

В тот душный вечер Рысеев сидел с короткоствольным «Узи» в предбаннике. Ему видны были две тени за матовой перегородкой: хозяина и толстого московского гостя азиатской наружности, которого Исмагилов называл Юсупом. Замотавшись в простыни, они поддавали и ждали бабцов, которых должен был прислать Доктор.

Трех «массажниц» привез исмагиловский шофер. Кореянка среди них смотрелась, как дорогая кукла. Она и осталась с Исмагиловым, когда пузатый гость увез двух массажниц в гостиницу. Рысеев подошел вплотную к перегородке, глянул в просвет в стеклянной метелице. Нагрузившийся шеф лежал на диване. Кукла, слегка запахнувшись в простыню, так что видны были груди-мячики, спокойно сидела в кресле и курила. Рысеев приоткрыл дверь.

– Заходи! – приглашающе шевельнула она пальчиками.

Протянула ему ополовиненную бутылку «Абсолюта», бокал и большую пиалу с остывшими мантами.

– Расслабься, детектив. О твоём хозяине я сама позабочусь.

Он выпил не больше пятидесяти граммов, остальное заставил себя вылить в раковину. Блики от люстры испятнали мраморный пол. Тихо жужжал вентилятор.

Рысеев убрал верхний свет. Выждал какое-то время и проскользнул в раздевалку. Исмагиловские ключи нащупал сразу же. Они были охвачены золотой цепочкой с кольцом, вшитым в пояс джинсов. Он вытащил из кармана четыре бруска импортного пластилина и дважды вдавил в них каждую сторону бородавчатого ключа. Затем протер его и вернулся в предбанник.

Домой он попал только поздним утром.

– Сколько у нас долларов, бабана?

– Пять тысяч.

– Начинай собираться в Самару.

– Этих денег на жилье не хватит, Игорек.

– Не беспокойся, бабана. Будут деньги. Все твоё барахлишко должно уместиться в одной сумке.

– А это? – она растерянно развела по комнате руками.

– Багажом потом отправлю, – обманул он. – И сразу прилечу.

– Может, вместе?

– Делай, бабана, как говорю. Отъезд в субботу.

Дружок по дембелю, классный токарь-самоучка, изготовил по слепкам два ключа, и каждый оказался не хуже родного. Осталось дожидаться субботнего дежурства, однако новая

хахальница хозяина чуть не порушила все планы. Исмагилов не хотел расставаться с ней ни ночью, ни днем. В субботу он привез кореянку в офис, сказал Рысеву:

- Вику тоже карауль.
- Презираешь, детектив? – спросила она, когда они остались вдвоем.
- Он промолчал. Она не унималась.
- Ты на самом деле так предан хозяину?
- На самом.
- А убежать со мной в Россию – слабо?..

Исмагилов вышел из кабинета с целлофановым пакетом, плотно набитым тенгушками.

Кинул его на колени кореянке.

- Вот тебе манто, Викуня. Поехали!..

В сейфе оказалось 72 пачки по тысяче долларов в каждой. Бабкиных из них, если считать проценты, примерно сорок пять тысяч. За моральный ущерб тоже полагается. 60 штук будет в самый раз.

Рысев заранее обменял две тысячи баксов на российские пятисотки. Купил суперклея и две грелки, у которых отрезал горловины. Приготовил вместительный кисет из мешковины. И написал письмо генеральному прокурору республику.

Очистив сейф, он отсчитал двенадцать пачек и кинул их в кисет. Остальную валюту располовинил на глазок, разместил в грелках и заклеил резиновые концы.

Бабку он решил отправить поездом, а сам – лететь вкруговую, в Екатеринбург, а не в Самару, чтобы запутать следы.

- Собирайся, бабаня! – сказал он, явившись домой.
- Куда?
- В Самару.
- Да ты что, Игорек, я же ничего в дорогу не купила.
- Потом, бабаня, на станции. Тенге у тебя есть?
- Почти две тыщи осталось.
- Трать их на еду. Вот тебе еще российские десять тысяч.
- А ты?

– Я прилечу. Встретимся у тетки... А вот эти две грелки привяжи к телу. Вскроешь только в Самаре. В них наш дом.

- Игорек, ты что, ограбил кого?
- Это твои деньги. За квартиру. Скорее, бабаня, такси ждет!

Поезд уже стоял на перроне, когда они приехали на вокзал. Рысев подошел к проводнику купейного вагона, протянул ему руку. Тот охотно ответил на рукопожатие.

- Двойная цена, земляк! Найди старушке нижнее место до Самары. Сделаешь?
- Проходи, занимай любую полку во втором купе...

Бабаня заплакала, внук погладил ее по голове и выскочил. Бегом спустился в камеру хранения, отыскал пустую автоматическую ячейку, затолкал в нее кисет с долларами. После этого достал из кармана конверт, вынул из него письмо на имя генерального прокурора республики и вписал в него номер камеры и код. На вокзальной площади опустил конверт в почтовый ящик и, не торгуясь, сел к частнику:

- В аэропорт, папаша!

Выслушав исповедь Рысева, Георгий спросил:

- Как думаешь, давно контактат Исмагилов и Юсуп?
- Сидели в одной зоне. Юсуп вроде бы короновал его.
- А Вика что из себя представляет?

– На Доктора пахала. У него три массажных салона. Вика – девка образованная. По-английски, по-немецки и по-корейски запросто может. Спрос на нее большой был. Исмагилов один раз ее попробовал и при себе оставил. Даже отступного дал Доктору из своей доли. Теперь, наверно, тот жалеет, что уступил ее Исмагилову.

– Почему?

– Считает, что Вика стала мешать их бизнесу.

– А на самом деле?

– Хозяин зациклился на ней. Ну, и дела запустил. Сейчас, наверно, рвет и мечет.

2

Искандер Исмагилов в этот вечер на самом деле рвал и метал. С каждым новым сообщением, что беглец не найден, он все больше свирепел. Даже разлюбезная его телу прелестница Викуня не могла успокоить. И за все расплачивался Штангист, совсем недавно возведенный хозяином в охранные бугры.

– Я – это... послал Саксаула, – оправдывался тот от дверей, не решаясь приблизиться.

– Баклан ты, а не бугор! Забыл, как Рысь тебе руку сломал? Трёх быков надо было послать, а не одного! И чтобы сразу в подвал!

Лицо баклана-бугра выражало полное согласие с хозяином. Он даже чмокнул в знак преданности губами.

– Выяснил, кто помог ему сбежать?

– Не было у него таких корешей.

– Кто же отключил Саксаула?

– Не могу знать. Может, прохожий.

– Сам ты прохожий ишак! Мать потрясли?

– Исчезла мать.

– Куда исчезла?

– Соседи не знают. Позавчера дома была. Видали, как за молоком ходила.

– Ну, суки! Все просрали! Совсем шустрить разучились! Подставили, как фраера!

Провинившийся Штангист больше не раскрывал рта. Продолжал переминаясь с ноги на ногу, выражая всем своим видом раскаяние. А Исмагилов взвинчивал себя все больше:

– Вон, какую афишу нажрал, хряк! В дубаки пойдешь, в конвойщики!.. Отвали!

Разжалованный хряк попятился. Задом отключил дверь и испарился. Исмагилов плюхнулся в кресло и громко позвал:

– Викуня!

Она мгновенно откликнулась на зов, появилась из спальни в белоснежном халате.

– Принеси коньячку, Викуня. И себе тоже.

Исполнив повеление, она уселась в кресло напротив, приоткрыв халат и обнажив точеные ноги. Исмагилов выхлебнул полбокала, пожаловался:

– Куда он мог смыться раненый? Штангист базарит, что зацепили его.

– В горах много укрытий. Залег где-нибудь до утра.

– А что за бородастая торпеда в зеленом прикиде? Откуда этот бык взялся?

– Послушай, Искандер. Вспомни-ка типа с кейсом, которого Доктор привёз.

– Ну?

– Он был в зеленоватом замшевом пиджаке и с бородой. Тебе это ни о чем не говорит?

– Туфта, Вика! Москвич – по наркоте. Доктор звал меня в дело, я отказался. У меня лучший кореш загнулся от дури. Рысь им до фени!

– А если насолить тебе хотели за отказ?

– Нет, рисковать им не по кайфу.

– Давай, как ты говоришь, дождем до понедельника. В понедельник встретишься с москвичкой. Кстати, не мешало бы проверить, поселилась она в гостинице или нет. И узнать, в каком номере остановилась.

– Молоток, Викуня! Вызови, кто там на стрёме.

Викуня, изогнувшись станом, поднялась с кресла, подплыла к столу и нажала кнопку вызова. В дверях тут же нарисовался Штангист.

– Ты еще тут! – рыкнул на него хозяин.

– Дык... это... Вы не сказали, кто вместо меня.

– Потом скажу. Смотайся в «Россию» и узнай, в каком номере остановилась москвичка. Понял?

Штангист кивнул, и все же было заметно, что не все ему понятно. Шевельнув губами, хотел что-то уточнить. Однако не решился. Выручила его Викуня:

– У москвички короткая стрижка, волосы каштановые, сама белокожая. В ушах – бриллиантовые капельки. Одета была в светло-серый приталенный жакет. На ногах серые сапожки «Саламандра», каблук средний, подошва очень плотная. На вид ей года двадцать два – двадцать три. Запомнил?

– Ыгы.

– Дай дежурной регистраторше пятисотку, она живо ее вычислит и выложит тебе всю информацию. Не забудь узнать фамилию москвички, и номер ее гостиничного телефона.

– Понял? – рыкнул Исмагилов.

– Сделаем, – торопливо откликнулся Штангист и испарился.

Хозяин удивленно проговорил:

– Тебе, Вика, только шпионкой вкалывать. Я и не запомнил, какая у москвички прическа, и какой на ней прикид. А ты даже каблук срисовала.

– Женщины такие вещи всегда замечают, – она снова уселась в кресло с бокалом в руке, погладила колено любовника и произнесла успокаивающе: – Глядишь, и вернешь свое, Искандер.

– Дело не в бабках. Вонь пойдет: лох смотрящего кинул. Первый камень Доктор запустит.

– А ты опереди. Сам закидай его камнями.

– Доктор еще понадобится, Викуня. Если эта сикушка из Москвы не лепила горбатого насчет бюджетных бабок, без него не обойдемся. Все завязки у него.

– Он же долю потребует! Процентов сорок. А в союзники Лампаса возьми.

– Он еще хуже, чем Доктор. Мент ссученный! А звонить ему все равно придется, чтобы по-новой перехват объявил. Не только на Рысь, но и на бородатого мужика в зеленой куртке.

– Намекни ему на докторского гостя. Только не в прямую. То ли, мол, в куртке был, то ли в зеленом пиджаке.

– Ладно, Викуня. Ну, а Доктора, если возбухнет, – два пальца об асфальт!..

Покинув аэропорт, Доктор велел шоферу уйти с трассы и выбираться полевыми дорогами. Обе машины проскочили по старому деревянному мосту через арык в район второй Алма-Аты. Оттуда проехали в коттедж, который он приобрел год назад на имя престарелого отчима, живущего в Семипалатинске.

Доктор и Ботаник сидели после ужина в гостиной, стены которой были задрапированы бежевым шелком. В камине тихо потрескивали березовые поленья, и напольные ходики мерно отсчитывали секунды.

– У вас много врагов, Матвей Осипович? – спросил Ботаник.

– Нынче у всех есть враги.

– Высокий казах, что был в порту с дамочкой, – ваша крыша?

– Вы меня шокируете своими вопросами, Савелий Григорьевич.

– Имею большой опыт конспирации. Не знаю, как у вас, но в России она необходима. Если бы не конспирация, меня распотрошили бы вместе с лабораторией. Так что насчет крыши?

– Да, боевики Исмагилова обеспечивают безопасность бизнеса.

– Случайно не он навязал вам покойного голубчика?

– Нет. Начальник УВД на транспорте.

– Генерал без шеи?

– Он самый.

– Дело в том, что голубчика прикончили очень своевременно. Для ваших врагов.

– Почему вы так решили?

– Я не стал вас напрягать в Москве, но мне он показался весьма подозрительным. В первую нашу с ним встречу очень уж настойчиво интересовался тем, что ему должно быть совсем не интересно. И даже полистал мою записную книжку, которую я намеренно оставил на видном месте.

– Никогда бы не подумал. Теперь понятно, почему вы рекомендовали подарить ему большую плюшевую игрушку. Чтобы привлечь к нему больше внимания?

– Именно так. Для лишней головной боли у заинтересованных лиц.

– Не из-за игрушки же его шлепнули?

– Конечно, нет. Но, возможно, она тоже сыграла свою роль. Всего скорее, голубчик не оправдал доверия хозяев. Или же они опасались, что малыш может сболтнуть лишнее. В том числе и о ваших врагах. А может, Матвей Осипович, хотели вас припугнуть?

– Не вижу оснований.

– Генерал в доле?

– Нет. Я плачу ему ежемесячно довольно приличную сумму.

– Этот механизм устарел. Гораздо эффективнее честный процент. Очень стимулирует служебное рвение. О чем генерал беседовал с вами по прилету?

– Так, о ерунде.

– Не темните, Матвей Осипович, коли мы стали компаньонами.

– Про вас выпытывал: кто такой, каким бизнесом занимаетесь, что у вас в кейсе.

– Я так и предполагал. Ваши охранные службы действуют так, будто имеют дело с первобытными дикарями. Их надо подкармливать на кухне, не пуская в гостиную.

– Иносказательно выражаетесь.

– Привычка молодости. И опасение быть услышанным. Я, между прочим, диссидент со стажем.

– А я – бывший секретарь парткома горздрава

– Забавный тандем. Тем не менее, Матвей Осипович, с силовиками надо дружить. Особенно с транспортными генералами. Их крыша надежнее криминальной.

– Предлагаете взять его в долю?

– Не совсем. Стоит для начала оговорить процент при сопровождении каждой партии.

– Кстати, как долго ждать первой партии, Савелий Григорьевич?

– Зависит от вас. Необходимо безопасное и приличное помещение с изолированными комнатами и оборудование по списку, который я вам передал.

– Помещение есть. Недалеко от города, на территории воинской части. Оборудование через недельку привезут из Китая.

– Вот и отлично. Что касается нас с вами, то работаем пятьдесят на пятьдесят. И без третьих лишних. Фармацевтов найду и отберу сам...

Генерал-колобок раздраженно перекатывался по аэропортовскому офису и выговаривал своему начальнику службы безопасности, тыча пухлым пальцем в разодранного на части плюшевого мишку:

– Кто тебе, Булыга, наплел, что Доктор заныкал камешки в игрушку?

– Голубой еще из Москвы сообщил, что в гостиницу к нему приходил какой-то ювелир. А потом Голубому подарили плюшевого мишку. Велели взять с собой в Алма-Ату. Зачем ему игрушка? Я и подумал, что это может быть мягкий сейф. Версия, так сказать.

– А кейс бородатого – по-твоему, не версия?

– Очень уж кейс на виду, шеф, особенно цепочка. Так ценности не перевозят. Похоже на отвлекающий маневр.

– А, может, и не было никаких камешков, а? Зелень была, а камешков не было! Перегнали из банка в банк – и чистые!

– Проценты надо отстегивать, шеф. А Доктор – жмот. С игрушкой мы, понятно, дали маху, – продолжал секьюрити. – А то, что педика убрали, так это по плану. Знал много, а толку от него пшик. Да и Доктору предупреждение за несговорчивость. Пусть знает, что урки не защитят его от пули.

Генерал перестал перекатываться. Глянул на подчиненного снизу вверх из глазных прорезей, будто прикидывал, насколько ему стоит доверять.

– Меня интересует, что за дела у Доктора с прилетевшим москвичом?

– Выясним.

– Вот и выясняй. Валютой от него пахнет. Прощупай, куда они сунутся. Может, москвич и нам сгодится. Где он остановился, засек?

– Пока у Доктора. После выстрела рванули из аэропорта, как зайцы, по степи. Арык перемахнули по деревянному мосту. И сразу – в особняк. Сейчас оба находятся там.

В этот момент подал голос телефон.

– Возьми, – буркнул генерал-колобок.

– Слушаю, – поднял тот трубку. – Богатым будешь, Искандер, только что тебя вспоминали... Передаю, – протянул трубку начальнику, – Исмагилов.

– Чем порадуешь? – недовольно бросил в трубку Колобок и вкатился в кресло.

Слушал, не перебивая собеседника. Лишь в конце переспросил:

– В куртке или все-таки в пиджаке?.. Не вали на моего сержанта. Со своими мудаками разберись. Не охрана у тебя, а дерьмо с наколками... Ладно, перехват объявлю.

– Ну, дела! – сказал, опустив трубку на рычаг. – Парень, которого мы Исмагилову отправили, сбежал. Его отбил бородатый мужик в зеленом пиджаке. Соображай, Булыга!

– Намеряете на докторского гостя?

– Так и есть. Теперь они не отвертятся.

– Он не покидал особняк.

– У Доктора навалом потайных ходов и выходов.

– Перехват объявлять? – помедлив, спросил шеф службы безопасности.

– Я его еще не отменял. Дуй к Доктору с предьявой!

Через час к парадным воротам докторского особняка подкатил джип и просигналил. Однако никто на сигнал не откликнулся. Пришлось визитеру пройти к проходной пешочком. Вдавил блестящую кнопку на железной двери, раздалась мелодичная звонковая трель.

Привратник поинтересовался через динамик, кому не спится в ночь глухую.

– Полковник Булыга, – назвал себя прибывший.

Привратник справился о нем у мажордома. Тот, в свою очередь, побеспокоил по столь серьезному поводу хозяина. Доктор, выслушав старшего холуя, недовольно скривился, но велел впустить визитера вместе с машиной.

Когда тот появился в каминном зале, он показал жестом на кресло у стола. Однако посланец генерала от приглашения отказался и официально произнес, обращаясь к Ботанику:

– Прошу предъявить ваш зеленый пиджак!

– В чем дело, полковник? – удивленно спросил Доктор.

– Долг службы, Матвей Осипович. Совершил побег государственный преступник. Свидетели утверждают, что помог ему человек с бородкой, одетый в зеленый пиджак.

– Что за чепуха, полковник! Мой гость никуда не выходил из дома. Я могу это подтвердить.

– И все же я должен его доставить на опознание. Надевайте свой пиджак, господин, извините, не знаю, как вас звать-величать.

– Савелий Григорьевич, – произнес слегка растерявшийся Ботаник.

– Собирайтесь!

– Не торопитесь, полковник, – остановил его Доктор. Взял со стола сотовик, набрал номер и, дождавшись ответа генерала, раздраженно спросил: – Что за представление здесь устраивает ваш секьюрити?

Выслушав объяснение, Доктор взял на полтона ниже:

– Никаких свидетелей быть не может! Я ответственно заявляю, что дачу он не покидал ни на минуту... Побойтесь Аллаха, сейчас уже ночь! Понимаю, что служба. Согласен. Готов утром с вами встретиться и обсудить варианты... – некоторое время продолжал держать трубку возле уха, затем протянул ее полковнику: – Вас.

Получив ЦУ от начальника, тот аккуратно положил мобильник на стол и, не теряя официальности, обратился к Доктору:

– Оставляю Савелия Григорьевича под ваше поручительство. До свидания, господа!

Когда секьюрити удалился, Доктор выругался:

– Вымогатели!

– Я же говорил вам, что с генералами надо дружить, – откликнулся Ботаник.

– Хотел бы я знать, откуда взялся террорист в зеленом пиджаке.

– Подстава, Матвей Осипович. Генерал, похоже, далеко не глупец. Всего скорее, сам и организовал террориста...

3

Террорист, то бишь Георгий, как и прежде, не сбавлял скорости.

Дождавшись ровного участка дороги, пошарил в кармане и протянул Рысеву бумажник:

– Держи. Денег здесь три тысячи тенге. В наличности у меня больше нет. Там же визитка с телефоном и именем Герман. Доберешься до России, позвони. Германа не спрашивай, просто назовись. Если спросишь Германа, значит, тебя контролируют. Имей в виду, номер московский. Возможно, мы еще и встретимся.

Рысев убрал бумажник в карман джинсов, проговорил:

– На всю жизнь вам обязан.

Остановился Георгий на темном полустанке Курдайского перевала.

– Приехали, – сказал своему пассажиру. – Через семнадцать минут будет поезд на Челябинск. Здесь он всегда делает минутную остановку, хотя расписанием она не предусмотрена. Вот тебе вагонный ключ, открывай тамбур и действуй по обстановке. Впереди пограничная с Киргизией станция – Луговая. Едут сплошные зайцы. Заплати проводнику, он тебя пристроит. Границу с Россией пересекай на перекладных. А там – как Бог на душу положит.

– Спасибо.

– Топай вон к тому столбу, на котором фонарь не горит. Там блатной вагон останавливается. В нем легче укрыться.

– Не поминайте лихом, командир! – Рысев открыл дверцу и скрылся, словно прихрамывающее привидение.

Водрузив на глаза прибор ночного видения, Георгий попытался пробиться взглядом сквозь темень. Но сколько ни всматривался, беглеца не обнаружил. И лишь когда, заскрежетав тормозами, остановился сверкавший огнями поезд, он заметил его. Ухватившись за поручни, Рысев подтянулся. Ступил на нижнюю вагонную подножку, изогнулся, открывая дверь ключом-вездеходом. Она распахнулась, и он мгновенно исчез в тамбуре.

До рассвета оставалось всего ничего. Георгий включил зажигание и тронулся в обратный путь, где его ждала любимая подруга.

Кто кого?

1

Юлия проснулась рано, когда солнце еще цеплялось за снежные вершины Заилийского Алатау. Ни завтракать, ни пить кофе без Георгия ей не хотелось. Стояла у широкого окна, наблюдая, как оживал внизу широкий проспект, заполнялся автомобилями, спешившими пешеходами и собирающимися под аркой пьяницами. Звонить Исмагилову рано, да и не стоит звонить, пока не объявится Георгий.

Первый пробившийся в окно солнечный луч подвигнул Юлию на вояж по коридору. Герин номер располагался на том же этаже, что и ее, но не рядом, а сразу за боковым поворотом, скрытым от глаз дежурной. Та даже не повернула головы, когда Юлия продефилировала по коридору и свернула к двери Гериного номера. Конечно же, на стук никто не откликнулся. Мог бы, между прочим, и звякнуть, знает же, что она беспокоится. Но ведь не звякнет, для него конспирация святее Папы Римского. Но едва она захлопнула за собой дверь, как зазвонил городской телефон, номера которого она и сама не успела узнать.

– Привет, красотка!

– Привет, – узнала она голос Исмагилова.

– Не раздумала встречаться со мной?

– Откуда вы узнали, в каком номере я остановилась?

– Я в своем городе все знаю. Ты не ответила насчет встречи.

– Мечтаю об этом.

– Хм. Я послал за тобой машину.

– Но я еще не готова. Хотела бы предварительно переговорить с шефом.

– Я тоже хотел бы перетереть тему с твоим хозяином. Но сперва с тобой побазарю. Так что собирайся, машина на подходе.

Не успела Юлия нанести макияж, как в дверь постучали.

– Открыто! – крикнула она.

В дверь протиснулся грузный хмурый мужик в дорогой кожанке без признаков интеллекта на мясистой физиономии.

– Я за тобой, – сказал, забыв поздороваться.

– Подожди внизу. Сейчас спущусь.

– Не. Тут подожду.

– Опасаешься, что сбегу?

В ответ тот лишь засопел.

Спустя несколько минут, они уже мчались по автотрассе и скоро свернули к кованым воротам. Отсюда они с Герой умыкнули вчера курносого парня. А сейчас она по своей воле влезала в это змеиное гнездо в виде двухэтажного особняка из розового туфа.

Мясистый водила сопровождал ее наверх, распахнул двустворчатую дверь и буркнул:

– Тебе сюда.

Вход в помещение преграждала еще одна дверь, внутренняя, обитая молочной кожей по металлу. Толкнув ее, Юлия очутилась в просторном зале с огромным плоским телевизором и киноэкраном. Исмагилов и кореянка сидели в креслах: он в белой рубашке, она – в белоснежном халате. На журнальном столике стояли три бокала и хрустальная ваза с конфетным ассорти. Еще одно кресло явно предназначалось для гостей.

– Садись, красавица, – показал на него хозяин.

С чувством самоуважения на лице Юлия прошествовала к столику, основательно устроилась в кресле и без разрешения цапнула самую большую конфету.

– Давай по делу, – сказал Исмагилов. – Насчет бюджетных бабок.

– Ваш президент создает на Каспии военно-морской флот. Понадобятся корабли, локационные станции, терминалы, оборудование, три вида формы для моряков и куча морских приборов. В Казахстане нет для этого производственных мощностей. Создавать их заново – неподъемный груз. Серьезные люди за приемлемую цену могут взять ваш флот на полное обеспечение. Нужен местный бизнесмен, который выбил бы для своей фирмы заказ министерства обороны Казахстана.

По лицу Исмагилова скользнуло недоверчивое удивление. Видно, никак не ожидал столь серьезного предложения. Он переглянулся с корейкой. Та никак не отреагировала на его взгляд.

– Откуда знаешь, что флот создается? – спросил хозяин.

– Шеф получил информацию из правительственных верхов.

– Что еще можешь сказать?

– Ничего. Я – передаточное звено.

– А где не передаточное?

– В вашем городе.

– С тобой прилетел?

– Да.

– Почему я его не видал в аэропорту?

– Вопрос не по существу.

– Кто он?

– Бизнесмен из Германии.

– При чем тут Германия?

– Он немец из Поволжья. Эмигрант третьей волны, получивший немецкое гражданство.

Курирует валютные потоки.

– Когда я могу с ним встретиться?

– В любое время. Только не в людном месте.

– Ладно. Когда определяюсь, позвоню. Мобила у тебя есть?

– Есть, – она продиктовала номер.

– Теперь давай завтракать.

– Извините, вынуждена отказаться: дела.

– Как хочешь.

– Надеюсь, вы отправите меня в отель?

– Отправлю.

Исмагилов нажал кнопку вызова. Появился тот же водила с рыхлым носом.

– Не набрался еще, Штангист? – грозно спросил хозяин.

– Никак нет, – затряс тот стриженной головой.

– Доставь э... девушку, куда скажет.

В гостинице Юлия оказалась почти одновременно с Георгием. Он прибыл чуть раньше, проник в ее комнату и успел принять душ. Выглядел свежим, как огурчик, будто и не провел бессонную ночь. Поцеловал Юлию совсем не дежурным поцелуем, но постельного продолжения не последовало, хотя она бы и не отказалась.

За завтраком в ресторане, когда она поведала о своем визите к Исмагилову, Георгий проговорил:

– Надеюсь, что он пригласит на встречу Доктора. Самостоятельно ему не осилить.

Юля рассчитывала, что после завтрака они продолжат общаться в более подходящей обстановке, но ее Гера рассудил по-своему:

– Посплю у себя минут двести, чтобы на переговорах голова светлой была.

Когда москвичка убыла, Исмагилов спросил корейнку:

– Ну, как она тебе показалась?

– Совсем не проста девица. Говорит меньше, чем знает.

– Сам усек. Как тебе ее базар?

– Если акцию проверить, большие деньги закапают. Нельзя упускать, Искандер.

– Все равно без Доктора не обойтись. Звать в долю придется, – с этими словами Исмагилов вытянул из рубашечного кармашка сотовый телефон и набрал номер.

– Привет, Доктор! Как дела?.. Нарисовалась одна жирная тема. Встретиться надо. В четыре сможешь? Ладно, в пять.... В сауне не в протык, лучше в моем кабаке на Медео....

2

Прав оказался Георгий: на встречу Исмагилов явился с Доктором. Они сидели в ресторанном зале за единственным накрытым шестиместным столом, оставив многочисленную охрану снаружи. Стол украшали тарелки с богатой закуской, запотевшая бутылка «Абсолюта» и пузатая емкость с коньяком «Камю».

Доктор, а за ним и Исмагилов встали при появлении деловых партнеров, обменялись с прибывшими дежурными приветствиями и рукопожатиями. Голос у Доктора, отметила Юлия, нисколько не изменился. И шишковатую плешь она помнила прекрасно. Он же или не узнал воздушную спутницу, или сделал вид, что видит ее впервые.

Исмагилов что-то шепнул Георгию, и тот сказал Юлии:

– У нас мужской разговор. Побудь вон в той комнате, – показал на закрытую дверь.

Ей это не понравилось, но в каждом монастыре свой устав. Покорно прошла, куда было указано. В уютно обставленной комнате ее встретила корейнка Вика.

– Шампанское будешь? – спросила вместо приветствия.

– Наливай, – согласилась гостья.

Они уселись на диван, цедили глоточками «Вдову Клико». Вика сказала:

– Это Матвей нас сюда выслал.

– Какой Матвей?

– Доктор. Подумаешь, секреты Полишинеля!

– Мужики, они такие, – откликнулась Юлия, чтобы не молчать.

– Ты с этим немцем спишь?

– Нет, он не шеф мне. Прилетел, чтобы держать ситуацию под контролем.

– Фамилию его знаешь?

– Кауфман.

– На еврейскую смахивает. Немцы кидаловом не занимаются, а евреи запросто. Доктор – тоже еврей.

– Мне до лампочки национальность, мое дело маленькое.

– Не темни, Юля! Не похожа ты на простушку. Не скажешь ведь, кто твой московский шеф?

– Не скажу. Много будешь знать, красота увянет.

Вика задумалась. Подняла на гостью глаза, спросила:

– Ты не замужем?

– Нет.

– Не боишься за свое будущее?

– Чего бояться? Накоплю денег, куплю в Москве квартиру, выйду замуж.

– А сейчас где обитаешь в Москве?

– С родителями в хрущевке.

– У меня тоже своего угла нет.

– А Исмагилов?

– Спонсор. Ненадежно все это. Хотела бы я знать, о чем они там договариваются.

Тон разговору задавал Доктор:

– Как я понял, доставку вы берете на себя.

– Да, доставка наша. Расходы общие, – ответил Георгий.

– Что вы хотите иметь от сделки?

– Семьдесят процентов от официальной стоимости товара. По российским меркам. У вас он будет дороже. Насколько – зависит от вас.

– Сколько вы будете платить за товар неофициально?

– Это проблемы нашей стороны.

– Форма оплаты и сроки?

– Предоплата пятнадцать процентов на мой счет в Швейцарии. После получения очередного груза перечисляете всю сумму.

– Должен вам сказать, что семьдесят процентов – чистый грабеж, если учесть, что товар вам обойдется почти даром.

– Дармовой сыр бывает только в мышеловке.

– Мы согласны на пятьдесят процентов.

– Я не собираюсь торговаться. Семьдесят, и ни цента меньше. Подумайте, господа! Или мы расходимся, как джентльмены.

– Это ваше последнее слово?

– Да.

– Хорошо, мы обдумаем ваше предложение. Будем считать нынешнюю нашу встречу протокольной. Но без протокола о намерениях сторон.

Исмагилов, сидевший до этого времени молча, взял в руки водочную бутылку.

– Что будете пить? – спросил Георгия.

– Русскую водку.

– Я тоже, – наполнил две вместительных рюмки. Доктору наплескал коньяку.

Выпили, закусили. Доктор спросил Георгия:

– Вы отсюда в гостиницу?

– Да.

– Могу вас подбросить.

Исмагилов подозрительно глянул на компаньона и вмешался:

– Я сам их отправлю.

– Как хотите, – сказал Доктор, вставая из-за стола. – Мне пора.

Громила-вахтер откинул засов и выпустил Доктора.

– Теперь можно и мадамов позвать, – сказал Исмагилов. Встал, распахнул дверь в комнату отдыха: – Прошу к столу!

Из кухни выскочили два халдея в белых пиджаках.

– Первое будем? – обратился к гостям хозяин.

Георгий отрицательно качнул головой.

– Шампанское и конфеты девушкам, – распорядился Исмагилов. – Всем шашлык из баранины...

Штангист высадил Юлию и Георгия у гостиницы примерно через час после того, как покинул застолье Доктор. Развернулся и ударил по газам. И тут же они услышали скрипучий голос:

– Господин Кауфман!

К ним собственной персоной приближался Доктор.

– Я хотел бы переговорить с вами, господин Кауфман.

Юлия догадливо отошла в сторонку. Ей не было смысла торчать на улице. Она взбежала по ступенькам и направилась в свой номер. Доктор, уцепив Георгия за локоток, повел его к своей машине. Водитель мерса, узрев кивок хозяина, покинул салон и присоединился к курившим у джипа охранникам.

– Слушаю, – сказал Георгий, когда они устроились на заднем сидении.

– Вам этот уголовник нужен? – в лоб спросил Доктор.

– Какой уголовник?

– Не прикидывайтесь. Вы же сообразили, что Исмагилов из криминальных авторитетов.

– Предположим.

– У него нет никаких выходов на силовые структуры, кроме мелких сотрудников.

Все вопросы придется решать мне, он станет только помехой. И лишним едоком в общей чашке.

– Вы предлагаете изъять его из сделки?

– Предлагаю.

– Кто при таком раскладе обеспечит сохранность грузов?

– Транспортная милиция, это я беру на себя.

– В принципе, мне все равно, с кем иметь дело. Лишь бы никто не чинил препятствий.

– Вот и прекрасно.

– Но имейте в виду, мои условия остаются прежними.

– Они меня устраивают. Вполне возможно, что мы найдем общий язык и по другим проектам. Есть одна задумка.

– Какая?

– Об этом еще рано говорить, посмотрим, что даст реализация вашего проекта. О нашем договоре Исмагилову не обязательно знать.

– Не обязательно, – подтвердил Георгий...

Поднявшись на свой этаж, он сразу же направился к Юлии.

– Я видела, как ты вылез из машины Доктора, – сказала она.

Георгий приложил палец к губам, и она послушно сменила тему:

– Отдыхать будем? – спросила.

– Будем. Только я сначала загляну в свой номер, – поманил ее пальцем и шепотом рассказал о предложении Доктора.

Она удовлетворенно кивнула и так же, шепотом, сказала:

– Забыла тебя утром спросить, с курносым парнем все в порядке?

– Надеюсь. Он сейчас должен находиться в поезде...

Беглец

1

До начала посадки на скорый Челябинский Алексей успел отовариться продуктами. В дороге, как он убедился, не всегда хочется покидать уютную лежанку, переодеваться и топтать в ресторан. В вагон он заселился первым и был слегка удивлен, что там уже находились другие пассажиры.

– У нас ресторанная бригада три купе занимает, – объяснил усатый проводник.

Собиравшийся и, возможно, начавшийся дождь остался в Алма-Ате. Тускло-звездная ночь накрыла и горы, и поезд, медленно и натужно ползущий через перевалы.

Вокзальная кассирша не обманула. Алексей оказался в двухместном купе один. Сидел за столиком и перечитывал распечатанные на принтере Аленкины сказки. Он даже увлекся чтением и оторвался от рукописи, когда поезд остановился на какой-то узловой станции. «Отар», – прочитал надпись на здании. Значит, впереди Курдайский перевал, где он еще в советские времена был в командировке.

На перевале дислоцировалась рота, в которую навечно были зачислены 28 героев-панфиловцев. От Курдая автомобильная дорога вела в Киргизию. Поезд же двинет на запад по низовьям Чуйской долины, известной как местный наркотический Клондайк. Узловая станция Луговая – пограничный пункт между Казахстаном и Киргизией. Далее – город Джамбул, переименованный в Тараз. Затем машинист повернет на север, в сторону России.

Географию Алексей, оказывается, не забыл. Следил за проплывающими за окном домами, пока состав снова не окунулся в ночь. На седловине Курдайского перевала сделал минутную остановку и неспешно покатыл вниз, оставляя позади каменистые горы.

Алексей вышел в коридор, остановился у окошка. Разглядеть в него что-либо было невозможно: ни фонарей, ни ламповых пятен будок обходчиков. Он уже вознамерился вернуться в купе, когда его внимание привлек щелчок закрывшейся тамбурной двери. Обернулся и не поверил глазам. Возле туалета стоял тот самый курносый парень, которого с трудом повязали в зале аэровокзала подчиненные генерала-колобка.

Заметив Алексея, парень торопливо скрылся в туалете. Ненадежное, однако, выбрал убежище, если он в бегах. Ждать его пришлось до тех пор, пока из крайнего купе не выпорхнула разбитная ресторанная девица в бананах и не толкнулась в туалет. Постояв с полминуты перед закрытой дверью, она сердито забарабанила и прокричала:

– Эй! Кто там? Выходи, а то обоссусь!

Дверь тут же открылась, и парень, прихрамывая, двинулся по проходу. Алексей откатил дверь своего купе. Когда парень поравнялся с ним, сказал:

– Я – друг, заходи!

Тот, похоже, не удивился, шмыгнул в открытую дверь.

– Что хромаешь? – спросил Алексей.

– Подстрелили чуток.

– Снимай штаны, рану посмотрю.

– Не надо. Мне ее обработали. Кость не задета.

– Кто обработал?

– Мужик, который отбил меня у охраны. Потом врачаха в микрорайоне.

– Как сейчас себя чувствуешь?

– Терпимо.

– Тебя как зовут?

– Игорь Рысев.

- Меня – Алексей Николаевич. На пару вопросов ответить можешь?
- Могу.
- Чья охрана тебя караулила?
- Ментовский сержант и быки Исмаилова.
- Что за Исмаилов?
- Мой бывший хозяин. Авторитет из уголовников.
- В аэропорту он был с женщиной?
- С корейкой Викой. Она – хахальница хозяина.
- Его имя – Искандер?
- Да.

В голове у Алексея мгновенно высветились буквы, написанные на картонной коробке с пятью его фотокарточками и пачкой долларов: «И. И.» – Искандер Исмаилов. Не исключено, что ему и вез валюту прихвостень московского авторитета. Занятная цепочка вырисовывается: Юсуп, пославший быков по его душу, – Керим с деньгами для «И. И.» – сам «И. И.», устроивший охоту на подчиненного, – мистер Икс, освободивший парня по неведомой причине. Если сюда приплюсовать Колобка в генеральском мундире и подозрительного Доктора, получится целый змеиный клубок. И знаковая фигура в нем – мистер Икс. Конечно, не мешало бы клубок распутать, учитывая особые отношения с Юсупом. Но поезд уже давно ушел, не оставив для распутывания ни времени, ни возможностей. А курносый парень – случайная нитка в этом клубке.

Тот сидел, облокотившись на столик. Лицо его было усталым и серым.

- Есть хочешь?
- Не мешало бы.

Алексей выложил на стол хлеб, колбасу и бутылку боржоми.

- Банкуй сам, Игорь. Я сыт.

Тот без стеснения раскромсал батон, крупно нарезал колбасные кругляши и принялся за еду. Чувствовалось, что проголодался, и не скрывал этого.

Когда с едой было покончено, Алексей спросил:

- Как ты оказался в поезде?

– Как в сказке. Менты, как положено, отбучкали, потом отправили на «Волге» к Исмаилову. Когда машина свернула к фазенде, колеса прокололись. Шофер пошел к караулке, а я остался с сержантом. Из караулки подошел Саксаул с автоматом, исмаиловский охранник. Сержант тоже вылез из машины. Тут и появился мужик, мой спаситель. Вырубил охранника и вырвал у него автомат. Мент сам поднял руки. Мужик пристегнул его браслетом к баранке. Меня вытянул наружу и поволок в лес. Там вдоль трассы везде на склонах лес. Вдогонку стали стрелять. Тогда меня и зацепило.

Беглец отпил из бутылки боржоми и продолжил:

– На трассе ждала «Ауди» с девчонкой за рулем. В микрорайоне рану обработала врачиха. Потом опять в машину. Покатали на Бишкек. Мужик, наверно, гонщик, скорость не снижал даже на серпантинах. До Курдая он домчал часа за два либо меньше. Как раз успели к приходу поезда.

- И кто этот мужик, как думаешь?
- Понятия не имею.
- Не говорил, что свяжется с тобой? Или, может, свои координаты оставил?

Алексей уловил, что в голове парня возник атласный прямоугольничек с телефонным номером, и мелькнуло имя «Герман». Однако тот без запинки ответил:

- Нет, никаких координат не оставлял.
- Нет, так нет. Спать сильно хочешь?
- Не так, чтобы сильно. Просто устал.

– Ехать нам долго. Ложись и спи.

Рысев не стал раздеваться. Плюхнулся поверх одеяла и почти сразу же вырубился.

2

Негласный заяц в спальном вагоне – нонсенс. Проводник может посадить в купе кого угодно на любой станции, этот заяц узаконенный. Беглеца надо было как-то легализовать. У Алексея еще оставались восемь тысяч российских рублей, тысяча тенге на дорожные расходы и семьсот долларов. Он не знал железнодорожной таксы. Потому отделил сотенную купюру с американским президентом и родимую тысячную – с христианским церковным ансамблем. Прошел к проводнику. Усач в компании с русской напарницей гонял чай в служебном купе.

– Командир, – обратился к нему Алексей, – дело к тебе есть.

– Говори.

– Я знакомого встретил. Он из плацкартного вагона. Хочу, чтобы ко мне перебрался.

– Куда едет?

Алексей, не задумываясь, ответил:

– В Боровое. Курортник. Я готов заплатить.

– Сколько?

– По таксе.

В воображении проводника промелькнули четыре тысячи казахских тенге, равных по официальному курсу девятистам российским рублям. Алексей протянул ему тысячерублевую ассигнацию. Тот сунул ее в карман:

– Нет вопросов, пускай едет.

Обошлось даже дешевле, чем Алексей рассчитывал.

Рысев не шевельнулся, когда он стукнул дверью купе. Спал, не изменив позы, но лицо оставалось напряженным даже во сне. Алексей разобрал постель, выключил свет в изголовье и почти мгновенно ушел с головой в теплый зеленый омут.

...Светлая ночь опустилась на землю. Стражники у садового склепа бодрствовали, ибо время от времени из походного шатра появлялся капитан стражи и обходил караул. Подчиненные не понимали, чего им опасаться. Бунтовщик умер, с креста его сняли и занесли в склеп. С ним находится лишь блудница – бродяжка. Может, первосвященники ждут нападения паломников? Но зачем им похищать мертвое тело? Да и кто посмеет пойти против мечей?.. Однако ежечасный обход капитана рождал беспокойство и ожидание чего-то непонятного.

Перед самым рассветом небо вдруг потемнело, хотя на нем не наблюдалось ни одного облака. Стражники в недоумении задирали головы. В этот же миг округа осветилась. Скалу с гробницей залило нестерпимым светом, и у камня, прикрывавшего вход, выстроилась шеренга воинов в белых одеждах.

Капитан приказал отогнать их стрелами. Но стрелы или не долетали, или, коснувшись белых одеяний, теряли силу и падали на траву. Капитан командовал взять непонятных воинов в мечи. Обнажил оружие, но стражники не сдвинулись с места и даже не сделали попытки вытянуть мечи из ножен. Да и сам капитан, вместо того, чтобы шагнуть к марширующему белому строю, вдруг опустился наземь. И тут же тьма поглотила и стражников, и паломников. Только яркий луч света вспыхнул у входа в гробницу.

Из склепа показались четыре фигуры. Двое в белом вели за руки того, кого паломники почитали за мессию, а стражники – за бунтовщика. Заплаканная женщина, известная многим как Мария, поддерживала его за голову. Испустивший на кресте дух учитель сам передвигал ноги и оглядывал печальными карими глазами темный сад.

– Уходи, Мария! – произнес один из тех, кто держал Иешу под руки.
– Нет! – возразила она. – Я буду с ним!
– Иди и скажи его ученикам, которые ждут погребения, что Спаситель не подвластен тлену, что он снова жив и здоров. Они увидят его в Галилее.
– Потом я останусь с ним?
– Нет, он покинет этот мир, чтобы вернуться.
– Когда ты вернешься? – обратилась она к воскресшему кумиру.
– Не знаю, – тихо проговорил он.
– Когда на земле взойдут семена добродетели, – так же тихо произнес его спутник. – Иди, Мария, предупреди его учеников!
Она сделала несколько шажков, обернулась и никого не увидела.
Округа вновь осветилась. Испуганно шевелилась молчаливая толпа паломников. Капитан стражи кинулся к распахнутому склепу. За ним последовал первосвященник.
Гробница была пуста...

Алексей пробудился, но глаз не открывал. То, что ему привиделось, не походило на сон. Больше напоминало цветную киноленту, и было продолжением картины про Понтия Пилата и осужденного на распятие Иешу. Снова гениальная память?..

Он открыл глаза. Солнце уже поднялось. Поезд давно миновал Чуйскую долину. Степь за окном была разбавлена островками низкорослой зелени, которая исчезнет, когда останется позади озеро Балхаш, и начнется пустыня.

Рысев тоже не спал, лежал на спине и глядел в потолок.

– Как нога, Игорь? – спросил Алексей.

– Нормально.

– Чего улегся вчера, не раздеваясь?

– У меня кровянка на иподнем.

Алексей достал из сумки чистые трусы и футболку.

– Сходи в туалет, смой кровь. И переоденься.

– А не застукают?

– Нет, я с проводником договорился. Потом в ресторане перекусим.

– У меня всего три тысячи тенге до Самары. Мне их спаситель подарил.

– Герман?

Рысев с подозрением поглядел на него.

– Ты сам назвал и Георгия, и Германа. Впрочем, не суть важно. Подарок пока держи при себе. Деньги у меня есть. Приводи себя в порядок – и завтракать.

Вернувшись из ресторана, Рысев спросил:

– Ну, что? Рассказывать, как я дошел до жизни такой? А то подумаете, что я ворюга.

– Если есть желание, исповедуйся.

Исповедь не стала для Алексея откровением. Такие истории случались на постсоветском пространстве сплошь и рядом. После развала Союза декларируемая демократия непостижимым образом сразу же превратилась во вседозволенность, и ценности свободного бытия стали восприниматься как свобода мошенничества и воровства. В России тоже финансовых пирамид хватало: «МММ», «Мальвина», какой-то «Хопер – «А-атличная кампания!», которую рекламировала супружеская пара: муж-коротышка и толстоногая жена, тёзка повешенной братками стриптизерши. Много было всяких фирм и кампаний, обиравших доверчивых простаков.

После того, как Рысев описал свою эпопею, Алексей раздумчиво проговорил:

– Н-да, не позавидуешь.

– Вот и бабана моя купилась. Главное, чтобы она нормально добралась.

– Доберется, проводник прикроет.

- Потому и не стал брать билет. Фамилия у нее другая, не как у меня.
- А вот тебя запросто вычислить могут. Не знаешь, с кем Исмагилов контактит в Москве?
- Наверно, с толстяком, с которым был в сауне.
- С Юсупом?
- С ним.

– Одно тебе скажу, Игорь. С криминалом в прятки долго не поиграешь. Для него границ не существует. Со своим паспортом, как я понял, ты распрощался. Распрощайся и со своей фамилией. Возьми бабкину и выправь новые документы. За деньги все можно сделать, хоть в Казахстане, хоть в России.

- Мне бы лишь до Самары добраться. Там я сориентируюсь.

На шикарном вокзале Астаны, новой столицы Казахстана, в вагон вошли трое полицейских, майор и два младших чина. Рысев быстренько юркнул в постель, притворившись спящим. Майор зашел к усатому проводнику, подчиненные лениво пошли по вагонам, открывали двери купе и тут же их захлопывали. Глянули на лежавшего Рысева. Один из них спросил Алексея:

- Куда едем?
- В Курган.
- А сосед?
- В Боровое, на курорт.

Ответ удовлетворил стражей порядка. Они оставили дверь открытой и вернулись в купе проводника. Через минуту Алексей увидел их на перроне вместе с майором, который пожимал руку проводнику. Все понятно, плановый расчет произведен.

- В Боровом мне удобнее всего сойти, – сказал «проснувшийся» Рысев.

Алексей вспомнил, как трепали погранцы и таможенники Серого. Да, проскочить на поезде границу Рысеву не удастся. Тем более что на беглеца, всего скорее, пошла ориентировка. Но можно ведь доехать до Кокчетав и даже дальше и сойти перед Петропавловском! Так он и сказал новому знакомцу.

– Нет, – не согласился тот. – Заметут. Этот участок железки – все равно, что прииск для всех служивых. Старателей навалом, всех шерстят. А Боровое я знаю. Погранпосты и таможенники только на асфальте. Контрабанду возят по полевым дорогам. Сам однажды груз сопровождал. Найду попутку и завтра буду в России. А там и до тетки как-нибудь доберусь.

– «Как-нибудь» не надо, Игорь, – Алексей достал кошель, пошелестел купюрами, вытянул три тысячных российских ассигнации и двести долларов. – Это тебе! Добирайся до Самары попутками или междугородними автобусами, там паспорт не требуется. И купи себе дорожную сумку, чтобы подозрения не вызывать.

– Вот уж не думал, что столько добрых людей на свете осталось. Спасибо, конечно. Только дайте адрес. Как доберусь, сразу долг вышлю.

- Адреса пока не дам. Деньги можешь не высылать.

– Запишите теткин адрес в Самаре, Алексей Николаевич. Вдруг будете там в командировке?

- Говори, запомню.

Насчет «запомню» Рысев явно засомневался, но адрес продиктовал. И, желая быть до конца благодарным, спросил:

- Хотите, я покажу вам визитку, которую мне мой спаситель дал?
- Мне она ни к чему, Игорь...

Уже стемнело, когда поезд остановился на станции «Курорт Боровое». Рысев еще раз сказал «спасибо» и исчез в приграничной ночи. Алексею ничего не оставалось, как расслабиться и постараться уснуть. Но объятия Морфея распахнулись для него лишь после того, как поезд миновал Кокчетав, и перенесли его на берег музыкального озера.

– Скажи, Оника, наша планета снова на краю гибели?
– Хранители не исключают этого. Жители заразились вирусом разрушения.
– Где же выход?
– Следовать заповедям, оставленным в Книге Знаний.
– Ты имеешь в виду Библию?
– Коран, Библия, Веды. Каждая из книг содержит заповеди мудрецов. Планета хранит много древних посланий. Поселенцы игнорируют их.
– Они просто не воспринимают их, как послания.
– Что ты можешь сказать о золоте?
– Драгоценный металл. Эталон валютных взаимоотношений.
– Даже ты не уловил главного. Золото – металл вечности, оно не подвержено разрушению и способно быть надежным носителем первичной информации. Но землян интересует только вес найденных золотых изделий. Варвары переплавляют информацию в немые бруски. В музеях сохранилась лишь малая часть.
– Информация доступна землянам?
– В музее города Богота есть экспонат под названием «Птицеподобная фигурка». В природе нет таких птиц. Это объемный макет летательного аппарата моих предков.
– Удивительно, что никто об этом не догадался.
– Ты слышал о большом Треугольнике, переходящем в Черный Круг?
– Нет.
– Это послание вам. Оно находится в Аравийской пустыне и символизирует цикличность жизни. Каждый ее виток заканчивается и начинается в Черном круге.
– Послание закодировано?
– Да. В нем указан путь и конечная цель.
Оника встала с кресла, подошла к нему, присела на кусачую циновку. Дотронулась пальцами до его висков. Он перестал слышать ее голос, да ему он и не требовался.
Свет стал меркнуть. Оника нехотя высвободила ладонь и, не касаясь травы, переместилась в сторону шатрового леса. Она ровно бы удалялась от него, хотя и оставалась на месте. Надвигавшийся мрак скрадывал ее фигуру, она истаявала, уменьшаясь в размерах, пока не исчезла совсем...

Сон прервался от стука в дверь и голоса напарницы усатого проводника:

- Проверка документов!
- Один едете? – спросил пограничник, взяв паспорт Алексея. – Соседей не было?
- Ехал курортник, сошел вечером в «Боровом».

Не взглянув на фотографию, пограничник шлепнул на паспорте выездной штамп. Закрывая дверь, проводница сказала:

- Перед Курганом опять проверка, российская.

Когда поезд тронулся, Алексей снова вытянулся на полке. Что за сон ему привиделся? Снова знакомая по прежним видениям неземная женщина, от которой исходили одновременно и покой, и непонятная ему озабоченность.

Скрежет поездных тормозов возвестил о еще одном государственном рубеже. Российские пограничники оказались придиричивее казахских. Румяный ефрейтор в великоватой фуражке с подчеркнутым вниманием, достойным лучшего применения, взглядывал то на пассажира, то на паспортную фотографию, надеясь найти несходство оригинала со снимком. Наверное, мечтал отличиться и заработать краткосрочный отпуск. Не найдя ничего подозрительного, обиженно вздохнул и со словами «Счастливого пути!» вернул документ Алексею. Все, как и положено по инструкции: бдительность и вежливость!

Через час поезд тронулся. Впереди была ночная остановка в первом областном российском городе Кургане. Алексей подумал, что Рысев – умница, сумел просчитать варианты. Жизнь его могла сильно осложниться, не исчезни он в Боровом.

Жизнь – вообще штука не предсказуемая. Люди считают, что она – халявный дар: берите, пользуйтесь, наслаждайтесь! Они уверены, что мир перестает существовать, когда жизнь заканчивается. Большинству невдомек, что временное пребывание на Земле – это равнобедренный треугольник, упирающийся вершиной в замкнутое кольцо Вселенной. В нем происходит кругооборот, и все начинается сызнова. В природе нет ничего мертвого. Даже разрываемая на куски планета – живая частица Вселенной, способная не только ощущать боль и отвечать на эту боль всплесками гнева, но и оживлять иссохшую материю своей энергией...

Стоп! С чего это его потянуло на отвлеченную философию, никак не связанную с реалиями бытия? Что за треугольник с замкнутым кольцом в вершине? Откуда он возник в сознании? Читал когда-то? Нет, он не помнил, чтобы читал или слышал от кого-то. Может, треугольник из ночного видения? А кольцо – законченный цикл чего-то важного?.. Значит, мысли навеяны видениями, хранящими тайну его преображения?.. В чем она, тайна?..

Снова слезка

1

Москва встретила Алексея легким снегопадом, которому еще не суждено было укутать землю в зимнее покрывало. Едва он перешагнул порог квартиры, как жена изрядно удивила его:

- Наш Олег собирается в Англию.
- Что он там забыл?
- Его отобрали по конкурсу для учебы и стажировки.
- На кого же он собирается учиться у буржуев?
- На финансового менеджера.

Алексей молча переварил новость. Ничего плохого в ней не было. Даже наоборот. И все же на душе остался неприятный осадок: почему для того, чтобы подготовить профессионального управленца, надо ехать в Англию? Неужели за бугор утекли все ученые мозги?.. Впрочем, сын уже взрослый и сам выбирает дорогу.

- Где Олег сейчас? – спросил он у жены.
- У своей девушки.
- Она тоже едет с ним?
- Нет. Грант на него одного. Он прощаться с ней поехал.
- Нормально.
- Я тоже думаю, что она ему будет там мешать. Рано еще жениться.
- Когда он улетаёт?
- Послезавтра. Деньги ему уже выдали... Я, Алёша, обед соберу. А ты пока прими

ванну...

За обедом она спросила:

- Как твоя командировка?
- Стандартно, – буркнул он.
- Тебе звонил издатель, который твою книжку про рыбалку напечатал. Его Антон зовут, фамилию не запомнила. Сказал, что для тебя денежная работа есть. Спрашивал, где ты служишь и когда вернешься из командировки.
- Что ты ответила?
- А что я могла ответить? Ты же мне ничего не говоришь о работе. Позвони ему.
- Позвоню.
- Между прочим, я твою пенсию еще не получала.

Он не спросил о причине, только вопросительно глянул на нее. Она поспешила ответить:

– Ты же оставил доллары, нам хватило, – и, чтобы не молчать, спросила: – Тебе подложить еще гренок с сыром?

Жена была само внимание. Мысли ее читались, как открытая книга: заглавить прошлый конфликт, стереть из памяти мужа и белый ковер на полу, и щедрого Геночку, о котором она, непонятно как, проговорила. В покаянии готова была навсегда забыть о том, что случилось. Хотела, чтобы в семье воцарился мир или хотя бы перемирие, способное сгладить острые углы. Но этому мешала отстраненность мужа. Она суетливо старалась подольститься к нему, упрямить каждое его желание. В ее воображении, словно пристань надежды, пару раз замаячила спальня с разобранной постелью.

Алексей легко улавливал ее мысли, но отклика в себе не находил. Вспоминал Аленку с Анютой и две проведенные с ними безоблачные недели. Вопросы жены, хоть и не мешали ему, но отвлекали, как жужжание назойливой мухи.

- Трудная была командировка, Алёш?

- Трудная, – соврал он. – Сегодня мне надо срочно подготовить отчет.
- Где же ты служишь, Алеша?
- А вот это, дорогая, секрет.

Она не обиделась. Поняла, что для обид время еще не пришло и что лучше пока ни в чем мужу не перечить. Только спросила:

- Ты в ближайшее время никуда не собираешься?
- В каком смысле?
- Ну, опять в командировку?
- Нет, у меня отпуск...

2

- Утопленник сегодня утром появился, – доложил Юсупу Клим.
- Пешком пришел или на машине?
- Пешком от метро.
- Маскируется, козел! Как у него дома?
- Тихо.

– Паси каждый шаг: куда ходит, с кем встречается. Если увидишь его на машине, срисуй номер. Любой, хоть конторский! Подключи шпану. Докладывать будешь в девять вечера. Заходи со двора. Ко мне тебя Горилла проведет.

Клим несколько раз видел здорового и молчаливого Юсупова телохранителя, у которого волосы лезли из-под рубашки, из ушей, из ноздрей. Вылитый горилла. Поговаривали, что стоит Юсупу подать ему знак, и считай, что ты не жилец. Не хотелось бы Климу встречаться с ним, но деваться некуда.

- Понял? – грозно спросил Юсуп.

Клим согласно кивнул и, повинуясь жесту хозяина, сгинул с его глаз.

Антону Бычевскому, по прозвищу Ласковый бычок, Алексей решил позвонить, когда проводит сына в аэропорт. Однако тот сам вышел на связь, будто караулил его возвращение.

- Опять в Тибет омолаживаться мотался? – поинтересовался по-свойски.
- Нет, в Гималаи.
- Ну, и как?
- Давай сразу быка за рога, Антон. Что там у тебя насчет работы?
- Одна солидная рыболовная фирма заказала рыбацкую энциклопедию. Возьмешься?
- Сколько заплатишь?
- Платить будет фирма. Дает тебе беспроцентный кредит на тираж в пятнадцать тысяч экземпляров. Ты пишешь. Сдаешь рукопись мне и оплачиваешь расходы издательства и типографии. После реализации тиража возвращаешь долг. Все, что останется, твое.
- Не пойдет.
- Почему?
- Я не торгаш.
- Реализовывать буду я через свою систему распространения.
- За какой процент?
- Без процентов.
- Филантропом стал?

– Только для тебя, дорогуша. Я серьезных услуг не забываю. Даже смету рассчитаю в твою пользу. Без отката. На бутерброд с икрой тебе останется.

– Вот и бери сам в долг у фирмы на бутерброд с икрой. А со мной заключай издательский договор.

- Понимаешь, заказчики хотят иметь дело только с автором.
- Пусть кого-нибудь другого поищут.

Ласковый бычок смолк, и Алексей уже собрался положить трубку, но тот снова подал голос:

– Я объясню заказчику твою позицию. Кстати, сколько бы ты хотел получить в качестве авторского гонорара?

- Пять штук зеленым. Две – аванс и три, как сдам рукопись.
- Ладно, сообщу о твоих условиях.

Закончив разговор, Алексей задумался. Предложение Бычка вылезало за стандартные рамки, и это его насторожило. Не тот он человек, чтобы шустрить без выгоды для себя. В чем тут его выгода?.. Очень уж странную сделку он предложил, и явно неспроста...

В том, что неспроста, Алексей убедился в тот же день. Во-первых, Ласковый бычок сообщил, что заказчика не устраивают его условия. Нет – так нет! Обойдемся без икры! Алексей воспринял отказ неизвестных фирмачей с полнейшим равнодушием. А во-вторых... С первой же минуты, стоило только выйти из дома в магазин, он понял, что его снова пасут. Причем пасут плотно. Климовские пацаны торчали, чуть ли не у каждого угла. Похоже, им нравилось играть в неуловимых агентов. Да и почему не должно нравиться, если с телеэкранов показывают погони с выстрелами, суперменов и находчивых детективов.

Пастухи сопровождали и такси, заказанное Алексеем для поездки в аэропорт Шереметьево. Новенькая девятка вишневого цвета открыто преследовала их на всем пути. На стоянке перед зданием аэровокзала из нее вылез рослый тип в распахнутом сером плаще, не скрывавшем накачанную фигуру, проследовал за ними в зал ожидания и даже пристроился в очередь к той же стойке регистрации.

Алексей попытался уловить его мысли. Но в голове преследователя не было ничего, кроме желания не дать объекту исчезнуть из поля зрения. «Ну, и хрен с ним!» – решил Алексей, и все же, на всякий случай, зафиксировал в памяти образ шпика. С четко вылепленными чертами лица, с крутым подбородком и высоким лбом, он выглядел профессионалом. Не исключено, что из действующих оперативников. Или отпочковался от спецназовцев, погнавшись за большой деньгой. В общем, наемник.

Очередь к стойке регистрации продвигалась довольно быстро, не то, что на внутренних рейсах. Олег покорно выслушивал последние наставления матери. Алексей достал из кармана оставшиеся у него доллары и сунул их в ладонь сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.